

Erasmus+

Jean Monnet Centre of Excellence

Обзор исследований отношений России и Евросоюза в нашей стране и за рубежом

Текст подготовлен в рамках реализации гранта Jean Monnet Centre of Excellence — «Building Knowledge and Expertise to Overcome the Current Crisis in EU-Russian Relations» (Центр Превосходства Жана Монне — «Знание и экспертиза для преодоления нынешнего кризиса в отношениях России и ЕС»), финансируемого за счет гранта Европейского союза (соглашение от 13.10.2015 г. №2015-2267 / 001-001).

Erasmus+

Jean Monnet Centre of Excellence

Обзор исследований отношений России и Евросоюза в нашей стране и за рубежом

Текст подготовлен в рамках реализации гранта Jean Monnet Centre of Excellence — «Building Knowledge and Expertise to Overcome the Current Crisis in EU-Russian Relations» (Центр Превосходства Жана Монне — «Знание и экспертиза для преодоления нынешнего кризиса в отношениях России и ЕС»), финансируемого за счет гранта Европейского союза (соглашение от 13.10.2015 г. № 2015-2267 / 001-001).

Санкт-Петербург
2018

УДК 327.51
ББК 66.4
О-14

Научный редактор: доц., канд. полит. наук Т. А. Романова
Заславская Н. Г. (Раздел I: 4, 7, 8; Раздел II: 4, 7, 8, 12; Раздел III: 2, 3,
4, 7); Изотов А. В. (Раздел I: 5, 6, 14;
Раздел II: 5, 6, 13; Раздел III: 5); Леви Д. А. (Раздел I: 9;
Раздел II: 9); Павлова Е. Б. (Раздел III: 8, 9);
Романова Т. А. (Раздел I: 1, 2, 3, 10, 11, 12, 13; Раздел II: 1, 2, 3, 10, 11,
12, 14; Раздел III: 1, 6, 10, 11, 12, 13).

О-14 Обзор исследований отношений России и Евросоюза в нашей стране
и за рубежом / под общ. ред. Т. А. Романовой. — СПб.: Нестор-История,
2018. — 216 с.

ISBN 978-5-4469-1430-2

В книге приведен обзор исследований отношений России и Евросоюза в нашей стране и за рубежом в период с начала 1990-х гг. до сегодняшнего дня. Представлены основные тренды изучения различных сфер, рассмотрены исследовательские вопросы, которые ставили российские и зарубежные авторы, приведены ссылки на соответствующие работы, выделены основные отличия в изучаемой проблематике в России и за ее пределами, а также в задействованном теоретико-методологическом инструментарии.

Для студентов, аспирантов, ученых, занимающихся проблематикой отношений России и Европейского союза.

УДК 327.51
ББК 66.4

Текст настоящего издания печатается в авторской редакции

- © Т. А. Романова, Раздел I: 1, 2, 3, 10, 11, 12, 13; Раздел II: 1, 2, 3, 10, 11, 14; Раздел III: 1, 6, 10, 11, 12, 13, 2018
- © Н. Г. Заславская, Раздел I: 4, 7, 8; Раздел II: 4, 7, 8, 12; Раздел III: 2, 3, 4, 7, 2018
- © А. В. Изотов, Раздел I: 5, 6, 14; Раздел II: 5, 6, 13; Раздел III: 5, 2018
- © Д. А. Леви, Раздел I: 9; Раздел II: 9, 2018
- © Е. Б. Павлова, Раздел III: 8, 9, 2018
- © Издательство «Нестор-История», 2018

ISBN 978-5-4469-1430-2

9 785446 914302

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую вы держите в руках, — результат работы коллектива Центра превосходства им. Жана Монне при Санкт-Петербургском государственном университете (2015–2017). Проект под названием «Знания и экспертиза для преодоления нынешнего кризиса в отношениях России и ЕС» был поддержан грантом Евросоюза (программа Erasmus+) в один из самых сложных для связей Москвы и Брюсселя моментов, когда отношения крайне обострились, впервые до такой степени с окончания холодной войны, а взаимная подозрительность на межгосударственном, трансправительственном и транснациональном уровнях нарастала с катастрофической скоростью. Отношения остаются непростыми до сегодняшнего дня и вносят свою лепту в растущую непрогнозируемость мирового развития.

В этом контексте возросла важность исследователей (как фундаментальных ученых, так и экспертов прикладного характера) в обеспечении объективного анализа, в предложении конструктивных решений. С обеих сторон непредвзятости, к сожалению, не хватало: многие исследователи скорее стремились обосновать официальную точку зрения соответственно Москвы и Брюсселя, нежели обеспечить качественный и независимый анализ. Не способствовали объективности и обвинения в ложных новостях (fake news), особенно в отношении нашей страны, а также стихийно возникшая в России и на Западе самоцензура на уровне и авторов, и журналов. Все эти негативные тенденции, к сожалению, сохраняются и нуждаются в нейтрализации.

Проект нашего Центра также исходил из того, что в значительной степени росту недоверия способствовало следующее: должный диалог между повестками исследования отношений России и ЕС в нашей стране и за ее пределами не происходил. Эпистемное сообщество (как академическое, так и экспертное) не оказывало достаточного

влияния на политическую элиту, на лиц, принимающих решения. Следовательно, ученые отчасти способствовали кризису в отношениях России и ЕС, но также они могут и содействовать его преодолению. Мы благодарны Евросоюзу (Агентству по образованию, культуре и аудиовизуальной продукции) за возможность внести свой вклад в улучшение отношений России и ЕС этим проектом.

В период с начала 1990-х гг. и до сегодняшнего дня в России появилось около 60 книг, посвященных отношениям России и ЕС; за пределами России — около 50.¹ В специализированных журналах России (например, «Современная Европа», «Мировая экономика и международные отношения» и др.), а также вне ее (“Europe-Asia Studies”, “Perspectives on European Politics and Society” и др.) появляются статьи по отношениям Москвы и Брюсселя, но их доля в среднем не превышает 5 % всех публикаций. Это позволяет говорить, что исследования отношений России и ЕС не стали центральным сюжетом, несмотря на географическую близость партнеров, взаимную важность отношений, особенно в экономике.

Центр им. Ж. Монне в лице Н. Г. Заславской, А. В. Изотова, Д. А. Леви и меня как руководителя принял решение проанализировать, какие темы доминировали в исследованиях, а также какие теории и методологии преобладали в нашей стране и за ее пределами. Результаты этого труда были вначале облечены в форму записок, опубликованы на сайте проекта (www.euactive.ru) и затем обсуждены на конференциях в Санкт-Петербурге в июне 2016 и 2017 гг. Они и составляют содержание данной книги. В ней выявлены основные тренды изучения отношений России и ЕС в тематическом и теоретико-методологическом плане. Каждая из глав — небольшой библиографический обзор, фиксирующий тренды отечественной и зарубежной сферы изучения отношений России и ЕС, призванный идентифицировать противоречия и различия, но также служить отправной точкой для будущих исследователей отношений России и ЕС.

Настоящая книга — первая ступень нашего проекта. В дополнение и развитие ведется работа над специальным выпуском журнала

¹ Показатели включают как монографии, так и сборники статей, появившиеся в ведущих академических издательствах и посвященные именно отношениям Москвы и наднационального Брюсселя (публикации по двухсторонним отношениям России и отдельных стран ЕС не учитываются).

“Journal of Contemporary European Studies” (планируется к публикации в 2019 г.) и “Routledge Handbook on EU-Russian Relations” (ориентировочная дата издания — 2020 г.). Мы надеемся, что настоящая книга, как и дальнейшие наши работы, послужит развитию диалога между отечественными и зарубежными исследованиями, с одной стороны, и углублению научного и экспертного знания по проблематике отношений России и ЕС — с другой.

*Татьяна Романова,
глава Центра превосходства им. Ж. Монне при СПбГУ
Декабрь, 2017*

I. ТЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕС В РОССИИ

1. Общий обзор¹

Безусловным тематическим фаворитом российских исследований отношений России и ЕС с начала 1990-х гг. стало расширение Союза и то, как оно повлияет на отношения партнеров. Другим приоритетом российских исследователей была внешняя политика и политика обороны ЕС. Постоянно росло количество российских исследователей т. н. региона общего соседства, сферы сотрудничества и соперничества России и ЕС. Ее популярность стимулировали как новые инициативы ЕС в регионе, так и развитие интеграционных проектов России. Популярность первых трех тем (расширение, безопасность и политика соседства) ярко свидетельствует о реалистическом характере исследований отношений России и ЕС в нашей стране уже на ранних этапах выстраивания отношений Москвы и Брюсселя, с течением времени этот тренд укрепился.

Следующий тематический приоритет российских исследований отношений России и ЕС — экономические связи. Здесь современные исследования выступают «правопреемником» советских интеграционных исследований, концентрировавшихся на экономических аспектах. Большое количество исследований было написано по энергетическому взаимодействию России и ЕС, что неудивительно, учитывая важность этих связей в отношениях Москвы и Брюсселя и ситуацию их тесной взаимозависимости.

Еще одной крайне популярной среди российских исследователей темой оставался вопрос о принадлежности России к Европе. Исследовалось, насколько Москва наравне с ЕС может определять приоритеты развития Старого Света, насколько Россия отлична от ЕС по менталитету и политическим практикам; анализировалась степень ее

¹ Глава написана на основе статьи Т. А. Романовой: Исследования отношений России и Евросоюза в нашей стране и за рубежом (1992–2015 гг.) // Современная Европа. 2015. №5. С. 100–114.

интеграции в Большую Европу, а также то, «в чем состоит европейский выбор России». Дискуссию усугубляла склонность ЕС «монополизировать» Европу как культурно-исторический концепт, говорить от ее лица, исключая тем самым Россию или предъявляя ей список дел, необходимых для реализации, чтобы стать «Европой».

Имели место также исследования трансграничных отношений России и ЕС (в т. ч. «Северного измерения»), а также прояснение модальностей сотрудничества России и ЕС по развитию Калининградской области. Данная тематика привлекала внимание исследователей не только Москвы, но особенно Санкт-Петербурга, Калининграда и Петрозаводска, что было связано с большим количеством эмпирического материала, доступного «на местах».

Широко обсуждались в России и все новые инициативы Москвы и Брюсселя: стратегии России и ЕС, общие пространства России и ЕС, партнерство ради модернизации. Большое количество работ было посвящено содержанию и перспективам нового базового соглашения России и ЕС. Весомый вклад в дискуссию внесли исследования по европейскому праву, где указывалась специфика правового сотрудничества России и ЕС. Особо отметим проблематику правового сближения России и ЕС, которая затрагивалась не только юристами, но и политологами, экономистами.

Привлекала внимание российских исследователей и роль стран — членов ЕС в выработке политики ЕС в отношении России. Меньше усилий было посвящено тому, как повлияют на отношения России и ЕС институциональные и политические преобразования в Евросоюзе, но эти работы также присутствовали в отечественной европеистике.

Имели место и исследования сотрудничества России и ЕС по борьбе с преступностью, нелегальной иммиграцией, а также переходу к безвизовому режиму. Последний вопрос особенно привлекал исследователей в силу его социального и политического резонанса. Здесь предлагались различные схемы перехода к безвизовому режиму, определялись конкретные шаги обеих сторон, готовились дорожные карты.

Наконец, в последние годы популярной стала тема копирования опыта ЕС для евразийской интеграции, а также выстраивание отношений между ЕС и Евразийским экономическим союзом.

В целом за 26 лет в российских исследованиях отношений России и ЕС произошло несколько важных изменений. Первое — переход

от восхищенного узнавания Евросоюза и акцента на его особенности к более прагматичному пониманию сложности системы ЕС, но также тому, что он, как и любой участник международных отношений, защищает свои интересы, к акценту на самости России. Второе — сдвиг фокуса от ЕС к евразийской интеграции как равному процессу. Третья трансформация состояла в отходе от отношений, обусловленных внутрироссийскими реформами, к диалогу, зависящему от эволюции Евросоюза.

2.

Экономическое сотрудничество

Экономическое сотрудничество России и Европейского экономического сообщества (ЕЭС), а затем Евросоюза (ЕС) всегда было в центре внимания отечественных исследователей. Здесь современные исследования выступают «правопреемником» советских исследований¹. На начальном этапе игнорирование политических, экономических и юридических аспектов интеграции в отечественной науке, несомненно, было обусловлено характером европейской интеграции. Кроме того, сказывалась специфика исследований международных отношений в СССР: акцент на экономике как определяющей все другие сферы жизни, а также концентрация на прикладных аспектах, на эмпирике (в т. ч. статистических данных) и их исследовании и интерпретации. В российских исследованиях отношений России и ЕС изучение экономических связей по-прежнему ярко выражено. Как правило, сохраняется и акцент на эмпирику, а не на теоретическое осмысление или тестирования каких-либо моделей.

¹ Максимова М. Экономическая интеграция: некоторые вопросы методологии // *Мировая экономика и международные отношения*. — 1969. — № 5 — С. 20–30; *Ее же*. Основные проблемы империалистической интеграции. — М., 1971; *Ее же*. К вопросу об отечественной теории интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. — Июнь, 2007. — № 6. — С. 104–113; Шишков Ю. В. Формирование интеграционного комплекса в Западной Европе: тенденции и противоречия. — М., 1979.

Прежде всего большинство отечественных работ обращается к проблематике торговли, к динамике роста товарооборота и их причинам (в т. ч. это рост цен на энергоносители, восстановление российской экономики с логичным увеличением покупательной способности населения и спроса на европейские товары). Кроме того, в центре внимания находились две диспропорции торговых отношений России и Евросоюза. Первая — около 50 % товарооборота России приходится на ЕС, тогда как для Брюсселя наша страна лишь третий или четвертый по важности экономический партнер (около 10 % товарооборота), т. е. для России ЕС как торговый партнер важнее, нежели для ЕС — Россия. Вторая диспропорция состоит в том, что Москва экспортирует главным образом природные ресурсы (более 70 %), а импортирует готовые высокотехнологичные товары, т. е. структура торговли имеет колониальный характер. Кроме того, традиционно отмечается относительно низкое значение торговли услугами в отношениях России и ЕС¹.

С начала нынешнего века внимание также стали привлекать капиталовложения между странами. Анализировались динамика потоков, распределение их по странам Евросоюза, а также по секторам. Отмечались существенные различия в статистических данных России и Евросоюза², связанные как с методологическими, так и с сущностными

¹ Борко Ю. А. Европейский союз — Россия: прошлое, настоящее и будущее // Европейский союз в поиске глобальной роли. Политика, экономика, безопасность / под ред. Ал. А. Громыко, М. Г. Носова. — М.: Весь мир, 2015. — С. 60–92; *Его же*. Европейский союз на пороге XXI века. Выбор стратегии развития / под ред. Ю. А. Борко (отв. ред.), О. В. Буториной. — М.: Эдиториал УРСС, 2001; Пичугин Б. К перспективам торгово-экономических отношений России с Большой Европой // Мировая экономика и международные отношения. — 1994. — № 2. — С. 61–72; *Его же*. Россия в общеевропейском контексте // Международная жизнь. — 1994. — № 1. — С. 46–53; Сумароков В. Н. Расширение Европейского союза и внешнеэкономические связи России. — М.: Финансы и статистика, 2006; Шишков Ю. В. Евросоюз — главный экономический партнер России // Актуальные проблемы Европы. — 2001. — № 4. — С. 57–74.

² Борко Ю. А. Европейский союз — Россия: прошлое, настоящее и будущее // Европейский союз в поиске глобальной роли. Политика, экономика, безопасность / под ред. Ал. А. Громыко, М. Г. Носова. — М.: Весь мир, 2015. — С. 60–92; Указ. соч. Кузнецов А. В. Капиталовложения из ЕС в России: значимые перемены // Современная Европа. — 2009. — № 3. — С. 58–72; *Его же*.

асpekтами (происхождением капитала и его движением). Наконец, анализировалось, как начавшаяся инвестиционная экспансия России влияет на образ России в мире¹.

Стимулом для концептуального осмысления экономических отношений послужили переговоры о формировании общего экономического пространства России и Евросоюза. Им предшествовала обширная экспертная подготовка. Обсуждались модели взаимоотношений России с Евросоюзом, то, где пространство находится по отношению к таможенному союзу и общему рынку². Активно дискутировалось, что из законодательства Евросоюза Россия может взять, а что пока ей по тем или иным причинам не пригодится для регулирования экономических отношений³. Обсуждался и выбор модели для отношений (в т. ч. швейцарской, норвежской)⁴.

Анализировались и результаты строительства пространств, критически оценивались принятые меры, требования Брюсселя, обсуждались варианты инкорпорации норм Евросоюза в России, а также то, что стороны должны сделать для улучшения своих экономических

Российские прямые инвестиции в странах ЕС // Современная Европа. — 2007. — № 1. — С. 37–50; Вывоз капитала российскими ТНК: причины доминирования Большой Европы // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 4 (31). — С. 92–97; Два вектора экспансии российских ТНК — Евросоюз и СНГ // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 2. — С. 95–102.

¹ Влияние российской инвестиционной экспансии на образ России в Европе / под ред. А. В. Кузнецова. — М.: ИМЭМО РАН, 2010.

² *Афонцев С.* Россия и «новый ЕС» // Pro et contra. — 2003. — Т. 8. — № 1 — С. 25–46; *Борко Ю. А., Данилов Д. А.* Россия — Европейский союз: стратегия стратегического партнерства — М.: ОГНИ ТД, 2005; *Винокуров Е.* Проблемы создания общего экономического пространства ЕС — Россия // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 3. — С. 49–53; *Гутник В.* От партнерства к ассоциации // Pro et contra. — 2003. — Т. 8. — № 1 — С. 7–24; Европа перемен. Концепции и стратегии интеграционных процессов / под ред. Л. И. Глухарева. — М.: Крафт+, 2006.

³ Общее европейское экономическое пространство. Перспективы взаимоотношений России и ЕС / под ред. Э. Брюна, К. Греффа, В. Мау, В. Новикова, И. Самсона. — М.: Дело, 2004; Проблемы интеграции России в единое европейское пространство / под ред. В. А. Мау, Г. С. Ковалева, В. В. Новикова и К. Э. Яновского. — М.: ИЭПП, 2003.

⁴ См. главу «Правовые аспекты отношений в разделе «Тематика исследования отношений России и ЕС в России».

отношений¹. С течением времени критический настрой отечественных авторов нарастал, все активнее слышались упреки Евросоюза в имперском подходе, а также требования отказаться от жесткого одностороннего навязывания своих норм. Таким образом, чисто экономические эмпирические исследования постепенно вытеснялись политологическим осмыслением, чаще всего в духе реалистического подхода, столкновения интересов и игры с нулевой суммой.

На этом фоне интересны были попытки осмыслить опыт и перспективы технологического сотрудничества России и ЕС², а также проанализировать перспективы модернизационного взаимодействия³. Примечательно, что в последнем случае политологическая концептуализация также возобладала, что, очевидно, было связано с особой природой партнерства, которая по-разному понималась в России и ЕС (в первом случае как исключительно экономический процесс, а во втором также и как политический).

Многие фундаментальные вопросы нынешнего века (влияние ВТО на отношения России и Евросоюза, формирование евразийской интеграции и взаимодействие двух экономических режимов) долго

¹ Емельянова Н. Н. Россия и Евросоюз. Соперничество и партнерство. — М.: Международные отношения, 2009; Иванов И. Д., Борко Ю. А., Белов В. Б. РФ и ЕС: семнадцать шагов навстречу друг другу // Современная Европа. — 2008. — № 3. — С. 22–26; Потемкина О. Ю., Кавешников Н. Ю. Россия и Европейский союз: холодное лето 2007 года // Современная Европа. — 2007. — № 3. С. 24–39; Россия — Европейский союз: возможности партнерства / под ред. И. С. Иванова. — М.: Спецкнига, 2013.

² Гутникова А. Инструменты научно-технического сотрудничества России и ЕС / А. Гутникова, Е. Насыбулина, А. Пикалова // Вестник международных организаций 2014. — Т. 9. — № 1. — С. 107–123; Евтушенков В. К объединенному рынку инноваций // Россия в глобальной политике. — 2011. — № 2 / <http://www.globalaffairs.ru/number/K-obedinennomu-rynku-innovatcii-15114>

³ Кулик С., Юргенс И. «Партнерство для модернизации». Россия — ЕС: к проблеме реализации // Общество и экономика. — 2011. — № 11–12. — С. 64–100; Романова Т. А., Павлова Е. Б. Россия и страны Евросоюза: Партнерство для модернизации // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — № 8. — С. 54–61; Они же. Российская модернизация и Евросоюз // Современная Европа. — 2013. — № 1. — С. 45–57; Чижев В. «Партнерство для модернизации» — ключевой элемент сотрудничества России и Евросоюза // Международная жизнь. — 2010. — № 8. — С. 27–30; Энтин М. Партнерство для модернизации — путь к сближению России и Европейского Союза // Вся Европа. — 2010. — № 9 (47).

не получали фундаментального осмысления¹. Они скорее упоминались вскользь, нежели становились объектом изучения. Особенно ярко (по сравнению с зарубежными исследованиями) это проявляется в случае ВТО. Изучение взаимодействия евразийской и европейской интеграции в контексте отношений России и ЕС встает на рельсы только на современном этапе.

Введение рестриктивных мер ЕС в отношении России и ответные действия Москвы повлекли за собой изучение их последствий. В большинстве своем работы также носили описательный и эмпирический характер и мало обращались к тем концепциям, которые возникли при изучении санкций начиная с 1970-х гг.² Многие авторы делали акцент на способности России к импортозамещению и, следовательно, к минимизации связей с ЕС как результату³.

Наконец, в отечественном изучении экономических отношений выделяется еще одна, смежная группа: исследование программы технической помощи Евросоюза (главным образом ТАСИС), ее параметров, приоритетов, а также влияния на преобразования в России, в т. ч. в экономической области. Чаще всего, однако, российские работы ограничивались описанием приоритетов, а также переводом официальных отчетов ЕС⁴.

¹ Этим вопросом бегло уделяли внимание общественно-политические издания, а также более общие работы по ВТО или вопросам евразийской интеграции. См., однако, *Медведков М.* Россия и Всемирная торговая организация: диалог с ЕС // *Современная Европа*. — 2001. — № 3. — С. 87–97.

² См., например, *Борко Ю. А.* Европейский союз — Россия: прошлое, настоящее и будущее // *Европейский союз в поиске глобальной роли. Политика, экономика, безопасность* / под ред. Ал. А. Громько, М. Г. Носова. — М.: Весь мир, 2015. — С. 60–92.

³ См., например, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Продовольственное эмбарго: импортозамещение и изменение структуры внешней торговли // *Бюллетень о развитии конкуренции*. 2015. Август; *Булатова А. И., Абелгузин Н. Р.* Влияние санкций на экономику России // *Актуальные проблемы экономики и права*. — 2015. — № 3. — С. 26–37.

⁴ *Пашковская И.* Деятельность Европейского союза в России по программе ТАСИС // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2007. — № 8. — С. 42–51; *Ее же.* Европейский Союз: помощь развитию России посредством реализации программы ТАСИС и программы по демократизации и правам человека, а также оказания гуманитарной помощи // *Аналитический доклад ИМИ МГИМО(У)*. — 2006. — Вып. 8 (13).

3.

Энергетическое сотрудничество

Энергетика всегда занимала значительное место в российских исследованиях отношений России и Евросоюза. Это неудивительно: поставки нефти, природного газа, а также ядерных материалов в Евросоюз — значительная часть экспорта России как в этот регион, так и на мировой рынок в целом. Энергетическое сотрудничество также традиционно позиционируется как одна из опор стратегического партнерства России и Евросоюза, как на современном этапе, так и в будущем.

Вопросы энергетического сотрудничества привлекали внимание экономистов, политологов, специалистов в области энергетики и международных отношений, что обусловило довольно широкий круг затрагиваемых вопросов. В то же время исследования носили главным образом прикладной характер, анализировались массивы эмпирической информации, аспекты законодательства Европейского союза (прежде всего — в части либерализации). Исследователи, однако, почти не ставили задачей построение или тестирование какой-либо теории на примере энергетических отношений России и Евросоюза. Такой подход в целом соответствует традиции российских исследований отношений России и Евросоюза: ориентации на эмпирику и описательность.

Какие вопросы находились в центре внимания российских политических исследований отношений России и Евросоюза?

Во-первых, для российских работ был характерен анализ статистических показателей, описание динамики добычи и потребления в Евросоюзе, объемов и специфики экспорта нашей страны, а также обоснование естественности взаимодействия России и Евросоюза, глубины и длительности этого партнерства¹. При этом зачастую авторы ссылались на исторический опыт сотрудничества, а также,

¹ Хайтун А. Д. Россия — Евросоюз: энергетическая безопасность // Современная Европа. — 2013. — № 4. — С. 129–139; *Его же*. Россия — Евросоюз: энергетическая безопасность // Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / под ред. Ал. А. Громыко, В. П. Федорова. — М.: Весь мир, 2014. — С. 391–412.

с течением времени, и на ценовую привлекательность, репутацию России как стабильного поставщика.

Во-вторых, российские авторы детально пересказывали основные положения законодательных актов Евросоюза, особенно в части энергетической безопасности и либерализации. Причины фокуса на двух из трех основных направлений энергетической политики Евросоюза (природоохранный компонент традиционно игнорировался) очевидны. Компонент безопасности определяет возможности экспорта российских нефти и природного газа в Старый Свет, а изменение законодательства, прежде всего либерализация (и в особенности хорошо известный третий пакет по либерализации природного газа и электроэнергии), диктует условия, на которых российские углеводороды поступят на рынок Евросоюза¹.

За редким исключением анализ законодательства Евросоюза носил описательный характер, перечислялись основные положения законодательных актов, критиковался излишний либерализм. В то же время долгосрочные политико-экономические последствия реформ Евросоюза описывались лишь вскользь, недостаточен был и анализ возможностей примирить интересы российских энергетических компаний с правовыми новеллами в Евросоюзе. Из этого правила существовало относительно небольшое количество исключений².

¹ *Кавешников Н. Ю.* Развитие внешней энергетической политики Европейского союза // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 4 (31). — С. 82–91; *Каныгин П. С.* Энергетическая стратегия ЕС и российский экспорт энергоносителей // Современная Европа. — 2007. — № 2. — С. 37–48; *Его же.* Энергетическая безопасность Европейского союза и интересы России. — М., 2008; *Его же.* Энергетическая безопасность Европы и интересы России // Мировая экономика и международные отношения. — 2007. — № 5. — С. 3–11; *Пашковская И.* Мотивация энергетической политики ЕС в отношении России // Мировая экономика и международные отношения. — 2011. — № 11. — С. 39–42; *Ее же.* Энергетическая политика Европейского союза в отношении России. — М.: МГИМО-Университет, 2011; *Ее же.* Энергетическая политика Европейского союза в отношении России и новых независимых государств. — М.: Проспект, 2010; *Сорокин В. П.* Регуляторный аспект третьего энергетического пакета Европейского союза. — М.: Реклама Лайтс, 2010; *Его же.* Регуляторные вопросы энергетической стратегии и политики Евросоюза до 2020 года — М.: Энергия, 2011; *Хайтун А. Д.* Указ. соч.

² *Конопляник А. А.* Российский газ в континентальной Европе и СНГ: эволюция контрактных структур и механизмов ценообразования. — Открытый

В то же время почти для всех российских авторов характерен акцент на том, что торговля энергоресурсами должна основываться на экономических факторах, быть максимально деполитизирована. Политизация в данной связи понималась как желание Евросоюза отказать от более дешевых российских нефти и природного газа (поставляемых по уже созданной инфраструктуре) в пользу более дорогостоящих источников по причине снижения зависимости от России. То, что государственное присутствие в нашей энергетике и действия Москвы в ближнем зарубежье в части ценообразования и условий поставок Евросоюз может рассматривать также как политизацию энергетики, встречало непонимание.

В-третьих, изучался двухсторонний диалог России и Евросоюза, его политическая повестка, институциональные особенности их развития и современного состояния¹. Довольно интересные работы в этой области были написаны инсайдерами отношений России и Евросоюза, участниками различных рабочих групп энергетического диалога или консультативного совета по природному газу².

Наконец, предпринимались и отдельные попытки использовать энергетические отношения России и Евросоюза для построения или тестирования некоторых теоретических концепций. Например, в данном ракурсе были написаны работы по становлению Евросоюза

семинар «Экономические проблемы энергетического комплекса». — М., 2010; Его же. Уменьшить риски и неопределенности третьего энергопакета ЕС // Нефтегазовая вертикаль. — 2012. — № 7. — С. 79–88; Романова Т. А. «Третий пакет» и будущее Газпрома // Россия в глобальной политике. — 2007. — № 6. — С. 69–83; Ее же. Энергобезопасность без паники. Диалог России и ЕС возвращается к экономическим основам // Россия в глобальной политике. — 2010. — Т. 8. — № 2. — С. 151–163.

¹ Милов В. ЭнергодIALOG Россия — ЕС: заполнить вакуум // Россия в глобальной политике. — 2007. — № 5. — С. 135–146; Романова Т. А. Энергетический диалог России и Европейского союза: эволюция и перспективы развития // Отношения России с Евросоюзом / под ред. С. Белена, К. Худолея, Т. Романовой. — СПб: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2012; Ее же. Энергетическое сотрудничество России и Евросоюза: Основные направления эволюции и современное состояние // Балтийский регион. — 2013. — № 3 (17). С. 7–19.

² Фейгин В. И. Становление и первые результаты работы Консультативного Совета по газу (КСГ) в контексте отношений России и ЕС в газовой сфере / В. И. Фейгин, А. И. Громов // Научный журнал Российского газового общества. — 2014. — № 1. — С. 31–40.

как международного актора на примере энергетических отношений России и Евросоюза, а также протестирован подход, основанный на выделении институциональных уровней отношений (межправительственных, трансправительственных и транснациональных) и анализе соотношения этих уровней как индикатора развития отношений¹.

Указанные работы, безусловно, не исчерпывают исследовательскую повестку отношений России и Евросоюза в энергетике. Они суммируют то, что активно обсуждалось на страницах ведущих российских научных журналов или в монографиях. Специфика темы энергетического сотрудничества, однако, и в том, что она привлекает внимание как исследователей из других областей, так и практиков, публицистов, журналистов. Последнее нередко вело к спекулятивной риторике, искажению реалий взаимодействия в энергетике в отечественной литературе по отношениям России и Евросоюза.

4.

Сотрудничество в сфере безопасности

Традиционно российские исследователи международных отношений уделяют большое внимание вопросам внешней политики и безопасности. В этом сказывается влияние российского политического дискурса, в котором вопросы безопасности признаются наиболее важными и влияющими на другие сферы отношений. Так что стоило ожидать многочисленных публикаций российских авторов о взаимодействии России и Евросоюза в политической сфере и области безопасности, особенно в связи с постепенной активизацией ЕС в вопросах безопасности и обороны. Таких публикаций довольно много.

¹ Романова Т. А. Иностранные инвестиции в становлении ЕС как актора на мировой арене // Вестник Санкт-Петерб. гос. ун-та. — 2002. — Сер. 6. — Вып. 2. — № 1; *Ее же*. Становление Европейского союза как международного актора. На примере инвестиционной деятельности в энергетическом сотрудничестве с Россией 1994–2001 гг. — СПб., 2003; *Ее же*. Институциональные аспекты диалога России и Европейского союза: через диверсификацию к примитивизации? (На примере энергетических отношений) // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. — 2015. — Сер. 6. — Вып. 1. — С. 65–76.

Тем не менее интерес исследователей к сотрудничеству России и ЕС в вопросах безопасности скромен по сравнению с такими темами, как проблемы европейской безопасности в целом, роль Российской Федерации в архитектуре европейской безопасности, разные аспекты деятельности НАТО, развитие отношений между Россией и альянсом. Безусловно, тематика исследований отражает распространенное представление о европейской безопасности, в которой важное место занимают США, действующие через структуры НАТО. Соответственно, наибольший интерес, с российской точки зрения, вызывает характер отношений России с трансатлантическим альянсом, предполагается, что от развития отношений России и НАТО зависят перспективы европейской безопасности. Другой комплекс исследовательских тем связан с ролью России в европейской безопасности, российскими инициативами в этой области (такими, как доктрина Медведева о новой архитектуре безопасности) и участием России в европейских региональных организациях, например в ОБСЕ.

Обзор российских исследований, посвященных проблемам сотрудничества между Россией и Европейским союзом в сфере безопасности базируется на публикациях в академических журналах (например, «Современная Европа», «Мировая экономика и международные отношения», «Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы», «Россия в глобальной политике»), публикациях Института Европы РАН, МГИМО(У), СПбГУ, сборниках материалов научных конференций и др.

Можно выделить несколько ключевых тем, которые рассматриваются в работах российских ученых. Первой можно считать характеристику основных тенденций развития отношений между Россией и Евросоюзом в области политического сотрудничества и безопасности. В частности, эта тема представлена в работах Н. К. Арбатовой, Д. А. Данилова, Н. Г. Заславской, А. В. Изотова, А. А. Сергунина, К. К. Худолея¹. Второй важной темой, анализируемой в публикациях

¹ Арбатова Н. К. Общее пространство между Россией и ЕС: утопия или реальность? // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 12. — С. 3–12; Данилов Д. А. Россия — ЕС: на пути к общему пространству безопасности или на перепутье? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы; *Его же*. Общее пространство внешней безопасности России и ЕС: амбиции и реальность // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 2. — С. 35–47; Заславская Н. Г. Сотрудничество

российских ученых, является влияние активизации Евросоюза в области безопасности и развития ОВППБ на отношения с Россией. Эта тема затрагивается в исследованиях Н. К. Арбатовой, Д. А. Данилова, С. В. Уткина¹. Третье тематическое направление связано с изучением ключевых проблем, возникающих в отношениях России и Евросоюза, мешающих политическому сотрудничеству, а также перспектив их преодоления. Внимание к этой тематике усиливается по мере охлаждения отношений между Россией и Евросоюзом, как это было в 2008 г. из-за событий в Южной Осетии и как происходит сейчас из-за событий на Украине. Среди работ, посвященных данной теме, следует упомянуть публикации А. С. Макарычева, А. А. Сергунина,

между Россией и Европейским союзом в сфере безопасности // *Отношения России и Европейского союза* / под ред. С. Беленя, К. К. Худолея, Т. А. Романовой. — СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. — С. 149–170; *Изотов А. В. Основные тенденции и проблемы отношений Европейского союза и России в области общего пространства внешней безопасности* // *Россия и Европейский союз в поисках оптимальной модели сближения*. — СПб., 2007; *Его же. Политические аспекты отношений России и ЕС в области кризисного регулирования* // *Вся Европа.RU*. — 2012. — № 12 (72); *Россия и ЕС: Общее пространство безопасности* / отв. ред. Н. К. Арбатова. — Сер. Дискуссии / Ком. «Россия в объединенной Европе». — М., 2004; *Izotov A. Evolution of the EU — Russian Relations Model and the Concept of the EU — Russia Four Common Spaces* // *Reflecting on a Wider Europe and Beyond: Norms, Rights and Interests* / Ed. by K. Khudoley and T. J. Volgy. — Saint-Petersburg: Saint-Peterburg State University Press, 2007. P. 86–104; *Ibid. Khudoley K. Russia and the European Union: Partnership and Conflict Undefined* // *Made V. and Sekarev A. (eds.). The European Neighbourhood After August 2008*. Republic of Letters Publishing BV, Dordrecht, The Netherlands / St.Louis, MO, 2011; *Nikitin A. I., Kazantsev A. A., Melvyil A. Yu. Strategic Partnership Russia-European Union: principles and prospects*. Analytical Reports Series, Vol. 6. No 11. М., 2006; *Sergunin A. The EU-Russia Common Space on External Security: Prospects for Cooperation*. Nizhniy Novgorod state linguistic univ., Nizhniy Novgorod, 2011.

¹ *Арбатова Н. К. Новая стратегия безопасности ЕС* // *Современная Европа*. — 2003. — № 4 (16). — С. 60–68; *Данилов Д. А. Реформирование Европейского союза и его политические отношения с Россией* // *Доклады Института Европы РАН*. — Сер. 241. — М., 2009; *Общая внешняя политика и политика безопасности Европейского союза: Развитие. Проблемы* / отв. ред. Д. А. Данилов. — Доклады Института Европы РАН. — Сер. 115. — М., 2003; *Уткин С. В. Основные инструменты общей внешней политики и политики безопасности ЕС* // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2005. — № 11. — С. 44–54.

М. Л. Энтина¹. Еще одной важной темой является изучение конкретных направлений сотрудничества, в частности военного сотрудничества и участия России в миротворческих операциях Евросоюза. Конкретные направления сотрудничества РФ и ЕС рассматриваются в публикациях О. Н. Барабанова, В. В. Журкина, Н. Г. Заславской, А. И. Никитина, Н. С. Ревенко². Кроме того, отдельные вопросы политического сотрудничества и сотрудничества в области безопасности упоминаются в исследованиях, посвященных общей проблематике отношений России и Евросоюза, например в работах Ю. А. Борко, И. М. Бусыгиной, С. А. Караганова, О. А. Колобова, Т. А. Романовой, В. П. Федорова, О. О. Хохлышевой, Н. П. Шмелева, К. В. Энтина³.

¹ Макарычев А. С. Российско-европейские отношения: в ожидании «перегрузки»? / А. С. Макарычев, А. А. Сергунин // Россия и современный мир. — 2012. — № 1 (74). — С. 133–148; Энтин М. Л. Возможно ли сотрудничество между Россией и Европейским союзом? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. — 2004. — № 14. — С. 4–8; *Его же*. По-настоящему единая Европа // Россия в глобальной политике. — 2010. — Т. 8. — № 6. — С. 102–112.

² Барабанов О. Н. Оборонная политика ЕС и Россия: возможно ли взаимодействие? // Десять лет внешней политики России: мат-лы Первого Конвента Росс. ассоц. междунар. исслед. РАМИ, МГИМО(У) / под ред. А. В. Торкунова. — М., 2003. — С. 111–116; Журкин В. В. Военная политика Евросоюза // Евросоюз: новые проблемы, решения, перспективы: мат-лы науч.-практ. семина. (Институт Европы РАН, 27 октября 2010 г.). Ч. I. Внутренние и внешние проблемы ЕС. — М., 2010; Заславская Н. Г. Перспективы взаимодействия России и ЕС в сфере обороны // Россия и Европейский союз в большой Европе: новые возможности и старые барьеры. — СПб., 2003; Никитин А. И. Участие России в международном миротворчестве и перспективы его реформирования // Индекс безопасности. — 2011. — Т. 17. — № 2 (97). — С. 105–111; *Его же*. Взаимодействие Россия — Запад в сфере миротворческих операций // Ежегодник Института международных исследований МГИМО (Университета) МИД РФ. — 2010. — № 1. — С. 114–136; Ревенко Н. С. Сотрудничество между Россией и Европейским союзом в военно-политической области: современное состояние и перспективы развития // Партнерство России и Европейского союза после расширения: стратегическое планирование и повседневная реализация. — СПб., 2004.

³ Борко Ю. А. Россия — Евросоюз: состоялось ли стратегическое партнерство? // Современная Европа. — 2014. — № 2 (58). — С. 19–30; Бусыгина И. М. Отношения России и Европейского союза: современное состояние и перспективы развития / гл. ред. И. С. Иванов // Россия — Европейский союз: возможности партнерства. — РСМД. — Доклад № 11. — М.: Спецкнига, 2013; Караганов С. А. Россия, Европа и новые вызовы // Современная Европа. — 2003. — № 1 (13). — С. 8–16; Романова Т. А., Энтин К. В. Россия

Наконец, существует в отечественной науке и исследовательский интерес к особенностям современной системы безопасности в Европе и ее основным институтам безопасности, поскольку в работах, посвященных данной теме, упоминаются и отдельные аспекты сотрудничества России и Евросоюза в сфере безопасности (публикации Н. К. Арбатовой, Д. А. Данилова, В. В. Журкина, И. Ф. Максимичева)¹.

Безусловно, вопросы взаимодействия России и Евросоюза в области безопасности представляются актуальным и важным направлением научных исследований. Список публикаций, проанализированных в данном обзоре, не является исчерпывающим, но он позволяет сделать выводы о ключевых проблемах, интересующих российских исследователей.

и Европейский союз: политико-правовые аспекты // Россия в современных интеграционных процессах / под ред. С. А. Афонцева и М. М. Лебедевой. — М.: МГИМО-Университет, 2014; Колобов О. А. Евросоюз и Россия: возможности конструктивного взаимодействия / О. А. Колобов, О. О. Хохлышева // Современная Европа. — 2015. — № 5 (65). — С. 69–74; Шмелев Н. П. Евросоюз-Россия: мера сотрудничества / Н. П. Шмелев, В. П. Федоров // Современная Европа. — 2011. — № 2 (46). — С. 5–25.

¹ Арбатова Н. К. Россия в Евроатлантическом регионе: избирательное сотрудничество или партнерство // Мировая экономика и международные отношения. — 2003. — № 5. — С. 20–25; Данилов Д. А., Журкин В. В. Россия и основные международные организации на евроатлантическом пространстве // Безопасность Европы / под ред. В. В. Журкина. — М.: Весь мир, 2011. — С. 651–700; Данилов Д. А., Мошек А. Л. Структуризация пространства безопасности на Западе и Востоке // Доклады Института Европы РАН. — Сер. 70. — М., 2000; Данилов Д. А. Россия в Большой Европе: Стратегия безопасности // Современная Европа. — 2000. — № 2. — С. 50–62; Максимичев И. Ф. Есть ли будущее у Большой Европы // Современная Европа. — 2013. — № 1 (53). — С. 34–44; НАТО, Россия и Европейский союз / отв. ред. Н. К. Арбатова. // Сер. Дискуссии / Ком. «Россия в объединенной Европе». — М., 2003.

5.

Влияние расширения Европейского союза на Восток

После падения коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы в 1989 г. для этих государств открылась возможность интеграции в западные институты, в том числе в Европейский союз. В начале 1990-х гг. ЕС принял политическое решение о том, что он может включить в состав бывшие социалистические восточноевропейские страны в среднесрочной перспективе. Таким образом, началась подготовка к расширению Евросоюза.

Восточное расширение Европейского союза стало самым масштабным за всю историю расширений ЕС. Оно проходило в два этапа: в 2004 г. в Евросоюз вступили восемь стран Центральной и Восточной Европы, а также Балтии (Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехия, Венгрия, Словакия, Словения) и два средиземноморских государства (Кипр и Мальта); в 2007 г. — Румыния и Болгария. В настоящее время идет процесс расширения ЕС на страны Западных Балкан, которое тоже можно отнести к расширению на регион постсоциалистической Восточной и Юго-Восточной Европы¹. На сегодняшний день из стран этого региона в Евросоюз вступила только Хорватия (в 2013 г.). Также Турция является кандидатом на вступление в ЕС и ведет с ним переговоры об условиях присоединения, однако, перспективы ее вступления в Евросоюз на сегодняшнее время не просматриваются.

Расширение ЕС на Восток имело для России значительные последствия по двум причинам. Во-первых, сыграл роль фактор масштаба расширения исходя из территории и численности населения присоединившихся стран. Во-вторых, страны, которые вступили в ЕС в 2004 и 2007 гг., располагаются между Россией и «старыми» государствами ЕС, до окончания холодной войны они входили в советскую

¹ Западнобалканский регион включает в себя страны, образовавшиеся на месте бывшей социалистической Югославии, за исключением Словении (Хорватия, Сербия, Босния и Герцеговина, Македония, Черногория, Косово (часто рассматривается как частично признанное государство, поскольку не все страны — участники ЕС признают его в качестве независимого государства, тем не менее для Косово открыта перспектива членства в ЕС)) и Албанию, которая до начала 1990-х гг. также управлялась коммунистическим режимом.

сферу влияния и имели, с одной стороны, непростые исторические и политические, а с другой стороны, развитые торгово-экономические отношения с Россией. Именно вследствие восточного расширения ЕС его доля в удельном весе российской внешней торговли достигла 50% и даже превысила эту цифру в какой-то момент, что стало важным экономико-психологическим фактором для Москвы.

Неудивительно, что процесс расширения ЕС на Восток вызвал интерес со стороны российских академических и экспертных кругов. С конца 1990-х гг. начинает возрастать количество исследований, посвященных проблемам и перспективам расширения Европейского союза. Наибольшее количество публикаций по этой тематике приходится на период между 2000 и 2005 гг.

Во-первых, российских исследователей интересовали вопросы трансформации политических и экономических отношений между Россией и ЕС в целом вследствие его расширения на Восток¹. В этом

¹ *Заславская Н. Г.* Политика расширения ЕС как фактор европейской политики в отношении России // Россия и Европейский союз после расширения: новые перспективы и новые проблемы. — СПб., 2007. — С. 164–171; Отношения России и ЕС после расширения Евросоюза / отв. ред. Н. К. Арбатова. — М., 2004; *Иванов И. Д.* Расширение Евросоюза и интересы России // Современная Европа. — 2001. — № 3. — С. 76–86; *Его же.* Расширение ЕС на Восток: последствия для России // Современная Европа. — 2003. — № 3, С.23–35; Отношения России с Евросоюзом / под ред. С. Беленя и К. Худоля. — Варшава: Изд-во Варшавского ун-та, 2009. — 314 с.; Отношения России с Евросоюзом / под ред. С. Беленя, К. Худоля, Т. Романовой — СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2012; Партнерство России и Европейского союза после расширения: стратегическое планирование и повседневная реализация / под ред. К. К. Худоля, В. С. Ягья, Ю. Г. Акимова. — СПб.: изд-во СПбГУ, 2004; Расширение Европейского союза и Россия / Борко Ю. А. [и др.] — МГИМО (Университет) МИД России, РАН, Институт Европы РАН. — М., 2006; Россия и Европейский союз в начале XXI века / под ред. М. Г. Носова, Ю. А. Борко // Доклад Института Европы РАН, № 244. — М., 2009; Россия и расширившийся Европейский союз: трудные перспективы сближения / отв. ред. Н. К. Арбатова. — М., 2004; Расширение ЕС на Восток: предпосылки, проблемы, последствия / отв. ред. Н. К. Арбатова. — РАН. ИМЭМО. — М., 2003; *Ткаченко С. Л.* Отношения между Россией и Европейским союзом в настоящее время. Проблемы и перспективы их развития после расширения ЕС // Европейская интеграция и Россия. — СПб.: Фонд Конрада Аденауэра, 2004. — С. 34–52; *Его же.* Russia-EU relations after Fifth Enlargement (Economic aspects). // In: Ed. by Yuri Akimov. Post-Cold War Challenges to International Relations. Saint-Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2006. P. 262–273; *Худолей К. К.* Отношения

контексте дискутировались вопросы о роли новых стран — членов в ЕС, влиянии институтов Евросоюза на них и обратного влияния новых Участников ЕС на Евросоюз. Также анализировались вопросы распространения на новых участников Европейского союза права ЕС и, вследствие этого, изменений в торгово-экономических режимах между Россией и этими странами. Ряд работ был посвящен влиянию расширения ЕС на Калининградский регион¹. Помимо этого, некоторые исследования рассматривали перспективы развития ЕС в свете его беспрецедентного расширения и углубления интеграции в начале XXI века, а также влияние этих процессов на развитие его отношений с Россией в контексте исторической эволюции ЕС и идеи Европы². В целом большинство исследователей склонялись к выводу,

России и Европейского союза: новые возможности, новые проблемы / Russia and the European Union: New opportunities, new challenges // Россия и Европейский союз: переосмысливая стратегию взаимоотношений (под ред. А. Мошеца). — М.: Гендальф, 2003. — С. 8–30 / Rethinking the Respective Strategies of Russia and the European Union. Special FIIA — Carnegie Moscow Center Report (ed. Arkady Moshes). 2003. P. 8–30; *Его же*. Политические и экономические последствия расширения Евросоюза для России и ее Северо-Западного региона / Politische und Wirtschaftliche Folgen der EU — erweiterung Fur Russland und Seine Nordwestregion // Европейская интеграция и Россия. — СПб.: Фонд Конрада Аденауэра, 2003. — С. 32–41 / Europäische integration und Russland. St.Petersburg. 2003. P. 32–41; *Шишелина Л. Н.* Расширение Европейского союза на Восток и интересы России. — М.: Наука, 2006; *Шшишков Ю. В.* Евросоюз — главный экономический партнер России // Актуальные проблемы Европы. — 2001. — № 4. — С. 54–74.

¹ *Аляев А., Цыкало В., Черный В.* Вступление Польши в ЕС: последствия для Калининградской области // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 3. — С. 54–63; *Воронов К.* Калининградская область в отношениях России и ЕС: медленный дрейф // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 3. — С. 42–53; *Кортунов С.* Калининград как ворота в Большую Европу // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 6. — С. 162–174; *Кузнецов А.* Расширение ЕС и Калининградская область // Мировая экономика и международные отношения. — 2001. — № 2. — С. 104–109.

² *Баторшина И. А.* Пятая волна расширения Европейского союза: pro et contra // Балтийский регион. — 2011. — № 3. — С. 49–58; *Борко Ю. А.* Новый этап углубления и расширения европейской интеграции: социальные аспекты // Мировая экономика и международные отношения. — 2000. — № 9. — С. 11–23; *Его же*. Станут ли явью Соединенные Штаты Европы? // Современная Европа. — 2002. — № 3. — С. 5–15; *Его же*. Европейский союз:

что расширение ЕС (а также одновременно разворачивавшиеся в это время процессы углубления европейской интеграции) будет способствовать трансформации ЕС от экономического блока в сторону организации с большим политическим весом.

Во-вторых, значительное количество исследований было посвящено проблемам развития двухсторонних отношений между Россией и странами Центральной и Восточной Европы, а также Балтии в контексте их вступления в Евросоюз¹, помимо этого, часто не оставался

расширение состоялось. Что дальше? // Актуальные проблемы Европы. — 2005. — № 4. — С. 8–53; *Его же*. Расширение и углубление европейской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. — 2004. — № 7. — С. 15–29; *Борко Ю. А., Буторина О. В.* Перспективы Евросоюза в новом веке // Современная Европа. — 2001. — № 3. — С. 10–23; *Воронов К.* Пятое расширение ЕС: судьбоносный выбор // Мировая экономика и международные отношения. — 2002. — № 9. — С. 59–87; *Глинкина С. П.* Накануне вступления в Евросоюз // Современная Европа. — 2001. — № 3. — С. 37–51; *Глухарев Л. И.* Политические компоненты развития Евросоюза // Современная Европа. — 2003. — № 2. — С. 23–35; *Злоказова Н.* Расширение ЕС: за и против с позиций его членов // Мировая экономика и международные отношения. — 2004. — № 1. — С. 62–69; *Изотов А. В.* Краткосрочные и среднесрочные политические последствия расширения Европейского союза на Восток // Россия и Европейский союз после расширения: новые перспективы и новые проблемы: мат-лы Междунар. науч. конф., 7 октября 2005 г. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. — С. 58–64; *Иорданская Э.* Расширение ЕС на Восток: позиции Германии // Мировая экономика и международные отношения. — 2002. — № 2. — С. 67–74; *Кавешников Н. Ю.* Евросоюз в процессе трансформации // Современная Европа. — 2005. — № 3. — С. 31–45; *Караганов С. А.* Россия, Европа и новые вызовы // Современная Европа. — 2003. — № 1. — С. 8–16; *Потемкина О. Ю.* Становление обновленной Европы // Современная Европа. — 2001. — № 3. — С. 24–36; *Троицкий М.* Евросоюз в мировой политике // Международные процессы. — Т. 2. № 2 (5). — Май — август 2004. — С. 43–58; *Тэвдой-Бурмули А.* Расширение ЕС и эволюция этнополитической ситуации в Европе // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 10. — С. 33–44; *Шаншьева Л. Н.* Расширение ЕС на Восток: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы Европы. — 2000. — № 3. — С. 219–243; *Шишков Ю. В.* Место и роль Евросоюза в современном мире // Актуальные проблемы Европы. — 2000. — № 3. — С. 11–29.

¹ *Кириллов В. Б., Путинцев И. С.* Отношения России и Румынии после 1989 года в контексте внешнеполитических приоритетов двух стран // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — № 2. — С. 13–23; *Лобанов М. М.* Отношения России и Сербии: новое содержание старых форм // Современная Европа. — 2014. — № 2. — С. 91–105; *Рожанская Е. А.* Россия — Чехия: энер-

без внимания и процесс их вступления в НАТО. В этой категории значительное количество публикаций фокусировалось на российско-польских отношениях, а также отношениях России со странами Балтии¹. Исследования по двухсторонним отношениям России и отдельных стран «восточного расширения ЕС» продолжали регулярно публиковаться и после расширения Евросоюза на эти страны. Как правило, их вступление в ЕС, а иногда и более ранние периоды их истории (например, участие в «восточном блоке» в годы холодной войны) рассматриваются как важные факторы продолжающие влиять на развитие их отношений с Россией.

В-третьих, в отечественной европеистике существует ряд исследований, посвященных анализу политической, экономической и социальной ситуации в отдельных восточноевропейских странах и их внешней политике в контексте их вступления в западные институты².

гетика как фундамент торгово-экономических отношений // Современная Европа. — 2012. — № 1. — С. 123–133; Селиванова И. Ф. Вирази румыно-российских отношений // Современная Европа. — 2002. — № 4. — С. 82–89; Сокич С. Сербия — Россия: потенциал экономического сотрудничества // Современная Европа. — 2013. — № 1. — С. 107–113.

¹ Аляев А., Цыкалов В., Черный В. Вступление Польши в ЕС: последствия для Калининградской области / А. Аляев, В. Цыкалов, В. Черный. Указ. соч.; Захматов Н. И. Интеграция Польши в ЕС и интересы России // Современная Европа. — 2001. — № 4. — С. 71–80; Худoley К. К. Политические и экономические последствия расширения Евросоюза для России и ее Северо-Западного региона. Указ. соч.; Цедиллина Е. Отношения со странами Балтии — возможна ли «перезагрузка»? // Россия и новые государства Евразии. — 2010. — № 3. — С. 52–70; Кузнецов А., Четверикова А. Проблемы российско-прибалтийских экономических связей // Мировая экономика и международные отношения. — 2009. — № 7. — С. 71–83; Штадтмюллер Э. Проблемы и перспективы развития Европейского союза. Польша и ЕС // Актуальные проблемы Европы. — 2000. — № 3. — С. 194–218.

² Бухарин Н. И., Яжборовская И. С. Что происходит с польской экономикой? // Современная Европа. — 2002. — № 3. — С. 65–72; Вендина О., Колосов А., Сабенцов А. Является ли Прибалтика частью постсоветского пространства? // Международные процессы. — 2014. — № 36–37. — С. 76–92; Водопьянова Е. Страны Центральной и Восточной Европы: наука в пути // Мировая экономика и международные отношения. — 2000. — № 10. — С. 71–78; Глинкина С. П. Накануне вступления в Евросоюз. Указ. соч.; Кочетков Ю. Латвия: между Россией и Западом // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 3. — С. 59–62; Орлик И. И. Центрально-восточная

Западнобалканское расширение ЕС, а также перспективы вступления в Евросоюз Турции получают в целом меньший отклик в российской академической и экспертной литературе по сравнению с тематикой расширений Европейского союза в 2004 и 2007 гг. Большинство исследований по данной проблематике посвящено рассмотрению позиций ведущих стран ЕС по вопросу о его дальнейшем расширении, анализу политических, экономических и социальных процессов в отдельных странах Западно-Балканского региона и Турции, а также их двухсторонним отношениям с Россией в контексте их возможного вступления в ЕС¹.

В заключение следует отметить, что упомянутые в обзоре работы, безусловно, не исчерпывают исследовательскую повестку по тематике влияния восточного расширения ЕС на отношения между Россией и Евросоюзом, однако они дают представление об основных направлениях и характере российских исследований в этой области.

6.

Проблематика общего соседства ЕС и России

Тематика пространства «общего соседства» России и ЕС занимает значительное место в российских академических исследованиях отношений между Россией и Европейским союзом. Интерес исследователей

Европа: от СЭВ до Евросоюза // Новая и новейшая история. — 2009. — № 2. — С. 3–20; *Сергеев Д. В.* Польша и общая внешняя политика и политика безопасности после расширения ЕС // Актуальные проблемы Европы. — 2005. — № 4. — С. 163–186; *Усевич М. А.* Венгрия: 10 лет реформ // Современная Европа. — 2000. — № 4. — С. 70–81; *Хофф М.* ЕС — Восточная Европа // Мировая экономика и международные отношения. — 2000. — № 12. — С. 91–93.

¹ *Басов Ф.* Политика Германии по вопросу расширения ЕС // Мировая экономика и международные отношения. — 2015. — № 4. — С. 18–22; *Лобанов М. М.* Отношения России и Сербии: новое содержание старых форм. Указ. соч.; *Сокич С.* Сербия — Россия: потенциал экономического сотрудничества. Указ. соч.; *Сочнева И. А.* Вступит ли Турция в ЕС? // Современная Европа. — 2012. — № 1. — С. 86–96; *Тимофеев П. П.* Перспективы расширения ЕС и позиция Франции // Современная Европа. — 2011. — № 4. — С. 28–38.

к данной проблематике, как правило, стимулировали факторы, связанные с инициативами Евросоюза, которые были направлены на данный регион («Европейская политика соседства», «Восточное партнерство»), политикой России и ее интеграционными проектами на постсоветском пространстве (которые в последнее время стали определяться как «евразийская интеграция»). Также внутривнутриполитические события, которые происходили в государствах «общего соседства» России и ЕС (например, «цветные революции») и имели серьезное внешнеполитическое измерение, стимулировали исследования по данной проблематике.

В целом для значительной части российских исследователей региона «общего соседства» России и Евросоюза, а также отношений России и ЕС на постсоветском пространстве характерно отталкиваться от того факта, что государства этого региона на протяжении длительного исторического периода входили в состав СССР, а еще раньше — в состав Российской империи. Следствием этого является то, что в исследованиях часто встречается определенная степень маргинализации акторности этих стран на международной арене. Для обозначения региона «общего соседства» России и ЕС часто используются такие термины, как «СНГ», «западный фланг СНГ», «постсоветские страны/государства», реже используются такие термины, как «новая Восточная Европа» или «промежуточная Европа». Сам термин «пространство общего соседства России и ЕС» используется редко. Иногда в исследованиях, посвященных отношениям России и ЕС на пространстве их «общего соседства», упоминается значимость фактора НАТО. Как правило, для исследований отношений России и ЕС в регионе их «общего соседства» характерен реалистический подход (неореализм, неоклассический реализм), пространство «общего соседства» традиционно рассматривается как область конкуренции России и ЕС в терминах сфер «влияния» и «интересов», нежели как территория для развития сотрудничества. За последние несколько лет это восприятие только усилилось.

В целом российская академическая и экспертная литература, посвященная проблематике «общего соседства» России и ЕС и их отношений на этом пространстве, фокусируется на нескольких направлениях.

Во-первых, можно выделить исследования, авторы которых анализируют развитие инициатив Европейского союза по отношению к постсоветскому пространству — «Европейскую политику соседства»

и «Восточное партнерство» или субрегиональные измерения политики ЕС на постсоветском пространстве¹. Также существует ряд работ, которые рассматривают особенности формирования российского восприятия политики Европейского союза на постсоветском пространстве².

Во-вторых, ряд авторов анализируют возможности отношений, взаимодействия, сотрудничества и конкуренции России и ЕС в регионе «общего соседства» и ряде его отдельных стран через анализ политических подходов России и Евросоюза к этому региону³.

¹ Восточное партнерство до и после Вильнюса / под ред. А. А. Язьковой // Доклад Института Европы РАН. — № 301. — М., 2014; *Гаман-Голутвина О. В., Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н.* Восточное партнерство: борьба сценариев развития // Полис. — 2014. — № 5. — С. 20–40; *Арутюнян О., Сергунин А.* Между сциллой и харибдой: программа «Восточного партнерства» на перекрестье геополитических интересов ЕС и Европейского союза // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. — 2015. — № 2. — С. 108–119; *Кеишкен Э.* Венгерское председательство и «Восточное партнёрство» // «Современная Европа». — 2011. — № 2. — С. 62–66; *Пашковская И.* Деятельность Евросоюза на Южном Кавказе // Мировая экономика и международные отношения. — 2009. — № 5. — С. 59–63; *Стрелков А.* «Тихая» европеизация постсоветского пространства // Мировая экономика и международные отношения. — 2010. — № 12. — С. 48–58; *Стрелков А. А.* Европейская политика соседства: непоследовательное движение к цели // Современная Европа. — 2009. — № 3. — С. 119–126; *Трещенков Е.* Политика Европейского союза на постсоветском пространстве: процесс формирования, факторы и характерные особенности (1991–2014 гг.) // Клио. — 2015. — № 3 (99). — С. 161–173; *Arbatova N.* Eastern partnership in the context of Ukrainian conflict: Lessons to be learned // Newsletter 'In Depth' (Center of European and International Affairs). — 2014. — Vol. 11. — Issue 3.

² *Грецкий И., Трещенков Е.* Европейская политика соседства: нюансы восприятия в России // Международные процессы. — 2012. — № 3. — С. 124–133; *Gretskiy I., Treshchenkov E. Golubev K.* Russia's perceptions and misperceptions of the EU Eastern Partnership // Communist and Post-Communist Studies, Volume 47, Issues 3–4, Pages 261–420 (September–December 2014), P. 375–383; *Izotov A.* Russia and the EU's Eastern Partnership in the Context of the EU-Russia Relations // Eastern Partnership Review, ECEAP. No. 15. "The Post Vilnius Challenges of the Eastern Partnership" (ed. Made V.) December, 2013. P. 7–18; *Khudoley K, Izotov A.* Russia and the European Union: Partnership and Conflict Undefined // Made V. and Sekarev A. (eds.). The European Neighbourhood After August 2008. Republic of Letters Publishing BV, Dordrecht, The Netherlands / St.Louis, MO. 2011. P. 199–232.

³ *Васфилов Д. С.* Системный анализ взаимодействия России и Европейского союза на постсоветском пространстве // Вестник международных организаций. — 2014. — Т. 9. — № 3. — С. 31–46; *Мошес А.* Россия и проме-

В-третьих, существенное количество исследований посвящены влиянию стран региона «общего соседства» на развитие отношений России и Европейского союза, также проводится анализ развития отношений между ЕС и отдельными государствами постсоветского пространства¹.

Можно выделить и работы, которые рассматривают внутреннюю и международную эволюционную динамику постсоветского пространства за последнюю четверть века². Они анализируют соотношение влияния внутренних (социальных, политических и экономических) и внешних факторов (прежде всего — западных институтов) на его трансформацию и определяют, в каких контекстах сегодня можно говорить о постсоветском пространстве как о целостном регионе, а в каких контекстах он будет представляться дезинтегрированным.

Упомянутые в обзоре работы не исчерпывают исследовательскую повестку по данной теме, однако, дают представление об основных тенденциях в ее изучении.

жуточная Европа // Pro et Contra. — 2010. — № 4–5. — С. 128–144; Отношения Евросоюз — Россия и Украинский кризис / отв. ред. Н. К. Арбатова. — М.: ИМЭМО РАН, 2014; *Тренин Д.* Россия в СНГ: поле интересов, а не сфера влияния // Pro et Contra. — 2009. — № 5–6. — С. 82–97; *Трещенков Е.* Европейская и евразийская модели интеграции: пределы соизмеримости // Мировая экономика и международные отношения. — 2014. — № 5. — С. 31–41; Тулик борьбы интеграций в Европе / под ред. Е. Винокурова, С. Кулика, А. Спартака, И. Юргенса. — М., 2014; *Шишкина О. В.* Внешнеполитические ресурсы России и ЕС на пространстве «общего соседства» // Вестник МГИМО-Университета. — 2011. — № 1. — С. 56–61; *Ее же.* Россия и «западный фланг» СНГ // Международные процессы. — 2012. — № 3. — С. 116–123; *Шишков В.* Политика России на постсоветском пространстве // Россия и новые государства Евразии. — 2015. — № 1. — С. 38–49.

¹ *Арбатова Н.* Станут ли страны СНГ «яблоком раздора» в отношениях России и ЕС? // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 6. — С. 15–20; Ассоциация Украины с Европейским союзом: последствия для России / рук. проекта: А. А. Дынкин, И. Я. Кобринская. — М.: ИМЭМО РАН, 2014; *Климович А. И., Широканова А. А.* Беларусь и ЕС: европеизация или регионализация? // Современная Европа. — 2011. — № 3. — С. 32–45; *Пантин В., Лапкин В.* Внутри- и внешнеполитические факторы интеграции Украины с Россией и ЕС // Мировая экономика и международные отношения. — 2012. — № 11. — С. 50–56.

² *Каспэ С.* Постсоветские нации в саду расходящихся тропок // Россия в глобальной политике. — 2009. — № 6. — С. 154–163; *Рябов А.* Распадающаяся общность или целостный регион? // Pro et Contra. — 2011. — № 3–4. — С. 6–18.

7.

Сотрудничество в области внутренней безопасности, правосудия и внутренних дел

Вопросы сотрудничества России и Евросоюза в области внутренней безопасности, правосудия и внутренних дел нашли свое отражение в научных трудах российских исследователей, но эта проблематика вызывает меньший исследовательский интерес, чем вопросы энергетического сотрудничества, экономических отношений или сотрудничества в области внешней безопасности. Тем не менее в этой области также есть чрезвычайно актуальные темы: реализация общего пространства в области внутренней безопасности, контроль миграционных потоков, борьба с преступностью, в частности меры по борьбе с терроризмом, и перспективы безвизового режима.

На приоритеты отечественных исследователей повлияли два фактора: (1) общая логика развития отношений между Россией и Евросоюзом, согласование новых инициатив и форматов отношений, в том числе регулирующих сферу внутренней безопасности; (2) очевидно трансграничный характер отдельных проблем, относящихся к сфере внутренней безопасности, определяющий необходимость совместных действий представителей России и Евросоюза для решения этих проблем. Соответственно, решение лидеров России и ЕС распространить концепцию общего экономического пространства на другие сферы, включая внутреннюю безопасность и правосудие, способствовало росту исследовательского интереса к переговорам об общем пространстве, дорожной карте, основных задачах и содержании общего пространства в области свободы, безопасности и правосудия.

В дальнейшем развитие переговоров об упрощении визового режима и подготовке к безвизовому режиму также будет способствовать исследованию хода переговоров, позиций сторон и основных условий, требуемых для реализации идеи безвизового режима. Вместе с тем транснациональные проблемы, включая миграцию и международную преступность, приобретают все большее социально-политическое значение, влияя в том числе и на повестку сотрудничества России и Евросоюза, и на тематику исследований отношений РФ и ЕС.

Обзор российских исследований, посвященных проблемам сотрудничества между Россией и Европейским союзом в сфере внутренней безопасности, правосудия и внутренних дел, базируется на публикациях в академических журналах («Современная Европа», «Мировая экономика и международные отношения»), публикациях Института Европы РАН, МГИМО(У), Томского государственного университета, коллективных монографиях, сборниках материалов научных конференций и др.

Вопросам развития общего пространства свободы, безопасности и правосудия, подготовки и реализации дорожной карты посвящены публикации Н. К. Арбатовой, В. В. Войникова, Д. А. Данилова, А. С. Мошеса, О. Ю. Потемкиной¹.

Проблемы сотрудничества по вопросу миграции рассматриваются в работах Л. С. Биссон (Пасякиной), В. В. Войникова,

¹ Возможно ли правовое пространство между Россией и Европейским союзом? / отв. ред. Н. К. Арбатова // Сер. Дискуссии / Ком. «Россия в объединенной Европе». — М., 2004; *Войников В. В.* Перспективы развития общего пространства свободы, безопасности и правосудия между РФ и ЕС // Современная Европа. — 2015. — № 5(65). — С. 59–68; *Данилов Д. А., Мошес А. Л.* Структуризация пространства безопасности на Западе и Востоке Европы // Доклады Института Европы РАН. — Сер. 70. — М., 2000; *Потемкина О. Ю.* Проблема доверия России и ЕС в рамках общего пространства свободы, безопасности и правосудия // Европейский союз в XXI веке: время испытаний. — Институт Европы. — Сер. Старый Свет — новые времена. — М.: Весь мир, 2012. — С. 500–518; *Ее же.* Трансформация пространства свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза // Политическая наука. — 2014. — № 2. — С. 89–107; *Ее же.* Пространство внутренней безопасности России и ЕС: тенденции и перспективы развития // Россия — Европейский Союз: на пути к четырем общим пространствам / под ред. Д. А. Данилова // Институт Европы РАН. — Сер. Доклады Института Европы. — М., 2008. — С. 35–60; *Ее же.* Новые границы Евросоюза и сотрудничество в сфере внутренних дел и юстиции // Расширение Европейского Союза. — МГИМО(У) МИД РФ, Институт Европы РАН. — М., 2006. — С. 214–241; *Ее же.* Пространство внутренней безопасности России и ЕС: тенденции и перспективы развития. — Вся Европа.ru. — 2006. — № 4; *Ее же.* Сотрудничество в сфере внутренних дел и правосудия // Европейский Союз: Справочник-путеводитель / под ред. О. В. Буториной, Ю. А. Борко, И. Д. Иванова. — М., 2003. — С. 195–235; *Potemkina O. Yu.* EU-Russia cooperation on the Common Space of Freedom, Security and Justice — A Challenge or an Opportunity? // European Security. 2010. Vol 19. No 4. P. 551–568; *Idem.* EU-Russia cooperation in Justice and Home Affairs // The EU-Russia review. 2006. No 2. P. 39–45.

Н. Б. Кондратьевой, О. В. Корнеева, А. А. Невской, О. Ю. Потемкиной¹. Перспективы перехода к безвизовому режиму между Россией и Евросоюзом исследуются в научных работах Н. К. Арбатовой, В. В. Войникова, О. В. Корнеева, Г. В. Крестинина, Д. А. Миронюка, М. Л. Энтина². Наконец, сотрудничество в области борьбы с преступностью, в частности меры по борьбе с терроризмом, рассматривается в публикациях Н. К. Арбатовой, О. В. Корнеева, А. С. Леонова, О. Ю. Потемкиной³.

¹ Биссон Л. С. Сотрудничество России и ЕС в сфере миграции // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2014. — № 4. — С. 72–80; Корнеев О. В. Отношения между Европейским союзом и Россией в сфере миграции: некоторые теоретические аспекты // *Вестник Томского гос. ун-та*. — 2007. — № 299. — С. 88–90; Миграционные проблемы в Европе и пути их решения / под ред. О. Ю. Потемкиной, отв. ред. Н. Б. Кондратьева // *Доклады Института Европы РАН*. — Сер. 315. — М., 2015; Невская А. А. Мигранты из России в странах ЕС // *Современная Европа*. — 2015. — № 4 (64). — С. 59–68; Пасякина Л. С. Миграционный диалог РФ — ЕС // *Что Россия ждет от Европейского союза?* / под ред. Н. Б. Кондратьевой // *Доклады Института Европы РАН*. — Сер. 287. — М., 2013; Потемкина О. Ю. Россия и Европейский Союз на пути к сотрудничеству в борьбе с нелегальной миграцией // *Ответы России и Евросоюза на вызовы XXI века*. — Сер. Доклады Института Европы РАН. — М., 2006. — С. 56–80; *Ее же*. Новые тенденции в иммиграционной политике Европейского Союза // *Актуальные проблемы Европы*. — 2015. — № 4. — С. 18–37; *Ее же*. «Европейская повестка дня по миграции» — новый поворот в иммиграционной политике ЕС? // *Современная Европа*. — 2015. — № 4 (64). — С. 28–40; *Ее же*. Борьба с нелегальной иммиграцией // *Безопасность Европы* / под ред. В. В. Журкина. — Институт Европы РАН. — Сер. «Старый Свет — новые времена». — М., 2011. — С. 616–650.

² Безвизовый режим между Россией и ЕС: «Дорожная карта» / отв. ред. Н. К. Арбатова. — Сер. Инициативы/Ком. «Россия в объединенной Европе». — М., 2004; Безвизовый режим между Россией и ЕС: от утопии к реальности? / отв. ред. Н. К. Арбатова. — Сер. Дискуссии / Ком. «Россия в объединенной Европе». — М., 2003; Войников В. В., Корнеев О. В. Проблемы и перспективы безвизового диалога России и ЕС // *Балтийский регион*. — 2013. — № 3. — С. 20–37; Войников В. В. Облегчение свободы передвижения граждан между Россией и Европейским союзом: перспективы и правовые проблемы // *Балтийский регион*. — 2011. — № 3. — С. 122–129; Крестинин Г. В., Миронюк Д. А. Местное приграничное передвижение как форма либерализации визового режима и развития территории // *Балтийский регион*. — 2014. — № 4. — С. 30–47; Энтин М. Л. Введение безвизового режима в отношениях между Россией и Европейским союзом: от утопии к действительности // *Европейские страны СНГ: место в «Большой Европе»* / под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина, В. Грабовски. — М., 2005. — С. 229–251.

³ Корнеев О. В., Леонов А. С. Инструменты влияния Европейского союза в сфере противодействия торговле людьми на постсоветском простран-

Безусловно, взаимодействие России и Евросоюза в области внутренней безопасности представляется актуальным и важным направлением научных исследований. Список публикаций, проанализированных в данном обзоре, не является исчерпывающим, но он позволяет сделать выводы об исследовательских приоритетах российских авторов и характере публикуемых исследований.

8.

Приграничное сотрудничество Калининград и «Северное измерение»

Российские исследователи уделяют большое внимание вопросам приграничного сотрудничества между Россией и странами — членами Европейского союза. Во многом это связано с несколько меньшим значением политических факторов и практико-ориентированным характером сотрудничества в этой области, в отличие от других областей взаимодействия России и Евросоюза. Для российской науки важно как влияние общих договоренностей между РФ и ЕС на развитие различных форм приграничного сотрудничества, так и обратное влияние реализуемых приграничных проектов на развитие отношений между Россией и Евросоюзом. Кроме того, внимание к приграничному сотрудничеству вызвано особенностями современной региональной политики ЕС и стремлением Евросоюза дифференцировать подходы к конкретным регионам, например региону

ве // Вестник Томского гос. ун-та. — История. — 2014. — № 6 (32). — С. 12–16; Потемкина О. Ю. Новые инструменты политики Европейского союза в области борьбы с терроризмом // Вестник Московского ун-та. — Сер. 25. — 2015. — Т. 7. — № 2. — С. 51–72; *Ее же*. Сотрудничество в сфере внутренних дел и правосудия // Европейская интеграция. — МГИМО(У) МИД РФ, Институт Европы РАН. — М., 2011. — С. 254–272; *Ее же*. Наркотрафик — растущая опасность // Безопасность Европы / под ред. В. В. Журкина // Институт Европы РАН. — Сер. «Старый Свет — новые времена». — М., 2011. — С. 549–581; *Ее же*. Антитеррористическая политика Европейского союза // Мировая экономика и международные отношения. — 2011. — № 2. — С. 48–58; Россия, ЕС и международный терроризм / отв. ред. Н. К. Арбатова. — Ком. «Россия в объединенной Европе». — М., 2004.

Балтийского моря или Черноморскому региону. Подобная стратегия Евросоюза вынуждает соседние государства, в том числе и Россию, изучать реализуемую ЕС политику и потенциальные последствия для России и ее регионов.

Наиболее активно в работах российских ученых анализируется опыт приграничного сотрудничества в Северной Европе, тем более что в этом регионе можно выделить несколько субрегионов: регион Балтийского моря, регион Баренцева моря, Арктический регион. В этом регионе реализуется важная рамочная программа Евросоюза «Северное измерение». Кроме Евросоюза здесь действуют различные международные организации, например Совет государств Балтийского моря, Совет Баренцева/Евроарктического региона, Северный совет и др.

Обзор российских исследований, посвященных проблемам приграничного сотрудничества между Россией и Европейским союзом, программе «Северное измерение» и проблемам Калининграда, базируется на публикациях в научных журналах («Балтийский регион», «Современная Европа», «Вопросы экономики», «Мировая экономика и международные отношения», «Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия б»), публикациях Института Европы РАН, СПбГУ, сборниках материалов научных конференций и др. Следует отметить особый исследовательский интерес в российских регионах, непосредственно участвующих в приграничном сотрудничестве: в Калининградской области, на Северо-Западе РФ, в Карелии и др.

Можно выделить несколько тематических направлений исследований российских авторов по вопросам приграничного сотрудничества. Во-первых, многие рассматривают особенности региональных подходов России и Евросоюза, различные формы межрегионального взаимодействия приграничных регионов, например еврорегионы, особенности регионального академического дискурса. Подобные вопросы исследуются в работах Н. М. Антюшиной, Л. О. Бабыниной, И. М. Бусыгиной, А. В. Вовенды, Н. П. Жука, А. В. Кузнецова, Д. А. Ланко, А. С. Макарычева, Н. М. Межевича, В. А. Плотникова, Г. М. Федорова¹.

¹ *Бабынина Л. О.* Трансформация внутренней архитектуры ЕС: проблемы фрагментации политического пространства // Политическая наука. —

Во-вторых, российские авторы непосредственно изучают основные тенденции развития трансграничного сотрудничества между Россией и Евросоюзом. К этому направлению можно отнести публикации Л. О. Бабыниной, А. В. Вовенды, Н. Б. Кондратьевой, Ю. В. Косова¹. Некоторые исследователи рассматривают особенности реализации приграничного сотрудничества в конкретных регионах (в Северной Европе, регионе Балтийского моря, на Северо-Западе Российской Федерации). Именно подобным темам посвящены публикации Н. М. Антюшиной, Ю. С. Дерябина, Т. М. Кочегаровой, Д. А. Ланко, Р. М. Плюснина, А. А. Сергунина, Р. Х. Симоняна, К. К. Худолея².

2014. — № 2. — С. 44–64; *Ее же*. Страны Северной Европы и дифференция в ЕС // Современная Европа. — 2007. — № 3 (31). — С. 58–71; *Барыгин И. Н., Ланко Д. А., Фофанова Е. А.* Регион как инструмент мира: анализ Балтийского академического дискурса // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. — Сер. 6. — 2005. — № 3. — С. 100–111; Проблемы европейского регионализма / И. М. Бусыгина [и др.]. — Доклады Института Европы РАН. — Сер. 61. — М., 1999; *Вовенда А. В., Плотников А.* Еврорегионы как фактор успешной международной интеграции в современных условиях // Балтийский регион. — 2011. — № 4. — С. 60–68; *Кузнецов А. В.* Перспективы еврорегионов с российским участием с учетом новаций региональной политики ЕС // Балтийский регион. — 2009. — № 2. — С. 49–57; *Межевич Н. М.* Идентичность и границы: актуальные вопросы теории и реальности восточной части Балтийского региона // Балтийский регион. — 2014. — № 3. — С. 95–106; *Межевич Н. М., Жук Н. П.* Методика оценки приграничной специализации межрегиональных взаимодействий приграничных регионов и результаты пилотной оценки // Балтийский регион. — 2013. — № 1. — С. 38–52; *Федоров Г. М.* Приграничное положение как фактор стратегического и территориального планирования в российских регионах на Балтике // Балтийский регион. — 2014. — № 3. — С. 71–82; *Makarychev A. S.* Images, Metaphors, and Power: Reinventing the Grammar of Russian Trans-Border Regionalism // *Russia's Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions.* Routledge, 2012. P. 110–132.

¹ *Бабынина Л. О.* Перспективы развития приграничного сотрудничества России и Европейского союза // Современная Европа. — 2010. — № 4 (44). — С. 134–137; *Кондратьева Н. Б.* Россия-ЕС: Трансграничное сотрудничество вне конъюнктуры // Современная Европа. — 2014. — № 4 (60). — С. 33–47; *Косов Ю. В., Вовенда А. В.* Традиции российского и европейского представления о государственной границе в условиях трансграничного регионального сотрудничества // Балтийский регион. — 2012. — № 1. — С. 8–16.

² *Антюшина Н. М.* Трудности и перспективы сотрудничества в Балтийском регионе // Россия и Восточно-Центральная Европа: в поиске новой

Чрезвычайно большой интерес российские исследователи проявляют к проблемам Калининграда, его уникальному географическому положению, значению для отношений между Россией и Европейским союзом, многочисленным проектам, реализуемым с участием Калининграда. Среди авторов, занимающихся изучением проблем Калининграда, следует отметить Е. Ю. Винокурова, Д. А. Ланко, А. С. Макарычева, Д. М. Нечипорука, М. В. Ноженко, М. Ю. Плюхина, А. А. Сергунина, Н. В. Смородинскую, И. П. Телегину, М. Л. Энтина¹.

формулы отношений: сб. ст. участников VIII Междунар. науч. конф. — РАН, Институт Европы, Фонд исторической перспективы. — М., 2011. — С. 219–230; Северная Европа. Регион нового развития / Н. М. Антюшина [и др.] // Институт Европы РАН. — Сер. «Старый Свет — Новые Времена». — М., 2008; *Кочегарова Т. М.* Северо-Запад России в контексте общеевропейской интеграции / Т. М. Кочегарова, Р. Х. Симонян // Балтийский регион. — 2013. — № 2. — С. 73–83; *Ланко Д. А.* Балтийский регион как «Север Европы» // Россия и Европейский Союз: в поисках оптимальной модели сближения: матлы Междунар. науч. конф. фак-та междунар. отн. СПбГУ, 20 окт 2006 г. — Сер. Библиотека европейских исследований. — СПб., 2007. — С. 108–135; *Плюхин Р. М.* Приграничное сотрудничество на Северо-Западе России // Современная Европа. — 2013. — № 2 (54). — С. 143–147; *Сергунин А. А.* Россия и Европейский союз в Балтийском регионе: тернистый путь к партнерству // Балтийский регион. — 2013. — № 4. — С. 53–66; *Худoley К. К., Ланко Д. А.* Санкт-Петербург в Балтийском регионе // Балтийский регион. — 2009. — № 1. — С. 64–76.

¹ *Винокуров Е. Ю.* Калининградская область: между Россией и Европой // Мировая экономика и международные отношения. — 2007. — № 8. — С. 25–30; *Его же.* Экономическая специализация Калининградской области. — Калининград, 2007; *Его же.* Общее экономическое пространство ЕС — Россия и Калининград // Мировая экономика и международные отношения. — 2003. — № 11. — С. 66–71; *Ланко Д. А.* Калининград как «другое место» // Научные труды Северо-Западного института управления. — 2010. — Т. 1. — № 1. — С. 66–74; *Макарычев А. С., Сергунин А. А.* «Мягкая сила» в действии: Германия и Калининград // Россия и современный мир. — 2013. — № 1 (78). — С. 73–89; *Нечипорук Д. М., Ноженко М. В.* Проблемы охраны Балтийского моря в регионах Российской Федерации: пример Калининградской области // Балтийский регион. — 2010. — № 2. — С. 122–130; *Плюхин М. Ю.* Приграничное сотрудничество Калининградской области — проблемы и перспективы // Балтийский регион. — 2009. — № 1. — С. 77–80; *Сергунин А. А.* Опыт трансграничного сотрудничества: пример Калининграда // Дневник АШПИ. — 2004. — № 19–20. — С. 125–129; *Смородинская Н. В.* Судьба Калининграда: глобальное измерение // Pro et Contra. — 2003. — Т. 8. — № 2; *Ее же.* Калининград в условиях объединения Европы:

Еще одной темой, активно освещаемой российскими исследователями, стала реализация «Северного измерения». Различным вопросам, связанным с «Северным измерением», посвящены научные работы Е. Г. Болотниковой, И. М. Бусыгиной, Ю. С. Дерябина, Д. А. Ланко, Н. Ю. Маркушиной, Н. М. Межевича, М. Г. Филиппова¹.

Наконец, многие российские авторы рассматривают специфику реализации приграничного сотрудничества в конкретных сферах: инновационной политике, экологии, образовании, туризме и др. Примером таких исследований могут служить публикации Ю. В. Барановой, О. Н. Болычева, И. С. Гуменюка, Г. В. Кретинаина, Т. Ю. Кузнецовой, Д. А. Ланко, Д. А. Миронюка, И. В. Рыжковой, А. М. Сергеева, С. В. Степановой².

Вызов и ответ // Вопросы экономики. — 2001. — № 11; *Телегина И. П.* Калининградская область. Есть ли прорыв в проблеме транзита? // Современная Европа. — 2007. — № 3 (31). — С. 123–132.

¹ *Болотникова Е. Г., Межевич Н. М.* Политика «Северного измерения»: современное состояние и перспективы развития // Балтийский регион. — 2010. — № 4. — С. 115–126; *Бусыгина И. М., Филиппов М. Г.* «Северное измерение»: стратегии участников // Балтийский регион. — 2009. — № 1. — С. 55–63; *Дерябин Ю. С.* «Северное измерение» политики Европейского союза и интересы России // Доклады Института Европы РАН. — Сер. 68. — М., 2000; *Его же.* «Северное измерение» и интересы России // Современная Европа. — 2000. — № 2. — С. 62–72; *Ланко Д. А.* Становление региона Северного измерения как приоритета внешней политики центров силы в Балтийском регионе // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. — Сер. 6. — 2010. — № 4. — С. 107–117; *Маркушина Н. Ю.* Вопросы мягкой безопасности в контексте «Северного измерения» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2011. — № 2. — С. 107–116; *Ее же.* Роль России в концепции «Новый Север» на примере «Северного измерения» // Научные труды Северо-Западного института управления. — 2010. — Т. 1. — № 1. — С. 74–79; *Маркушина Н. Ю., Харлампьева Н. К., Церпицкая О. Л.* «Арктическое окно» «Северного измерения» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2011. — № 3. — С. 88–97.

² *Баранова Ю. В.* О международном сотрудничестве Северо-Запада России в инновационной сфере на Балтике // Балтийский регион. — 2012. — № 4. — С. 150–166; *Болычев О. Н., Гумюнюк И. С., Кузнецова Т. Ю.* Роль местного приграничного передвижения в развитии розничной торговли в Калининградской области Российской Федерации в приграничных регионах Республики Польша // Балтийский регион. — 2015. — № 4. — С. 135–149; *Кретинин Г. В., Миронюк Д. А.* Местное приграничное передвижение как форма либерализации визового режима и развития территории // Балтийский

Безусловно, вопросы приграничного сотрудничества между регионами России и Евросоюза представляются актуальным и важным направлением научных исследований. Список публикаций, проанализированных в данном обзоре, не является исчерпывающим, но он позволяет сделать выводы о ключевых проблемах, интересующих российских исследователей.

9.

«Калининградский вопрос»

В исследовании отношений между Российской Федерацией и официальным Брюсселем всегда было несколько вопросов, к которым исследователи относились с большой долей внимания. Обострение отношений между Российской Федерацией и Европейским союзом на фоне «войны санкций» 2015–2016 гг. не могло не оказать влияния на восприятие «Калининградского вопроса» и российскими, и зарубежными исследователями международных отношений. В глазах же политиков регион вновь стал менять свое значение от «гавани возможностей» и «экономического центра влияния» до «острова в окружении врагов».

В статьях середины и конца 1990-х гг. выделяется доминирование сравнительных исследований, оценивающих различия в существовании региона в позднесоветский период и подводящих итоги первых 5–6 лет 1990-х гг., а также учитывающих особенности геополитического расположения региона. Так, В. Абрамов, А. Анисимов, В. Ивченко и В. Уткина¹ отмечают «типичность региона» в сравнении с дру-

регион. — 2014. — № 4. — С. 30–47; Ланко Д. А. Управление трансграничными водными ресурсами: сравнительный анализ российского и американского опыта // Балтийский регион. — 2013. — № 1. — С. 27–37; Сергеев А. М., Рыжкова И. В. Специфика интернационализации высшей школы в рамках «Северного измерения» // Балтийский регион. — 2010. — № 3. — С. 33–49; Степанова С. В. Приграничный туризм на Северо-Западе Российской Федерации: общие тенденции и особенности развития // Балтийский регион. — 2014. — № 3. — С. 132–144.

¹ Абрамов В. Сложный дрейф балтийской провинции // «Полис» («Политические исследования»). — 1998. — № 2. — С. 95–108; Его же. Регион

гими регионами СССР. Специфической чертой называлась особая милитаризация региона. С политико-экономической точки зрения доминантами развития общества были представители элиты морского рыболовства и калининградского машиностроения, которые формировали общую лояльность режиму. На рубеже 1990–1992 гг. в регионе начали формироваться «европейские» центробежные настроения, при этом популистская угроза отделения от России подогревалась экономической несостоятельностью центра. Это и формирует «калининградскую мечту»: осуществлять экономическую и политическую независимость от Москвы при сохранении культурной и традиционной близости и связности с Россией.

Идея разделения политических и экономических ценностей прослеживается и в работах Г. Федорова, Ю. Зверева, В. Корнеевец, В. Егорова¹ разного времени, которые, отталкиваясь от сопоставлений прошлого и настоящего, предлагают в середине 1990-х гг. отказаться от сепаратистских рассуждений в пользу развития экономической независимости региона, с одной стороны, и формирования «окна возможностей» для основной России осуществлять диалог с Европейским союзом при посредничестве Калининградской области, с другой стороны. При этом исследования Г. Федорова констатируют уже в конце 1990-х гг. возрождение опасений приграничных регионов, преимущественно Прибалтики, ввиду сохраняющейся высокой милитаризации региона.

Характерно, что в работах середины — конца 1990-х гг. нередко отмечается развитие прочных связей региона с Данией, Швецией

в аспекте международных отношений // *Международная жизнь*. — 1995. — № 6. — С. 31–37; *Ивченко В.* Современная концепция стратегии экономического развития Калининградской области как эксклавной территории России // *Проблемы стабилизации и развития экономики эксклавного региона России (стратегические аспекты развития)*. — Калининград: Калининградский гос. ун-тет, 1998; *Утукина В.* Экономические аспекты развития системы высшего образования Калининградской области // *Проблемы стабилизации и развития экономики эксклавного региона России (Стратегические аспекты развития)*. — Калининград: Калининградский гос. ун-тет, 1998.

¹ *Федоров Г., Зверев Ю.* Калининградские альтернативы. Социально-экономическое развитие Калининградской области в новых геополитических условиях // Калининград: КГУ, 1995; *Его же.* Калининградские альтернативы. — Калининград: КГУ, 1995; *Егоров В.* Интересы безопасности России и Европы на Балтике // *Международная жизнь*. — 1995. — № 6. — С. 78–85.

и Финляндией. В работах В. Корнеевец¹, Д. Ланко, К. Худолея также встречается указание на обоснование явления Балтийского региона и «участия Калининграда в этом явлении, как неотъемлемой части»². Характерно, что в середине — конце 1990-х гг. о Балтийском регионе чаще говорят как о многостороннем развивающемся интеграционном процессе, а позднее будут указывать как на сложившееся явление.

Об угрозе перерастания экономического размывания региона в рамках интеграционных процессов в политическую опасность отдаления Калининграда от центральной России находим упоминание и у В. Шумейко, А. Анисимовой, А. Сонгаль, А. Кузнецова³. В. Ивченко указывает на слабые стороны особого положения Калининграда и всерьез возвращает в научный дискурс вопрос о необходимости экономической рекурсии России в эксклав, пока он полностью не растворился в бизнесе соседних стран. У А. Сергунина⁴ видим оценки действий федерального центра, когда Москва в 1996 г. через представительство МИД в Калининграде практически открыто препятствовала «излишне самостоятельным инициативам местных властей», связанным с чрезмерным, по мнению столицы, политическим братанием с соседними государствами, формирующим опасные посылы для восприятия населением большей близости с Польшей и Германией, чем с Россией. А. Сергунин в этой связи вступает в полемику о возможностях большей независимости от центральной России с Т. Зоновой⁵, которая приводит примеры решения проблемы Калининграда в рамках наднациональной модели по образцу Тирольского еврорегиона, еврорегиона Померания. Также звучит идея Ганзейского еврорегиона с центром в Калининграде, призванного объединить некоторые русские, прибалтийские, немецкие и скандинавские

¹ Федоров Г., Корнеевец В. Балтийский регион: социально-экономическое развитие и сотрудничество — Калининград: Янтарный сказ, 1999.

² Худoley К., Ланко Д. Санкт-Петербург в Балтийском регионе // Балтийский регион. — 2009. — № 1. — С. 72.

³ Кузнецов А. Расширение ЕС и Калининградская область // Мировая экономика и международные отношения. — 2001. — № 2. — С. 104–109.

⁴ Сергунин А. Регионализация России: Роль международных факторов // Полис. — 1999. — № 3. — С. 76.

⁵ Зонova Т. От Европы государств к Европе регионов // Полис. — 1999. — № 5. — С. 155–164.

территории. На этом фоне у ряда исследователей нередко звучит понятие особой «политической субъектности» Калининграда, теоретически не нарушающей суверенитета России, но создающей опасность неправильного восприятия федеральным центром (например, Н. Кошевская)¹.

2000-е гг. приносят и принципиально новые идеи. Так, А. Кузнецов, О. Кузнецова, В. Мау, С. Медведев² пишут о возможности интеграции Калининградской области в структуры ЕС и, очевидно, о формировании совместных институтов некоего нового типа. И хотя в основополагающих документах ЕС не предусмотрена возможность постепенной интеграции страны посредством постепенного включения в структуры ЕС ее отдельных территорий, сотрудничество с европейскими структурами, по мнению авторов, возможно. Альтернативной точки зрения на будущее Калининграда придерживается Л. Карабешкин³. Анализируя совместный политико-экономический проект России и ЕС в Калининграде, он отмечает вновь актуальную возможность потери контроля над формированием повестки дня и принятием решений, которые могут подрвать суверенитет России в регионе.

Вместе с тем в 2000-х гг. немаловажной проблемой в отношениях ЕС и России становится визовая и транзитная проблема Калининградской области. Например, В. Войников⁴ отмечает как позитивные моменты, так и множество недоработок (например, серьезные

¹ Кошевская Н. Калининградская проблема в отношениях России и Евросоюза // Сб. тр. Белорусского гос. ун-та. — Минск, 2008. — С. 67–70.

² Медведев С. Дискурсы отчуждения: «суверенитет» и «европеизация» в отношениях России и ЕС // Мировая экономика и международные отношения. — 2008. — № 12. — С. 23–33; Кузнецов А. Расширение ЕС и Калининградская область // Мировая экономика и международные отношения. — 2001. — № 2. — С. 104–109; Кузнецова О., Мау В. Калининградская область: от «непотопляемого авианосца» к «непотопляемому сборочному цеху» — М.: Комитет «Россия в объединенной Европе», 2002.

³ Карабешкин Л. Россия, ЕС и проблема Калининграда // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. — 2006. — № 3 (19). — С. 14–27; Его же. Двое русских — три мнения. Россия и Прибалтика. Трудный путь от «любви» к дружбе // Международные процессы. — 2015. — № 1 (40). — С. 85–91.

⁴ Войников В., Корнеев О. Проблемы и перспективы безвизового диалога России и ЕС // Балтийский регион. — 2013. — № 3 [17]. — С. 20–37.

проблемы с получением виз лицами, не совершающими служебные поездки в Калининградскую область). Е. Винокуров¹ подчеркивает, что, несмотря на тесные связи между федеральным центром и регионами России, калининградская экономика тесно связана с Европой и не должна отделяться от нее искусственным образом. Однако он соглашается, что диалог России и ЕС будет превалировать в решении судьбы Калининградской области, а регион будет оставаться в заложниках отношений «большой» России с «большим» ЕС. Безопасность же, особенно со второй половины 2000-х гг., становится ключевым аспектом переговоров.

В начале второго десятилетия XXI века в научной среде активно обсуждается вопрос, каким будут отношения России и ЕС в будущем. Из исследований Н. Кошевой, О. Вендиной, В. Колосова, В. Колосова, М. Зотова, А. Себенцова, А. Красовского, Д. Тренина, Г. Чмыхова² можно вывести три основных сценария: превращение Калининграда в военный форпост, экономическая конкуренция ЕС и России за Калининград на фоне политического статус-кво и стремительно угасающая идея заинтересовать Москву институциональным взаимодействием ЕС и России для совместного развития региона. Выводы рассматриваются с экономической, политической и социальной сторон, где особое внимание уделяется не только традиционным аспектам, но и, например, ориентации молодежи региона, визовым аспектам и транспортным нюансам. Характерно, что ряд работ при

¹ Винокуров В. Общее экономическое пространство ЕС — Россия и Калининград // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2003. — № 11. — С. 66–71.

² Вендина О. Калининград: планирование будущего и запросы молодежи // *Известия РАН*. — Серия географическая. — 2015. — № 4. — С. 95–106; Колосов В. А., Зотов М. В., Себенцов А. Б. Местное приграничное передвижение на российско-польской границе как инструмент трансграничной // В сб.: *Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России: мат-лы XXXII ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС*. — 2016. — С. 97–107; Красовский А. М. Калининградская область как объект обеспечения региональной безопасности // *Власть*. — 2015. — № 8. — С. 108–110; Тренин Д. Россия и мир в XXI веке. — М.: Эксмо, 2015; Чмыхов Г. Назревшие проблемы Калининграда // *Россия в глобальной политике*. — 2009. — № 4. — С. 178–181; *Его же*. Назревшие проблемы Калининграда. — Т. 7. — 2009. — № 4. — Москва: Б/и, 2009. — С. 178–181.

этом говорят о конкуренции в формате «мягкой силы» (А. Макарычев, А. Сергунин)¹, другие же фокусируются на традиционном формате конкуренции с привлечением аргументов из сферы регулирования визовой политики (Г. Критинин, Д. Миронюк, В. Смирнов)², научно-культурного взаимодействия (Г. Федоров, М. Городков, И. Жуковский)³, транспортно-энергетического диалога и связанной с экономикой миграционной проблематики (Л. Карачурина, Н. Мкртчян, Т. Романова, Н. Смородинская)⁴.

Кризис 2014 г. подстегивает авторов искать более наглядные формы взаимодействия, однако большинство авторов исходит из того, что взаимодействие замедляется и не принимает конструктивных форм, что, очевидно, связано с «нестабильностью правовой среды в России, дефицитом механизмов финансовой поддержки проектов по энергосбережению и недостатком политического содействия»⁵. И новый «калининградский европлюрализм»⁶ — как, наверное, наиболее интересный сценарий поиска особого статуса для региона — умирает, не успев толком начаться.

¹ Сергунин А., Макарычев А. «Мягкая сила» в действии: Германия и Калининград // Россия и современный мир. — 2013. — № 1. — С. 73–89.

² Критинин Г., Миронюк Д. Местное приграничное передвижение как форма либерализации визового развития и развития территории // Балтийский регион. — 2014. — № 4. — С. 39–47; Смирнов В. Два взгляда на «Калининградский вопрос» // Балтийский регион. — 2010. — № 2. — С. 30–47.

³ Федоров Г., Городков М., Жуковский И. Роль Калининградской области в развитии российско-германских связей // Балтийский регион. — 2011. — № 4. — С. 41–48.

⁴ Карачурина Л., Мкртчян Н. Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. — 2016. — Т. 3. — № 4. — С. 47–65; Романова Т. Нераскрытый потенциал сотрудничества России и Европейского союза в области энергоэффективности и возможности Балтийского региона // Балтийский регион. — 2014. — № 1 (19). — С. 29–45; Смородинская Н. Глобализованная экономика: от иерархий к сетевому укладу. — Москва: б/и, 2015.

⁵ Романова Т. Нераскрытый потенциал сотрудничества России и Европейского союза в области энергоэффективности и возможности Балтийского региона // Балтийский регион. — 2014. — № 1 (19). — С. 29–45.

⁶ Медведев С. Дискурсы отчуждения: «суверенитет» и «европеизация» в отношениях России и ЕС // Мировая экономика и международные отношения. — 2008. — № 12. — С. 33.

10.

Вопрос о принадлежности России к Европе

Тема принадлежности России к Европе и того, как это определяет отношения Москвы с ЕС, была одной из самых популярных среди российских исследователей. Это закономерно: европейскость России традиционно стоит в повестке отечественных социально-экономических и политических работ как минимум с XVIII века. В диалоге с ЕС, однако, вопрос приобрел особое звучание, поскольку Брюссель, начиная с 1970-х гг., стал позиционировать себя как представителя Европы, как ее голос. С течением времени этот тезис укреплялся, при этом ЕС выдвинул и собственные критерии европейскости, ими стали т. н. копенгагенские критерии (уважение демократии, прав человека, верховенство закона). Таким образом, Россия столкнулась с ситуацией, когда быть в Европе стало вопросом не только ее внутреннего выбора, но также и признания третьей стороной (Евросоюзом, который узурпировал право оценивать других и определять, кто достиг необходимого уровня, чтобы быть Европой, а кто нет)¹.

Дебаты о принадлежности России к Европе существовали только для отечественных исследователей, которые, однако, привносили данную тематику и в зарубежную литературу. За рубежом право ЕС определять, какая страна принадлежит Европе, а какая нет, не ставилось под вопрос. Российские же исследования эволюционировали от декларирования принадлежности России к Европе и необходимости европеизации в 1990-е гг. через попытки осознать, что есть европейский выбор, и определить модели европеизации, которые позволят сохранить равенство акторов на мировой арене, к отрицанию европеизации и односторонней ориентации на Европу (или признанию того, что никакой альтернативы Москва не изобрела).

Вопрос о степени европейскости и европеизации России был и внутриполитическим — от его разрешения зависело, следовать ли Москве путем, предложенным либералами, или искать особый путь, которого

¹ *Romanova T. Russia Looking at EUrope // Stefan Schepers, Andrew Kakabadse (eds.) Rethinking the Future of Europe. A Challenge of Governance. Palgrave Macmillan, 2014. P. 201–213.*

достойна особая, отличная от других цивилизация¹. Следование в фарватере лишало Москву возможности настаивать на равенстве в международных отношениях (как это понималось на Смоленской площади или в Кремле). Выбор особого пути затруднял взаимодействие с Евросоюзом, а также ограничивал возможности использовать его опыт в нашей стране.

В результате на прикладном уровне многие отечественные работы доказывали не столько принадлежность России к Старому Свету (она подразумевалась в силу ее географического положения, истории и культуры), сколько ее право на равных с другими игроками (прежде всего ЕС и США) определять основные положения устройства и политики здесь². Эти аргументы тесно смыкались с риторикой российского МИДа³.

На концептуальном уровне обсуждалось, в чем Россия сходна с ЕС и европейцами, а в чем отлична по своему менталитету и политическим практикам, насколько эта специфичность и уникальность обусловлена историческим развитием России как европейской нации⁴, обсуждалась степень интеграции России в Большую Европу и порой упрощенное понимание этой связи⁵. В этом контексте вставал и вопрос о том, что надо сделать России (и надо ли), чтобы также быть

¹ *Афанасьев В. В.* Россия и Европа: история и современность // Современная Европа. — 2007. — № 4. — С. 136–144; *Цымбургский В. Л.* Европа — Россия: «Третья осень» системы цивилизаций // Полис. — 1997. — № 2. — С. 56–76.

² Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / под ред. Ал. А. Громыко, В. П. Федорова. — М.: Весь мир, 2014; *Громыко А.* Россия между Европой и Азией // Международная жизнь. — 2012. — № 10. — С. 83–89; *Иванов И.* Россия и Европа — Возможен ли прорыв в отношениях? // Международная жизнь. — 2012. — № 1. — С. 1–14.

³ См., в особенности *Лавров С.* Историческая перспектива внешней политики России // Россия в глобальной политике. — 2016. Март. — <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017>.

⁴ *Арбатов А.* Европейская Россия: ересь, утопия, проект. — М., 2004; *Громыко А.* Россия между Европой и Азией...; *Рубинский Ю. И.* Две Европы или одна // Современная Европа. — 2000. — № 3. — С. 32–46.

⁵ *Афанасьев В. В.* Россия и Европа...; Большая Европа...; *Заторский А.* Россия и Европа // Международная жизнь. — 1993. — № 1. — С. 47–56; *Шмелев Н. П., Федоров В. П.* Евросоюз — Россия: мера сотрудничества // Современная Европа. — 2011. — № 2. — С. 5–25.

для всех частью Европы¹, может ли Евросоюз тут выдвигать свои условия для признания России европейской страной², а также в чем именно заключается европейский выбор России, каково сочетание интересов и ценностей здесь³.

С другой стороны, был введен термин «малая Европа» для Евросоюза, чтобы отличить его от «Большой Европы», в которой присутствует и Россия как интегральная часть⁴. Активно обсуждалась дилемма ценностей и интересов как противовес требованиям ЕС о преобразованиях в России, которые вернут ее в Европу⁵. При этом отечественные исследователи, как правило, призывали сотрудничать на базе интересов, отрицая тот факт, что сами интересы базируются на ценностях.

Примечательны также исследования образа России в Европе в этом контексте⁶ и того, как россияне видят Европу⁷.

¹ Борко Ю. А. Были ли единой «единой Европе» в XXI веке? // Европа: смена вех? — М.: ИНИОН РАН, 2002. — С. 5–30; *Borko Y. The Russian Perception of Europe // Russia and Europe in a changing international environment. Ed. by K. Malfiet, L. Verpoest. Leuven: Universitaire Pers Leuven, 2001. P. 29–48; Носов М. Г. Россия и Европа // Современная Европа. — 2008. — № 4. — С. 5–18; Россия и объединяющаяся Европа: перспективы сотрудничества / отв. ред. В. П. Федорова. — М.: Институт Европы РАН, Русский сувенир, 2007; Рубинский Ю. И. Две Европы...; Шмелев Н. П., Федоров В. П. Евросоюз – Россия...; Юргенс И. Будущее за «европейским выбором» // Международная жизнь. — 2012. — № 8. — С. 73–78.*

² Максимычев И. Ф. Есть ли будущее у Большой Европы // Современная Европа. — 2013. — № 1. — С. 34–44; Отношения России с Евросоюзом // под ред. С. Беленя, К. Худоля, Т. Романовой. — СПб: Изд-во СПбГУ, 2012. — С. 31–62; Россия в многообразии цивилизаций. Ч. 2: Европа глазами России. — М: Институт Европы, 2007; Россия и объединяющаяся Европа...; Рубинский Ю. И. Две Европы...

³ Данилов Д. Горячее лето 2005 года. Европейский выбор России // Международная жизнь. — 2005. — № 7. — С. 57–78.

⁴ Большая Европа...

⁵ Данилов Д. Горячее лето 2005 года...; Иванов И. Д. Анатомия европейских ценностей // Современная Европа. — 2012. — № 2. С. 13–23; Шмелев Н. П., Федоров В. П. Евросоюз — Россия...

⁶ Роль образа России в формировании общеевропейского политического пространства / под ред. Н. К. Арбатовой. — М: ИМЭМО РАН, 2009.

⁷ *Baranovsky V., Utkin S. Europe as Seen from Russia // Perspectives: Central European Review of International Affairs. 2012. Vol. 20. No 2, P. 63–81.*

Обсуждались причины и характер вызова, который Россия бросала Европе¹. Другим фокусом исследования степени европеизации России стал анализ того, как самим своим существованием Россия помогает ЕС оформить свою идентичность, становясь для Союза значимым другим². По сути, это означало неинтегрируемость России в Европу. Интересны также и работы о взаимоотношениях России и ЕС, о неспособности России придумать альтернативу европейскому пути, выполненные в традиции постколониальных исследований³. Это были немногие выходы дебатов о европейскости России за пределы дискуссии на русском языке.

Наконец, тесно соединены с темой принадлежности России к Европе и правом ЕС определять критерии европейскости дебаты о нормативной силе Евросоюза. В частности, рассматривалось ее существование, обоснованность и возможность применения к России, а также суть противостояния России этой нормативной силе⁴.

¹ *Makarychev A. Russia and/versus the EU: From Post-political Consensus to Political Contestations // L'Europe en Formation 2014. No 4 (374). С. 40–49.*

² *Морозов В. Россия и другие. Идентичность и границы политического общества. — М.: Новое литературное обозрение, 2009; Morozov V., Rumelili B. 'The External Constitution of European Identity: Russia and Turkey as Europe-Makers // Cooperation and Conflict. 2012. Vol. 47. No 1. P. 28–48; Neumann I. Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations London: Routledge, 1996.*

³ *Морозов В. Е. Свято место пусто не бывает. На чем может быть основано будущее урегулирование между Россией и Западом? // Россия в глобальной политике. — 2014. — С. 40–49; Makarychev A. Russia and/versus the EU: From Post-political Consensus to Political Contestations // L'Europe en Formation 2014. No 4 (374). С. 40–49; Morozov V. Russia's Postcolonial Identity: A Subaltern Empire in a Eurocentric World (Palgrave, March 2015).*

⁴ *Игумнова Л. О. Критика нормативной силы Европы в России // Известия Иркутского гос. ун-та. — Серия «Политология. Религиоведение». — 2014. — Т. 7. — С. 122–133; Павлова Е., Романова Т. Идейное соперничество или «треш-дискурс»? // Россия в глобальной политике. — 2014. — № 3. — С. 50–58; Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения // Вестник СПбУ. — Сер. 6. — 2011. — Вып. 1. — С. 52–66; Romanova T. Normative Power Europe: A Russian View // A. Gerrits (ed.) Normative Power Europe in a Changing World: A Discussion. Clingendael: Netherlands Institute for International Relations, 2009. P. 51–66; *Idem. Russian Challenge to the EU's Normative Power? Change and Continuity // Europe-Asia Studies. 2016. No 3. P. 371–390.**

11.

Роль стран – членов ЕС в его отношениях с Россией

Специфика Евросоюза — его особая природа, сочетание атрибутов международной организации, состоящей из стран-членов, и национальной политической системы — закономерно ставила вопросы о том, как третьим странам выстраивать отношения с этим актором. Ситуацию усложняло растущее внутреннее разнообразие ЕС, плюрализм взглядов институтов и особенно стран-членов на диалог с Москвой. Какофония была обоснована прежде всего историческим опытом этих стран, но также географической близостью, характером экономических отношений, важностью России во внутривнутриполитических дебатах (в т. ч. для построения новой национальной идентичности). Все это привлекало внимание и российских, и зарубежных исследователей, ставило вопрос о целостности и характере позиции ЕС в отношении России, о параметрах выстраивания отношений с Союзом.

В отечественной литературе можно выделить три направления таких исследований.

Первое — изучение специфики стран-членов и того, как они определяют позицию ЕС по отношению к России. Чаще всего было принято акцентировать конструктивную роль старых стран-членов, а также деструктивную линию новых, особенно стран Балтии и Польши. При этом в научной литературе исследовались возможности распространения конструктивных отношений на весь Евросоюз, а также то, как повлиять на Евросоюз через «союзников», тогда как в публицистике часты были спекуляции на тему «разделяй и властвуй»¹.

¹ Алчинов В. М. Перспективы развития экономического сотрудничества России с объединенным Евросоюзом. — М.: Дипломатическая академия, 2004; Басов Ф. Энергетическое и экологическое сотрудничество России и Германии // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2011. — № 8. — С. 101–109; Взаимодополняемость ЕС и его государств-членов в области внешних действий и ОВПБ и ее влияние на отношения ЕС и Российской Федерации: мат-лы междунар. конф., проведенной в МГИМО(У) МИД России и МГЮА 28–29 сентября 2007 г. — СПб., 2008; Воронов К. Новый партнерский договор РФ — ЕС: Североевропейский ракурс // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2007. — № 8. — С. 52–62; Девятков А.,

Тем не менее нередки были и призывы российских исследователей выстраивать отношения с теми, кто реально готов к этому, даже если приоритет будет отдан дружественным национальным, а не наднациональным органам власти. При этом зачастую отечественная литература игнорировала и характер разделения компетенций между национальными и наднациональными органами власти в ЕС, и принцип солидарности среди стран-членов, который всегда существовал, а Лиссабонским договором был значительно усилен.

Призывы выстраивать отношения со структурами и игроками, готовыми к этому, закономерно усилились после введения ограничительных мер ЕС в отношении России в 2014 г. и приобрели характер политической рекомендации¹. В этом же русле стоит рассматривать и заигрывания с крайне правыми партиями в политической практике и публицистике, предсказания, что ЕС скоро развалится под давлением различных кризисов (экономического, иммиграционного, угрозы терроризма и т. д.). Это стало ответом на консолидацию ЕС по вопросу отношений с Россией по негативной линии (сдерживания и санкций) в связи с событиями на Украине в 2014 г.

Второе направление отечественных исследований, связанных с гетерогенностью стран-членов и их влиянием на политику ЕС, — попытки классифицировать страны-члены по степени дружественности/враждебности в отношении России. Основная такая попытка была предпринята при рассмотрении политических и экономических аспектов партнерства ради модернизации². Задумка состояла в выявлении специфики взглядов стран-членов и ее влияния на то, как концепция модернизации трактуется, а также в определении факторов,

Макарычев А. «Восточная политика» Германии: экспертные оценки и политические перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2012. — № 9. — С. 52–60; *Поздняков В., Ганжа С.* Новые страны на пороге Европейского союза // *Международная жизнь*. — 1999. — № 3. — С. 37–44; *Симолян Р.* Россия и Евросоюз: Балтийский потенциал экономической интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2011. — № 4. — С. 48–59; *Тимофеев П. П.* Франция в диалоге Россия — ЕС // *Современная Европа*. — 2010. — № 3. — С. 41–55.

¹ См. например, работы Дискуссионного клуба «Валдай».

² *Романова Т. А., Павлова Е. Б.* Российская модернизация и Евросоюз // *Современная Европа*. — 2013. — № 1. — С. 45–57; *Они же.* Россия и страны Евросоюза: Партнерство для модернизации // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2013. — № 8. — С. 54–61.

которые способствуют консенсусу в ЕС и которые ему препятствуют. Эти попытки ранжировать страны-члены, однако, не приобрели большой популярности в отечественных исследованиях. Скорее, специалисты предпочитали концентрироваться на отдельных странах, выделяя одновременно и европейский контекст.

Наконец, третье направление отечественных исследований роли стран-членов в определении внешнеполитической линии ЕС (а также в единстве этой линии) — это анализ изменений в учредительных документах Евросоюза. Российские эксперты пытливно следили, как передавались компетенции от стран-членов к наднациональным институтам и органам, как расширялись компетенции на уровне ЕС в ходе принятия Амстердамского, Ниццкого и наконец Лиссабонского договоров. В частности, исследовалось, что это значит для выстраивания единой линии ЕС в отношении России в экономической¹, внешнеполитической² и иных областях. При этом неспособность ЕС быстро согласовать изменения, сложности в ратификации интерпретировались нередко как внутривнутриполитический кризис, решить который ЕС пытается, экстернализовав свои проблемы и став более агрессивным в отношениях с Россией³.

В целом для российских исследований характерно постепенное узнавание Евросоюза, понимание природы его функционирования

¹ *Иванов И.* Старт «зоны евро» // *Мировая экономика и международные отношения*. — 1999. — № 1. — С. 3–11; *Романова Т. А.* Институциональные особенности экономических отношений Россия — Европейский союз // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2004. — № 5. — С. 49–55; *Экономика стран ЕС после введения евро: от эйфории 1999 г. до долгового кризиса 2010-х годов* / под ред. А. В. Кузнецова и Е. С. Хесина. — М.: ИМЭМО РАН, 2013.

² *Отношения Россия — ЕС на пороге перемен. Liber amicorum в честь профессора Л. М. Энтина*. — М.: Изд-во Аксиом, 2009; *Реформирование Европейского союза и его политические отношения с Россией* / под ред. Д. А. Данилова. — М.: Учреждение РАН «Институт Европы РАН», 2009.

³ *Бордачев Т.* Россия и кризис развития в Европейском союзе // *Современная Европа*. — 2006. — № 1. — С. 134–144; *Его же.* Грузия, Обама, экономический кризис: отношения Россия — ЕС в контексте последних событий. — Париж: IFRI, январь 2010. — *Russie. Nei. Vision*. No. 46; *Лукьянов Ф.* Европа, которую мы еще не видели // *Pro et Contra*. — 2012. — Январь-апрель. — С. 68–82; *Bordachev T. V.* The Strategic Implications of the EU's 'Crisis'. 'Odd-Insider' Perspective. A Russian Perspective. Brussels: CEPS, ISS, February 2006. ESF Working Paper. No 21.

(принятия решений), что, наряду с укреплением внутренней структуры самого блока, способствовало уменьшению спекулятивных рекомендаций о разделении стран-членов, о приоритете национального над наднациональным. Исследования факторов, которые могли бы способствовать выработке единой позитивной позиции ЕС по взаимоотношениям с Россией, однако, пока не появилось.

12.

Проблема преобразований в ЕС как фактор его отношений с Россией

Один из важных этапов эволюции изучения отношений России и Европейского союза в отечественной науке — объединение двух типов исследований. Первое — анализ интеграции (экономического регулирования, потоков товаров и услуг, капиталовложений и рабочей силы, внутренней политики, перераспределения полномочий между национальным и наднациональным уровнями, полномочий институтов и органов). Второе — исследование отношений России и Евросоюза как таковое. Долгое время эти два течения существовали параллельно. Этот параллелизм методологически сохранился до сегодняшнего времени (редко теоретико-методологические подходы, применяемые для исследования интеграционных процессов, задействуются для исследования отношений Москвы и Брюсселя).

В то же самое время тематически это сближение происходило. Более того, один из самых ярких моментов эволюции исследований отношений России и ЕС за прошедшие 26 лет состоит в том, что именно трансформации Евросоюза (специфика передачи компетенций с национального на наднациональный уровень, углубление экономической интеграции, различные кризисы) стали определять для отечественных исследователей современные и будущие отношения России и ЕС. Для зарубежных исследователей этот момент также был важен (особенно в определении факторов, которые позволяют ЕС выработать единую линию), но он дополнялся важностью внутривнутриполитической ситуации и эволюции России. В отечественных же исследованиях тема внутренних преобразований в России все чаще уходила на второй план, интеграционный романтизм начала 1990-х гг. сдавал

позиции рассмотрению взаимодействия России и ЕС в сугубо реалистическом и международном ракурсе.

Российские исследователи особенно интересовались двумя типами трансформации Евросоюза. Первый — пересмотр основополагающих его актов (подписание и вступление в силу Амстердамского, Ниццкого и Лиссабонского договоров, а также провал Конституционного договора). Привлекали внимание политические преобразования, прежде всего — перераспределение полномочий между центральными институтами и странами-членами, положение о солидарности, создание и укрепление внешнеполитической и военной составляющей¹. Интересовались отечественные ученые и экономическими преобразованиями: тем, как изменялась торговая политика ЕС (включая постепенно наднациональную защиту прав интеллектуальной собственности, коммунитарное регулирование внешней торговли услугами и иностранных инвестиций). Исследовалось, как повлияет на Россию введение единой валюты, а также упрочение его институциональной машины².

Юридические работы скрупулезно перебирали все инновации учредительных документов, однако, как правило, они помещались в разделы по ЕС, а их влияние на отношения России и ЕС рассматривалось бегло.

¹ Борко Ю. Вступая в XXI век: сценарии будущих отношений между Россией и Европой // Развитие интеграционных процессов в Европе и России. — М.: ИНИОН РАН, 1997. — С. 36; Европейский союз на пороге XXI века. Выбор стратегии развития / под ред. Ю. А. Борко, О. В. Буториной. — М.: Эдиториал УРСС, 2001; Отношения Россия — ЕС на пороге перемен. *Liber amicorum* в честь профессора Л. М. Энтина. — М.: Изд-во Аксиом, 2009; Реформирование Европейского союза и его политические отношения с Россией / под ред. Д. А. Данилова. — Москва: Институт Европы РАН, 2009; *Bordachev T. V. The Strategic Implications of the EU's 'Crisis'. 'Odd-Insider' Perspective. A Russian Perspective.* Brussels: CEPS, ISS, February 2006. ESF Working Paper. No 21.

² Борко Ю. Вступая в XXI век... С. 1–57; Европейский союз на пороге XXI века...; Иванов И. Старт «зоны евро» // Мировая экономика и международные отношения. — 1999. — № 1. — С. 3–11; Экономика стран ЕС после введения евро: от эйфории 1999 г. до долгового кризиса 2010-х годов / под ред. А. В. Кузнецова и Е. С. Хесина. — М: ИМЭМО РАН, 2013; Романова Т. А. Институциональные особенности экономических отношений Россия — Европейский союз // Мировая экономика и международные отношения. — 2004. — № 5. — С. 49–55.

Второй тип трансформаций ЕС, который привлекал внимание исследователей, — это текущие изменения. Среди политических надо отметить кризис лидерства, рост внутреннего разнообразия в ЕС при неспособности стран-членов согласовать единую позицию, нарастание критики ЕС на национальном уровне, рост популярности крайне правых под давлением иммиграционной (а в последнее время и террористической) угрозы¹. Это, кстати, открывало возможности для спекуляций касательно тактики России в отношении ЕС (в т. ч. поддержки движений, которые бросают вызов интеграции). Отмечались и экономические преобразования. Прежде всего внимание привлекала цепочка экономических кризисов, начавшаяся в 2007 г. и прошедшая стадии турбулентности в банковском секторе, бюджетной нестабильности, низкого роста ВВП и безработицы².

В большинстве своем оценки российских экспертов были критические и отрицательные (де-факто отражавшие разрыв между их ожиданиями от ЕС и реальностью). Сложности в ЕС концептуализировались как предпосылки, что Брюссель станет более трудным партнером для России, поскольку, с одной стороны, сконцентрируется на внутренней стабилизации, а с другой — попытается экстернализовать свои проблемы и даже компенсировать внутренние провалы внешними победами. Реже высказывались опасения, что политическая и экономическая дестабилизация в ЕС невыгодна России, поскольку Брюссель остается важнейшим ее политическим и экономическим партнером, а все сложности внутренней интеграции ЕС прямо сказываются и на официальных отношениях, и на коммерческих связях, и на диалоге гражданского общества.

¹ Бордачев Т. Россия и кризис развития в Европейском союзе // Современная Европа. — 2006. — № 1. — С. 134–144; Лукьянов Ф. Европа, которую мы еще не видели // Pro et Contra. — 2012. — Январь — апрель. — С. 68–82.

² Бордачев Т. Грузия, Обама, экономический кризис отношений Россия — ЕС в контексте последних событий. — Париж: IFRI, январь 2010. — Russie. Nei. Vision. No 46.

13.

Правовые аспекты отношений

Российские специалисты по международному праву начали освоение европейских исследований довольно рано и интенсивно. Активно стали появляться работы по европейскому праву, в которых, как правило, указывалось и на специфику правового сотрудничества России и Евросоюза¹. Соответствующие главы ссылались на Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) 1994 г., с разной степенью подробности разбирались его институциональные положения, разделы по экономическому, политическому и иному сотрудничеству. Иногда рассматривалась также система соглашений, возникшая на основе СПС, правовой характер и значение дорожных карт для четырех пространств. Особое внимание уделялось экономическим аспектам сотрудничества в ЕС², а также проблематике разграничения компетенций и сфер ведения Евросоюза и его стран-членов³. В частности,

¹ *Бирюков М. М.* Европейская интеграция: международно-правовой подход. — М.: Научная книга, 2004; *Его же.* Европейский союз, Евроконституция и международное право. — Научная книга, 2006; Европейское право: право Европейского союза и правовое обеспечение защиты прав человека / под ред. Л. М. Энтина. — М.: Норма ИНФРА-М, 2011, 2012 [и др. издания]; *Ильин Ю. Д.* Лекции по истории и праву Европейского союза. — М.: Спарк, 2002; *Иншакова А. О.* Основы права Европейского союза: особенная часть: учеб. пособие. — Волгоград: Науч. изд-во, 2004; *Качалов А. Д.* Правовое регулирование интеграционных процессов государств — членов Европейского союза. — М.: Лаборатория книги, 2011; *Кашкин С. Ю.* Общая часть. Европейский союз: устройство и порядок. 2013; *Его же.* Основы права Европейского союза. М.: Юрайт, 2011; *Его же.* Право Европейского союза. — М.: Юристъ, 2010, 2011, 2013 [и др. издания]; *Лучинин А. Л.* Понятие и особенности механизма имплементации европейского права. — Казань: Новое знание, 2006; *Марченко М. Н.* Европейский союз и его судебная система. — М.: Проспект, 2012; *Его же.* Правовая система Европейского союза. — М. НОРМА, 2014; *Право Европейского союза / под ред. проф. А. Я. Капустина.* — М.: Юрайт, 2013; *Пучинский В. К.* Право Европейского союза: Правовое регулирование торгового оборота. — М.: Зерцало-М, 2000.

² *Право Европейского союза...; Юмашев Ю. М.* Экономическое право Европейского союза. — М.: НОРМА, 2014.

³ *Бартенев С. А.* Европейский союз и государства-члены: разграничение компетенции. — М.: Юрлитинформ, 2009.

подчеркивался смешанный характер СПС, т. е. то, что он затрагивает компетенции и ЕС, и его стран-членов.

Эти работы характеризовали традиционные для правовых исследований черты: акцент на формальных аспектах (с богатой детализацией), но без изучения того, как те или иные инструменты и институты используются на практике, в т. ч. неформально, как акторы преобразуют их. Вторым вопросом, который занимал юристов регионов России, — это правовая природа Евросоюза, которая не укладывалась в привычные им категории: либо государство, либо международная организация. Были, однако, сделаны и попытки выйти за пределы жесткой структуры юридической науки, проанализировав право в привязке к политике¹.

Публиковали отечественные специалисты и собственно работы по отношениям с Россией, в которых более детально рассматривались аспекты двухсторонних договоренностей, в т. ч. секторальных соглашений, дорожных карт пространств, будущего соглашения, которое должно было прийти на замену СПС. Эти работы также иногда сравнивали соответствующие положения документов России и ЕС с аналогичными текстами Евросоюза с третьими странами². Но в целом такой сравнительный характер исследований встречался в отечественной литературе редко. Наконец, обращались отечественные специалисты и к проблематике судебных решений, важных для двухсторонних отношений. Особое внимание в этой связи получило дело футболиста Симутенкова, которое демонстрировало, как СПС дает физическим лицам конкретные и прямые преимущества (равенство с гражданами ЕС при условии легального трудоустройства). Интересны также и работы по визовым вопросам и пространству свободы, безопасности и правосудия России и ЕС, детально анализировавшие соответствующие правовые положения³.

¹ Капустин А. Я. Европейский союз: интеграция и право. — М.: Изд-во РУДН, 2000; Шеленкова Н. Б. Европейская интеграция: политика и право. — М., 2003.

² Калиниченко П. А. Европейский союз на постсоветском пространстве: право, интеграция, геополитика. — М.: Российский новый университет, 2012; *Его же*. Европейский союз: право и отношения с Россией. — М.: Норма ИНФРА-М, 2012.

³ Войников В. В. Правовое регулирование европейского пространства свободы, безопасности и правосудия. — Калининград, 2013.

Наконец, в отдельную группу стоит выделить большое количество исследований по проблематике правового сближения России и Евросоюза, которая затрагивалась не только юристами, но и политологами, и экономистами. Отправной точкой для этих изысканий была ст. 55 СПС, прописывающая готовность России следовать в фарватере ЕЭС во многих областях экономического законодательства. На начальном этапе правовая гармонизация воспринималась как вариант модернизации политической и экономической жизни России. Именно поэтому к этой теме очень часто обращались. В частности, экономисты подробно рассматривали, какие части законодательства Евросоюза для России полезны в силу характера ее экономики, а также текущего положения. Всерьез обсуждалось (часто игнорируя тот факт, что законодательство ЕС — это комплекс тесно связанных между собой норм), какие сферы права Союза стоит взять России на вооружение немедленно, какие позже, а от каких отказаться и вовсе в силу либо характера российской экономики, либо неготовности отечественных компаний¹.

Политологи относились к процессу правовой гармонизации более критично. Для них речь шла о том, какую из моделей, возникших в ЕС, Россия может взять: как правило, выбор стоял между т. н. норвежским сценарием тотальной гармонизации и швейцарской моделью выбора тех секторов, которые интересны для партнеров (с возможной пакетной увязкой выбранных сфер сближения с тем, чтобы сбалансировать интересы обеих сторон)². С течением времени кри-

¹ *Афонцев С.* Россия и «новый ЕС» // Pro et contra. — 2003. — Vol. 8. — № 1. — С. 25–46; *Общее европейское экономическое пространство. Перспективы взаимоотношений России и ЕС / под ред. Э. Брюна, К. Греффа, В. Мау, В. Новикова, И. Самсона* — М.: Дело 2004; *Проблемы интеграции России в единое европейское пространство / под ред. В. А. Мау, Г. С. Ковалева, В. В. Новикова и К. Э. Яновского.* — М.: ИЭПП, 2003.

² *Бордачев Т., Романова Т.* Модель на вырост. Выбор России надолго определит ее отношения с ЕС // Россия в глобальной политике. — 2003. — № 2. — С. 49–63; *Ларионова М. В.* Возможности для гармонизации нормативно-правовой и законодательной базы для эффективного развития сотрудничества в сфере образования в рамках «Дорожной карты» Россия — ЕС до 2013 г. // Вестник международных организаций. — 2008. — № 7–8. — С. 14–28; *Расширение Европейского союза и Россия.* — Деловая лит., 2006; *Романова Т. А.* Правовое сближение России и Европейского союза как основа общеевропейского экономического пространства: возможности и барьеры // Современные

тический настрой российских специалистов нарастал. Все чаще политологи говорили не столько о деталях, сколько о том, что концептуально неприемлемо следование России в фарватере ЕС, поскольку она не собирается быть членом ЕС и это противоречит требованиям равенства на мировой арене. В качестве альтернативы предлагались варианты сближения России и ЕС в контексте ВТО или ОЭСР¹.

Наконец, юристы рассматривали проблему правового сближения с позиции международного права, предлагая вспомнить о четырех существующих там способах правового сближения (трансформации, инкорпорации, рецепции и отсылке). Каждый из этих вариантов подробно оценивался с позиции его приемлемости для отношений России и ЕС², а также их потенциала гарантировать правовое сближение двух партнеров.

отношения России и Европейского союза: десять лет после подписания Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. — СПб, 2005. — Библиотека европейских исследований. Вып. 18; *Ее же*. Проблемы правового сближения России и Евросоюза: политические аспекты // Выстраивая добрососедство. Россия на пространствах Европы / под ред. Ал. А. Громыко и Е.В. Ананьевой. — М: Весь мир, 2013. — С. 25–33; Россия — Европейский союз: на пути к четырем общим пространствам. — М.: Институт Европы РАН, 2008.

¹ Романова Т. А. Фактор ВТО в отношениях России и Европейского союза // Вестник международных организаций. — 2013. — № 4. — С. 180–195.

² Кашкин С. Стратегия и механизмы гармонизации законодательства России и Европейского союза как ключевые компоненты их эффективного взаиморазвития в XXI в. // Тенденции российско-европейских отношений: стратегические и практические аспекты гармонизации законодательства РФ и ЕС. — 2005. — № 6. — Ч. I. — С. 42–75; Келлерман А. Е. Участие в европейском внутреннем рынке государств, не являющихся членами ЕС. Сравнение отношений ЕС — Норвегия, ЕС — Швейцария и ЕС — Россия с особым акцентом на сближении законодательства. По какому пути должна пойти Российская Федерация? // Тенденции российско-европейских отношений. — 2005. — № 3. — С. 52–105; Отношения Россия — ЕС на пороге перемен. В честь профессора Л. М. Энтина. — М.: Аксиом, 2009; Шашихина Т. Отдельные аспекты сближения законодательства Российской Федерации и Европейского союза, регулирующего предпринимательские отношения: проблемы и перспективы // Тенденции российско-европейских отношений: стратегические и практические аспекты гармонизации законодательства РФ и ЕС. — 2005. — № 7. — С. 42–53; Энтин М. Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский союз в 2004–2005 годах. — СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2006.

14.

Постсоветская/евразийская интеграция и ее соотношение с европейской интеграцией

В настоящее время в российской академической и экспертной сферах присутствует достаточно большой интерес к теме постсоветской, или евразийской, интеграции и ее сравнению с интеграционными процессами в других регионах мира, прежде всего с европейской интеграцией. Интерес исследователей к данной проблематике усилился после начала активизации интеграционных процессов на постсоветском пространстве в 2011–2012 гг. и подписания Договора о создании Евразийского экономического союза в 2014 г., однако он существовал и ранее. Важное место в дискуссиях о евразийской интеграции занимает вопрос о применимости и пределах применения концепций и моделей европейской интеграции для развития сотрудничества на постсоветском пространстве, а также о развитии отношений между институтами Европейского союза и структурами евразийской интеграции.

Российской академической литературы по тематике постсоветской и евразийской интеграции достаточно много. Во-первых, существует большое количество работ, посвященных определению концептуального понятия «евразийский» в условиях современного российского внутриполитического и международно-политического контекста. Разброс мнений в этом отношении достаточно широк. Во многих работах анализируется понятие «евразийский» через его историческую эволюцию, часто идут отсылки к теориям и идеям так называемого евразийства, которые возникли в межвоенный период в кругах русской эмиграции, а также к сегодняшним интерпретациям евразийских социально-политических доктрин. Так, есть работы, посвященные «евразийской идее», «евразийской модели», геополитическим и теоретико-философским аспектам евразийской интеграции в контексте современного российского внутриполитического дискурса¹, в ряде работ делается попытка сконструировать понятие

¹ *Кашкин С. Ю., Иксанова Ж. Т.* Евразийская идея как концепция становления и функционирования Евразийского экономического союза // *Евразийский юридический журнал*. — 2015. — № 4 (83). — С. 12–16; *Окунев И.*

«евразийские ценности»¹, которые могут лечь в основу евразийской интеграции, иногда делается попытка сопоставить (и противопоставить) «евразийские» и «европейские» ценности. Некоторые работы соотносят процессы евразийской интеграции с так называемыми концепциями «русского мира»², иногда развитие «евразийской интеграции» рассматривают в прямой взаимозависимости с развитием российской государственности³, в одной из работ предлагается концепция интеграции государств постсоветского пространства в объединение с аббревиатурой СССР⁴. Другая работа сопоставляет процессы евразийской интеграции с «финляндизацией» постсоветского пространства⁵. Существует также подход, в соответствии с которым понятие «евразийский» рассматривается более деполитизированно, во главу угла ставятся прежде всего экономические мотивы и интересы⁶. Можно отметить наряду с широко известным в европейских

Внешняя политика для большинства // Россия в глобальной политике. — 2013. — № 2. — С. 40–48; *Струков К. В.* Теоретико-философские основы евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 8 (87). — С. 17–20.

¹ *Бенина Л. И.* Евразийские черты политической культуры российского общества // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 11 (90). — С. 287–288; *Мурзагалеев Б. Р.* Социальная миссия евразийских ценностей для единения постсоветского мира // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 12 (91). — С. 392–394; *Терновая Л. А., Фонарев М. А.* Евразийская идея в сравнении с идеей Европы: основания и возможности воплощения // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 11 (66). — С. 171–174.

² *Ачкасова В. А., Кострицкая Т. Б.* «Русский мир» и проблемы реализации проекта Евразийского союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2014. — № 15. — С. 117–123; *Новиков О. Н.* Евразийский союз — прошлое или будущее русского мира // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 5 (60). — С. 38–42.

³ *Подберезкина О. А.* Евразийская интеграция как новый этап развития российской государственности // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — № 4. — С. 75–84.

⁴ *Байльдинов Е. Т.* СССР: Союз суверенных социальных республик. Концепция интеграции постсоветских государств // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 7. — С. 31–41.

⁵ *Минасян С.* «Финляндизация» постсоветского пространства // Россия в глобальной политике. — 2014. — № 2. — С. 109–116.

⁶ *Винокуров Е. Ю.* Прагматическое евразийство // Евразийская экономическая интеграция. — 2013. — № 4 (21). — С. 7–20.

исследованиях понятием «евроскептицизм» появление в научной литературе, посвященной постсоветской и евразийской интеграции, понятия «евразоскептицизм»¹. Наконец, можно выделить исследования, посвященные терминологическим аспектам евразийской интеграции и понятию «евразийский» в целом².

Во-вторых, существует большое количество исследований, которые рассматривают постсоветскую и евразийскую интеграцию (прежде всего — ее практическую модель, институты, отдельные направления, правовое поле, политические аспекты) в контексте мирового опыта интеграционных процессов и теорий, а также глобальной политической и экономической модернизации³. Некоторые работы

¹ *Винокуров Е. Ю.* Евразоскептицизм // Россия в глобальной политике. — 2014. — № 1. — С. 78–87.

² *Косов Ю. В., Васильева Н. А.* Терминологические аспекты исследования неоевразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2014. — № 16. — С. 102–109; *Ланко Д. А.* Геополитика Евразии в представлении политических элит // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2012. — № 11. — С. 130–137; *Ларюэль М.* Евразия, евразийство, Евразийский союз: терминологические пробелы и совпадения. — *Понарс Евразия.* — Policy Memo. — № 366. — Июль 2015.

³ *Азанов Б. К.* Договор о Евразийском экономическом союзе: комплексный правовой анализ (раздел 1: общие положения; раздел 2: основные принципы, цели, компетенции и право союза) // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 8 (75). — С. 39–48; *Его же.* Договор о Евразийском экономическом союзе: комплексный правовой анализ (раздел 3: Органы союза; раздел 4: Бюджет союза; часть вторая: Таможенный союз; раздел 6: Функционирование таможенного союза) // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 9 (76). — С. 16–27; *Его же.* Договор о Евразийском экономическом союзе: комплексный правовой анализ: заключительная часть // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 10 (77). — С. 11–24; *Аксенчук М. А.* Формы и тенденции развития интеграции в Евразии // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 9 (88). — С. 13–17; *Акулов Д. М.* Евразийская экономическая интеграция в рамках СНГ (международно-правовые аспекты) // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 5 (48). — С. 11–13; *Алмакаева А. М., Долманова А. О.* Доверие международным организациям как показатель интеграционных настроений // Евразийская экономическая интеграция. — 2015. — № 2 (27). — С. 5–20; *Бекяшев К. А.* ЕАЭС: Международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение? // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 11 (78). — С. 14–16; *Его же.* Правовой статус Евразийского экономического сообщества // Евразийский юридический

журнал. — 2012. — № 11 (54). — С. 28–34; *Буторина О.* Особенности евразийской модели экономической интеграции // Аналитическая записка Института Европы РАН. — 2015. — № 17; *Буторина О. В., Захаров А. В.* О научной основе Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция. — 2015. — № 2 (27). — С. 52–68; *Василевич Г. А., Василевич С. Г.* О непосредственном действии актов Евразийской экономической комиссии // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 10 (77). — С. 34–36; *Васильева Н. А., Лагутина М. А.* К вопросу о формировании Евразийского союза: теоретический аспект // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2011. — № 10. — С. 166–172; *Их же.* Формирование Евразийского союза в контексте глобальной регионализации // Евразийская экономическая интеграция. — 2012. — № 3 (16). — С. 19–29; *Винокуров Е., Либман А.* Две евразийские интеграции // Вопросы экономики. — 2013. — № 2. — С. 47–72; *Винокуров Е. Ю.* Опыт региональных интеграционных объединений: уроки для ЕАЭС // Евразийская экономическая интеграция. — 2015. — № 2 (27). — С. 94–97; *Зуев В. Н.* Методология классификации и оценки форм региональной интеграции // Евразийская экономическая интеграция. — 2014. — № 3 (24). — С. 25–43; *Иноземцев В. Л.* Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве // Полис. — 2014. — № 6. — С. 71–82; *Каширкина А. А., Морозов А. Н.* Международно-правовая модель Евразийского экономического союза: потенциал взаимодействия и риски // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 6 (85). — С. 25–29; *Кнобель А. Ю., Баева М. А.* Мировой опыт торгово-экономического сотрудничества крупных интеграционных объединений и территориально удаленных экономик // Евразийская экономическая интеграция. — 2013. — № 2 (19). — С. 7–20; *Кондратов Д. И.* Проблемы создания валютной зоны в Евразийском экономическом союзе // Евразийская экономическая интеграция. — 2015. — № 3 (28). — С. 49–64; *Либман А. М.* Устойчивый размер региональных интеграционных проектов и постсоветское пространство // Евразийская экономическая интеграция. — 2008. — № 1. — С. 10–26; *Либман А. М., Хейфец Б. А.* Модели экономической интеграции. Интеграция и дезинтеграция // Евразийская экономическая интеграция. — 2011. — № 2 (11). — С. 4–18; *Малько А. В., Елистратова В. В.* Об использовании правового опыта межгосударственной интеграции при создании Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 32 (69). — С. 40–44; *Мамедов А. А.* Евразийское экономическое сообщество и международно-правовые регулятивы // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 4 (71). — С. 14–16; *Мишальченко Ю. В.* Евразийское экономическое сообщество: современное состояние и перспективы развития // Евразийский юридический журнал. — 2009. — № 7 (14). — С. 19–27; *Мулюкова В. А.* Евразийский экономический союз как международная региональная организация // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12. — С. 21–25; *Томашевский К. Л.* Принцип свободы движения рабочей силы в правовых источниках Европейского союза, Совета Европы, Содружества независимых государств и Евразийском

анализируют экономические и институциональные результаты евразийской интеграции за последнее время и сопоставляют их с аналогичными результатами интеграционных процессов, развивающихся в других частях мира¹. Помимо этого существуют исследования, посвященные сравнительному анализу институциональных структур, отдельных институтов, политик и правовых пространств постсоветской/евразийской интеграции и европейской интеграции. Ставят исследователи и вопрос о применении и пределах применимости институтов и моделей европейской интеграции для интеграции евразийской². Некоторые работы анализируют возможности развития от-

экономическом сообществе // *Евразийский юридический журнал*. — 2009. — № 8 (15). — С. 18–22.

¹ *Балтер Е. Б., Бессонова Е. В.* Динамика региональной интеграции на постсоветском пространстве // *Евразийская экономическая интеграция*. — 2014. — № 3 (24). — С. 44–55; *Винокуров Е.* Тренды региональной интеграции на постсоветском пространстве: результаты качественного анализа / *Е. Винокуров, А. Либман* // *Вопросы экономики*. — 2010. — № 7. — С. 94–107; *Винокуров Е. Ю.* Система индикаторов евразийской интеграции // *Евразийская экономическая интеграция*. — 2009. — № 4 (5). — С. 38–57; *Винокуров Е. Ю., Цукарев Т. В.* Экономика ЕАЭС: повестка дня // *Евразийская экономическая интеграция*. — 2015. — № 4 (29). — С. 7–21; *Де Ломберде Ф.* Мониторинг индикаторов евразийской интеграции: предварительный анализ // *Евразийская экономическая интеграция*. — 2009. — № 3 (4) — С. 52–59; *Ратушняк Е. С.* Предварительная оценка функционирования таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (2010–2011) // *Вестник МГИМО-Университета*. — 2013. № 1. — С. 131–134.

² *Глазьев С.* Такие разные интеграции // *Россия в глобальной политике*. — 2013. — № 6. — С. 38–48; *Кавешников Н. Ю.* Развитие институциональной структуры Евразийского экономического сообщества // *Евразийская экономическая интеграция*. — 2011. — № 2 (11). — С. 19–35; *Кондратьева Н. Б.* Таможенный союз ЕврАзЭС движется по стопам ЕС // *Актуальные проблемы Европы*. — 2011. — № 2. — С. 164–187; *Левшин В. В.* Анализ европейского опыта интеграции и выработка предложений для Евразийского союза // *Евразийский юридический журнал*. — 2014. — № 6 (73). — С. 54–56; *Мишалыченко Ю. В., Ткаченко С. Л.* Евразийский экономический союз: перспективы построения экономического и валютного союза (на примере Европейского союза) // *Евразийский юридический журнал*. — 2012. — № 3 (46). — С. 10–12; *Романова Т. А.* Три урока европейской интеграции // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. — 2013. — № 13. — С. 248–256; *Стрежнева М. В.* ЕС и СНГ: сравнительный анализ институтов. — М.: Издание МОНФ, 1999; *Тарасов В. И.* Сравнительная динамика эволюции институциональных структур региональных интеграционных формирований

ношений между институтами постсоветского сотрудничества и ЕС, а также политику Европейского союза в отношении институтов и процессов евразийской интеграции¹. Наконец, нельзя не отметить, что большинство работ, посвященных процессам евразийской интеграции, которые были опубликованы на Западе, рассматривают эти процессы прежде всего в контексте интересов и внешней политики России².

Упомянутые в обзоре работы не исчерпывают исследовательскую повестку по тематике евразийской интеграции и использованию ею опыта европейской интеграции, но дают представление об основных направлениях и характере российских исследований в этой области.

СНГ и ЕС // Евразийская экономическая интеграция. — 2010. — № 4 (9). — С. 27–37; *Трещенков Е. Ю.* Европейская и евразийская модели интеграции: пределы соизмеримости // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2014. — № 5. — С. 31–40.

¹ Тупик борьбы интеграций в Европе (аналитический доклад) / Е. Ю. Винокуров [и др.] // *Вопросы экономики.* — 2014. — № 8. — С. 4–25; *Изотов А. В., Мишальченко Ю. В.* Влияние политических, правовых и экономических процессов на евразийском пространстве на отношения между Россией и Европейским союзом // *Евразийский юридический журнал.* — 2014. — № 9 (76). — С. 28–35; *Их же.* Основные факторы формирования отношения Европейского союза к процессам евразийской интеграции // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* — 2014. — № 2 (16). — С. 26–32; *Лагутина М. Л.* ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях // *Управленческое консультирование.* — 2015. — № 11 (83). — С. 124–136; *Широв А. А., Янковский А. А.* Оценка возможных сроков создания ЗСТ между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом // *Евразийская экономическая интеграция.* — 2014. — № 2. — С. 6–19.

² Dragneva R., Wolczuk K. Russia, The Eurasian Customs Union and the EU; Cooperation, Stagnation, Rivalry? Chatham House Briefing Paper, August, 2012; Dragneva-Lewers R., Wolczuk K. Trade and Geopolitics: Should the EU engage with the Eurasian Economic Union? EPC Policy Briefs, 2 of April, 2015; Moshes A. The dialogue between the EU and the Eurasian Economic Union: Brussels is desperately looking for “good news” in its relations with Russia. FIIA Comment, December, 2014; Shendrikova D. Going regional the Russian way: The Eurasian economic Union between instrumentalism and global social appropriateness. ISPI Working Papers. 3 July, 2015; Sinikukka S. Putin’s Eurasian Union initiative: Are the premises of Russia’s post-Soviet policy changing? UI Brief, 2011, No 9; Starr S. F.; Cornell S. Putin’s Grand Strategy: The Eurasian Union and its Discontents, 2014.

II. ТЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕС ЗА РУБЕЖОМ

1. Общий обзор¹

С тематической точки зрения в зарубежных исследованиях можно выделить два отправных пункта изучения отношений Москвы и Брюсселя. Первый — внутренняя эволюция Союза; для ученых этой группы диалог с Россией лишь контекст для тестирования новых инструментов ЕС и его внешнеполитических инициатив, для оформления его акторности и углубления интеграции. В этом контексте закономерными были предложения применять к России инструменты, аналогичные тем, что использовались для стран-кандидатов, идеи о распространении на Россию норм и правил ЕС (т. н. *acquis communautaire*). Вторая группа исследователей отношений России и Евросоюза состоит из специалистов по России, для которых отношения с ЕС лишь частный случай внешней политики России.

Постепенно эти две школы исследователей сближались. Возросло количество исследований, акцентирующих различия между современной Россией и постсовременным ЕС, где для первой характерно стремление к многополярности, контролю территорий, а для второго — трансформация пространства вокруг. Широко (и не всегда плодотворно) стал тиражироваться тезис о нормативной силе ЕС, а также о противоречиях между нормами/ценностями и интересами. На этом фоне группа специалистов все чаще призывала к прагматическому, деидеологизированному сотрудничеству России и ЕС.

В то же время тезис о неинтегрируемости России в интеллектуальное и политико-правовое пространство с центром в ЕС привел к секьюритизации исследований отношений России и ЕС. Это про-

¹ Глава написана на основе статьи Романова Т. А. Исследования отношений России и Евросоюза в нашей стране и за рубежом (1992–2015 гг.) // Современная Европа. 2015. №5. С. 100–114.

явилось как минимум в трех темах исследований. Первая — безопасность. В зависимости от позиции автора, Россия рассматривалась либо как угроза безопасности ЕС, стабильности его институтов и норм, либо как актер, с которым можно выстроить стабильные партнерские отношения, но отнюдь не исключительно на условиях Евросоюза. Вопросы мягкой безопасности исследовались меньше. А вот границы находились на повестке дня зарубежных исследователей отношений России и Евросоюза практически все время. При этом изначально границы воспринимались и как точки присоединения к европейскому пространству, и как линии, которыми ЕС отгораживается от неблагоприятного соседа и связанных с ним рисков. В зарубежной литературе уделялось внимание и вопросам трансграничного сотрудничества, «Северному измерению», Калининграду. Доминировали здесь закономерно ученые северных стран.

Значительно большее внимание уделялось сотрудничеству России и ЕС в энергетике. Это вторая тема, где конфронтационная повестка нарастала. Внимание было сфокусировано прежде всего на природном газе как сфере долгосрочной взаимозависимости России и ЕС. А изучение всегда балансировало между экономическим (рыночным) подходом и геополитическим столкновением. Другим вопросам (взаимодействию в области электроэнергетики, возобновляемой энергии, снижению парниковых газов) внимание уделялось по остаточному принципу.

Наконец, нарастали и исследования конкуренции в регионе т. н. общего соседства, т. е. на территории Украины, Беларуси, Молдовы, а также в странах Закавказья. Изучалось соревнование разных схем регионализма и интеграции, проводимых Россией и ЕС. Конфронтация постепенно переходила из мягкой в жесткую. Россия все чаще представляла как партнер, который не только сам не сотрудничает с ЕС, но и другим в этом препятствует.

Таким образом, в вопросах безопасности, энергетики и общего соседства постепенно упрочился взгляд на то, что Россия — проблема для ЕС. Решения же становились все менее кооперативными.

Наконец, отметим еще пять тем, которые были выражены в исследованиях отношений России и ЕС за рубежом, но внимание к которым отличалось по сравнению с аналогичным в отечественных исследованиях или в исследовании аналогичных сфер с другими партнерами. Первая — изучение совместных инициатив, институтов

в широком понимании этого термина. Изучалось Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, дело Симутенкова, стратегии России и ЕС в отношении друг друга, совместные пространства и дорожные карты к ним, энергетический диалог и партнерство ради модернизации. При этом мало внимания было посвящено политическим сетям, трансправительственному и транснациональному диалогу, особенно по сравнению с аналогичными темами в исследовании отношений со странами-кандидатами, с США и даже Китаем.

Вторая тема, заслуживающая упоминания, — экономическое сотрудничество. Изучались статистические данные и их значение, торгово-экономические конфликты и техническая помощь ЕС России, потенциальное влияние либерализации торговли, вступление России в ВТО и его последствия. Исследования носили более узкий по тематике характер, нежели аналоги в отечественной науке, но с большим фокусом на теории. В последний год (как и в России) популярной стала тема санкций и их последствий для связей России и ЕС.

Третья тема, внимания к которой было мало по сравнению с отечественными исследованиями, — расширение; небольшой всплеск статей наблюдался накануне масштабного расширения Евросоюза 2004 года.

Четвертая интересная тема — роль стран — членов ЕС в выстраивании общей стратегии по отношению к Москве, способность последней эксплуатировать различия в отношении государств ЕС. Здесь (по сравнению с отечественными исследованиями) фокус был более прикладной, искались варианты нивелирования этого потенциального рычага влияния Москвы.

Наконец, скромно (особенно в сравнении с отечественными исследованиями) представлена в иностранных исследованиях тема будущего соглашения России и ЕС.

2.

Экономическое сотрудничество

Тема экономических отношений России и Евросоюза присутствовала и в зарубежной литературе. Это было логичным, поскольку основа мощи Евросоюза в мире — его торговые, инвестиционные связи, а также программы технической помощи. Кроме того, Россия — важный для ЕС партнер, хотя лидирующие позиции занимают США, Китай и Швейцария, поэтому первые два партнера вызывают больший интерес зарубежных исследователей (Швейцария в основном следует в фарватере европейского регулирования). Россия значима для Евросоюза как поставщик энергоносителей. Брюссель традиционно чувствует свою уязвимость здесь, поэтому исследования взаимодействия в области нефти и природного газа, особенно геополитического толка, были особенно многочисленны и разнообразны¹. Однако исследовались и неэнергетические экономические связи.

Прежде всего выделяются работы, посвященные традиционному для экономистов анализу эмпирического материала (товарообороту, движению капиталов, их динамике, направленности, источнику происхождения в ЕС (в т. ч. разбивке по странам), а также качеству)². При этом особое внимание уделялось инвестиционным процессам (особенно заметны финские специалисты)³.

Исследовались возможности углубления экономического взаимоотношения России и ЕС, интеграционного взаимодействия Москвы и Брюсселя, в т. ч. в связи с запуском Общего экономического

¹ См. главу «Энергетическое сотрудничество» в разделе «Тематика исследования отношений России и ЕС в России».

² См., например, *Сутела П.* Россия и Европа: некоторые аспекты экономических взаимоотношений. — М.: Карнеги, Гендальф, 2003.

³ *Ledyeva S., Karhunen P., Kosonen R.* The Global Economic Crisis and Foreign Investment in Russia from the EU: Empirical Evidence from Firm-Level Data // *Eurasian Geography and Economics*. 2013. Vol. 54. No 3. P. 322–341; *Kilvits K., Purju A., Pädam S.* Russia's Foreign Direct Investments in New EU Member States The Case of the Baltic States // *Journal of East-West Business*. 2006. Vol. 11. No 3–4. P. 109–128.

пространства¹, возможностью построения зоны свободной торговли² и началом партнерства ради модернизации³. Однако возможности интеграционного взаимодействия нередко оценивались скептически⁴. Особо отмечался негативный эффект коррупции и неререформированности российской экономики, отсутствия необходимых институтов в ней⁵. Исследователи также следили за изменениями, которые принесет расширение Евросоюза⁶, изменениями в его внутреннем функционировании (например, в области иностранных инвестиций и их защиты после Лиссабонского договора)⁷. Однако трансформации в ЕС как факторы экономических отношений России и ЕС привлекали внимание в западных исследованиях меньше, нежели проблемы российской экономики и ее правового регулирования.

Западные исследования значительно большее внимание (по сравнению с отечественными работами) уделяли таким аспектам, как торговые конфликты (например, нетарифные барьеры, фитосанитарные

¹ *Vinhas De Souza L.* A Wider Europe: Trade Relations Between an Enlarged EU and the Russian Federation // *Problems of Economic Transition*. 2006. June. Vol. 49. No 2. P. 6–33.

² *Jarocinska E., Maliszewska M., Scasny M.* Modeling Economic, Social and Environmental Implications of a Free Trade Agreement between the European union and the Russian Federation. CASE — Center for Social and Economic Research, Warsaw, 2010; *Sulamaa P., Widgren M.* Economic Effects of Free Trade Between the EU and Russia. European Network of Economic Policy Research Institutes. Working Paper. 2005. No 36.

³ *Larionova M.* Can the Partnership for Modernisation Help Promote the EU–Russia Strategic Partnership? // *European Politics and Society*. 2015. Vol. 16. No 1. April. P. 62–79; *Romanova T.* The Partnership for Modernisation Through the Three Level-of-Analysis Perspectives // *European Politics and Society*. 2015. Vol. 16. No 1. April. P. 45–61; *Romanova, T. Pavlova E.* What Modernisation? The Case of Russian Partnerships for Modernisation with the European Union and its Member States // *Journal of Contemporary European Studies*. 2014. P. 499–517.

⁴ *Hamilton C.* Russia's European economic integration: Escapism and realities // *Economic Systems Volume*. 2005. Vol. 29. No 3. P. 294–306.

⁵ *Van der Marel E., Dreyer I.* Beyond Dutch disease When deteriorating rule of law affects Russian trade with and investment from advanced economies // *Economics of Transition*. 2014. Vol. 22. No 2. P. 341–364.

⁶ См. главу «Влияние расширения Европейского союза на Восток на отношения между Россией и ЕС» в разделе «Тематика исследования отношений России и ЕС за рубежом».

⁷ *Erixon F., Dreyer I.* Vested and Invested Interests: The Role of Investment Protection in EU-Russia Relations. Geneva: ECIPE, 2010. ECIPE Policy Brief. No 02.

меры, заградительные меры в авиации), потенциальное влияние либерализации торговли (в т. ч. в связи со вступлением России в ВТО)¹. Эти темы привлекали и внимание политологов, специалистов по международным отношениям, а не только экономистов². Любопытны были также работы, анализирующие успехи инновационного сотрудничества и возможности мультипликации этого положительного опыта³, а также исследования сотрудничества в области транспорта (вопросы общего регулирования здесь, создания единых сетей, т. е. формирования единого инфраструктурного каркаса для экономических отношений)⁴.

Внимание зарубежных исследователей фокусировалось также на технической помощи Евросоюза России и том, как это определяло

¹ *Baur J.* EU-Russian Aviation Relations and the Issue of Siberian Overflights // *Air and Space Law*. 2010. Vol. 35. No 3. P. 225–247; *Camacho J. A., Melikhova Y., Rodriguez M.* Russia's WTO accession and trade in services: an examination into Russia–EU relationships // *Eurasian Geography and Economics*. 2013. Vol. 54. No 3. P. 322–341; *Connolly R.* Economic Modernisation in Russia: The Role of the World Trade Organization // *European Politics and Society*. 2015. Vol. 16. No 1. April. P. 27–44; *Idem.* Russia, the Eurasian Customs Union and the World Trade Organisation // *K. Wolczuk and R. Dragneva (eds.), Eurasian Economic Integration: Law, Policy, and Politics*, Northampton: Edward Elgar Press, 2013. P. 61–80; *Connolly R. and Hanson P.* Russia's Accession to the World Trade Organization: Commitments, Processes, and Prospects // *Eurasian Geography and Economics*. 2012. Vol. 53. No 4. P. 479–501; *Pokrivcak J., van Berkum S., Drgova L., Mraza M. & Ciaian P.* The role of non-tariff measures in EU dairy trade with Russia // *Post-Communist Economies*. 2013. Vol. 25. No 2. P. 175–189.

² *Forsberg T., Seppo A.* Power without Influence? The EU and Trade Disputes with Russia // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. No 10. P. 1805–1823; *Leal-Arcas R.* EU Relations with China and Russia: How to Approach New Superpowers in Trade Matters // *Journal of International Commercial Law & Technology*. 2009. Vol. 4. No 1. P. 22–41; *Zimmermann H.* Realist Power Europe? The EU in the Negotiations about China's and Russia's WTO Accession // *Journal of Common Market Studies*. 2007. Vol. 45. No 4. P. 813–832.

³ *Liuhto K.* The EU-Russia Innovation Cooperation: Some Experiences Emerging from Finnish-Russian Innovation Collaboration // *Journal of East-West Business*. 2011. Vol. 17. No 2–3. P. 156–169.

⁴ *Laurila J.* Transit Transport Between the European Union and Russia in Light of Russian Geopolitics and Economics // *Emerging Markets Finance and Trade*. 2003. Vol. 39. No 5. September–October 2003. P. 27–57; *Pynnöniemi K.* Much Ado About Nothing. The EU's Transport Dialogue with Russia. Helsinki: FIIA, May 2011. FIIA Briefing Paper 81.

реформы в России, а также заставляло эволюционировать торгово-экономические связи Москвы и Брюсселя¹. Иными словами, в отличие от отечественных исследований, подход к технической помощи ЕС был менее формальным. Кроме того, значительное место было отведено тому, как торгово-экономические отношения России и ЕС могут повлиять на политические преобразования в России, как может проявиться т. н. гражданская сила ЕС в диалоге с Москвой². Это также основано на традициях изучения ЕС и его экономических связей за рубежом.

С 2014 г. исследователи в зарубежных изданиях сфокусировались на теме санкций, в т. ч. на их влиянии на российскую экономику, политику и внешние действия, а также на том, как изменятся в результате отношения России и ЕС³. При этом были характерны две крайности. Либо исследователи ссылались на опыт Южной Африки и Ирана,

¹ *Davis P., Dombrowski P.* International Assistance to the Former Soviet Union: Conditions and Transitions // *Policy Studies Journal*. 2000. Vol. 28. No 1. P. 68–95; *Delcour L.* L'impact du programme TACIS dans les années 1990: une tentative d'appréciation // *Strates revues, Matériaux pour la recherches en Science Sociales*. 2006. No 12; *Lainela S., Sutela P.* European Union, Russia, and TACIS. Helsinki: BOFIT, 2004. BOFIT Online. No 2.

² *Стюарт С.* Россия и ЕС: экономика как катализатор политики // *Россия в глобальной политике*. — 2008. — № 2. — С. 204–208; *Splidsboel-Hansen F.* Trade and Peace: A Classic Retold in Russia // *European Foreign Affairs Review*. 2004. Vol. 9. P. 303–322.

³ *Bond I., Odendahl C., Rankin J.* Frozen: The politics and economics of sanctions against Russia. London: CER, March 2015; *Connolly R.* The Empire Strikes Back: Economic Statecraft and the Securitisation of Political Economy in Russia // *Europe-Asia Studies*. 2016. No 4. P. 750–773; *Idem.* Troubled Times Stagnation, Sanctions and the Prospects for Economic Reform in Russia. London: Chatham House, February 2015; *Dolidze T.* EU Sanctions Policy towards Russia: The Sanctioner-Sanctionee's Game of Thrones. Brussels: CEPS, January 2015. CEPS Working Document. No 402; *Havlik P.* Economic Consequences of the Ukraine Conflict. Vienna: WIIW, 2014, Policy Notes and Reports No 14; *Raik K., Helwig N., Jukela J.* EU Sanctions Against Russia Europe Brings a Hard Edge to its Economic Power. Helsinki: FIIA, October 2014. FIIA Briefing Paper 162; *Romanova T.* Sanctions and the Future of EU-Russian economic relations // *Europe-Asia Studies*. 2016. № 4. P. 774–796; *Fischer S.* European Union Sanctions Against Russia: Objectives, Impacts and Next Steps. Berlin: SWP, 17 March 2015. SWP Comments; *Vercueil J.* The impact of sanctions on the Russian economy. Assessing the consequences of the Ukrainian conflict. Moscow: Observatoire franco-russe, November 2014. Note no 9.

подчеркивая эффективность санкций (ослабление российской экономики давало основу для этого), либо подчеркивали (в русле критических исследований) малоэффективность ограничительных мер — то, что они провоцируют только усиление поддержки правящего режима, импортозамещение, ослабление экономической взаимозависимости, пагубное в долгосрочной перспективе. В любом случае, в отличие от отечественных исследований, работы по санкциям вне России делали попытку осмыслить ограничительные меры концептуально и теоретически, а не только систематизировать эмпирическую информацию.

Наконец, хрестоматийными стали и различные классификации стран — членов ЕС по степени их дружелюбности и расположенности к России, что пропорционально не только их историческому опыту взаимодействия с Москвой, но также и тесноте экономических и особенно энергетических связей¹.

3.

Энергетическое сотрудничество

Отношения России и Евросоюза в энергетике привлекали рекордное количество исследователей за рубежом в сравнении с изучением других сфер сотрудничества России и ЕС. Это обусловлено главным образом тем, что в данной сфере Евросоюз особенно чувствует свою уязвимость в диалоге с Россией. Если в вопросах экономического сотрудничества и визовой политики мяч, скорее, на стороне Брюсселя, который использует свои конкурентные преимущества для давления на Россию, то в энергетике все воспринимается наоборот. В этой связи закономерным стал фокус на природном газе как основном болевом аспекте, поскольку в данной сфере Россия и ЕС инфраструктурно

¹ *Braghiroli S. and Carta C.* An Index of Friendliness toward Russia: An Analysis of the Member States and Member of the European Parliament's Positions. Turku, Pan-European Institute, 2009. Electronic Publications No 15; *Leonard M., Popescu N.* A Power Audit of EU-Russian Relations. London: ECFR, 2007; *Romanova T., Pavlova E.* What Modernisation?..

связаны здесь, а диверсификация поставок осложнена. В то же время крупные объемы поставок нефти, нефтепродуктов и ядерных материалов из России в ЕС вопросов не вызывали до 2014 г., поскольку переключение на альтернативных поставщиков здесь менее проблематично, а соответствующие рынки глобальны.

Если в российских исследованиях энергетических связей доминировала эмпирика, то в Евросоюзе ее доля была значительно ниже, а энергетические отношения с Россией использовались для построения или тестирования различных теорий. Прежде всего использовались концепции зависимости, взаимной зависимости, международного общества и комплексов безопасности¹. Кроме того, в исследованиях энергетических связей России и Евросоюза прочно обосновался термин «геополитика»².

¹ *Casier T.* Russia's Energy Leverage over the EU: Myth or Reality? // *Perspectives on European Politics and Society*. 2011. Vol. 12. No 4. P. 493–508; *Idem.* The Rise of Energy to the Top of the EU-Russia Agenda: From Interdependence to Dependence? // *Geopolitics*. 2011. Vol. 16. No 3. P. 536–552; *Esakova N.* European energy security: analysing the EU-Russia energy security regime in terms of interdependence theory. Wiesbaden: Springer, 2012; *Gromadzki G.* Between Need and Dependency. Russian Gas in the Energy Balance of the Enlarged EU. Warsaw, December 2002. On the Future of Europe. Policy Paper. No 8; *Harsem Ø., Claes D. H.* The interdependence of European–Russian energy relations // *Energy Policy*. 2013. Vol. 59. P. 784–791. August; *Kirchner E., Berk C.* European Energy Security Co-operation: Between Amity and Enmity // *Journal of Common Market Studies*. 2010. Vol. 48. No 4. P. 859–880; *Khrushcheva O.* The Creation of an Energy Security Society as a Way to Decrease Securitization Levels between the European Union and Russia in Energy Trade // *Journal of Contemporary European Research*. 2011. Vol. 7. No 2. P. 216–230; *Moraski B., Giurcanu M.* European Reactions to the 2008 Georgian–Russian War: Assessing the Impact of Gas Dependence // *Studies in Comparative International Development*. 2013. Vol. 48. No 4. P. 432–456; *Morgado Dos Santos A. M.* How to Rebalance the EU-Russia Relationship: Potential and Limits // *European Foreign Affairs Review*. 2010. Vol. 15. No 3. P. 307–324; *Padgett S.* Energy Co-operation in the Wider Europe: Institutionalizing Interdependence // *Journal of Common Market Studies*. 2011. Vol. 49. No 5. P. 1065–1087; *Paillard C.-A.* Russia And Europe's Mutual Energy Dependence // *Journal of International Affairs*. 2010. Spring/Summer. Vol. 63. No 2. P. 65–84; *Proedrou F.* The EU–Russia Energy Approach under the Prism of Interdependence // *European Security*. 2007. Vol. 16. No 3–4. P. 329–355; *Sánchez Andrés A.* Russia and Europe: Mutual Dependence in the Energy Sector. Madrid: Real Instituto Elcano, 2007. Working Paper. No 25.

² *Bosse G., Schmidt-Felzmann A.* The Geopolitics of Energy Supply in the 'Wider Europe' // *Geopolitics*. 2011. Vol. 16. No 3. P. 479–485; *Butler E.* The Geopolitics

Постепенно выкристаллизировались две традиции, два контрастирующих подхода к отношениям России и Евросоюза в энергетике. Первый, основанный на рыночной экономике и институтах, отталкивался от либеральной традиции международных отношений, призывал к выстраиванию между Россией и Евросоюзом отношений, основанных на рынке и праве¹. В связи с этим исследователи проявляли интерес к роли договора к Энергетической хартии, а также к действиям Евросоюза по экстернализации своего законодательства². К этой

of Merger and Acquisition in the Central European Energy Market // *Geopolitics*. 2011. Vol. 16. No 3. P. 626–654; *Dickel R., Hassanzadeh E., Henderson J. et al.* Reducing European Dependence on Russian Gas: distinguishing natural gas security from geopolitics. Oxford: OIES, October 2014. OIES Paper. No NG 92; *Johnson C., Derrick M.* A Splintered Heartland: Russia, Europe, and the Geopolitics of Networked Energy Infrastructure // *Geopolitics*. 2012. Vol. 17. No 3. P. 482–501; *Kropatcheva E.* Playing Both Ends Against the Middle: Russia's Geopolitical Energy Games with the EU and Ukraine // *Geopolitics*. 2011. Vol. 16. No 3. P. 553–573; *Tarasov A.* The making of empires: Russia's gas-exporting pipelines v Nabucco // *Journal of World Energy Law and Business*. 2011. Vol. 4. No 1. P. 77–87.

¹ *Belyi A.* Transnational Gas Markets and the EU-Russia Energy Relations. London: Palgrave Macmillan, 2015; *Boussena S., Locatelli C.* Gas market developments and their effect on relations between Russia and the EU // *OPEC Energy Review*. 2011. Vol. 35. No 1. P. 27–46; *Cohen M. D.* Russia and the European Union: An Outlook for Collaboration and Competition in European Natural Gas Markets // *Demokratizatsiya*. 2007. Vol. 15. Issue. 4. P. 379–390. Fall; *Correljé A., van der Linde C.* Energy supply security and geopolitics: A European perspective // *Energy Policy*. 2006. Vol. 34. No 5. P. 532–543; *Finon D., Locatelli C.* Russian and European gas interdependence: Could contractual trade channel geopolitics? // *Energy Policy*. 2008. Vol. 36. No 1. P. 423–442; *Goldthau A.* Rhetoric versus reality: Russian threats to European energy supply // *Energy Policy*. 2008. Vol. 36. No 2. P. 686–692; *Konoplyanik A. A.* Russian gas at European energy market: Why adaptation is inevitable // *Energy Strategy Reviews*. 2012. No 1. P. 42–56; *Leal-Arcas R.* The EU and Russia as Energy Trading Partners: Friends or Foes? // *European Foreign Affairs Review*. 2009. Vol. 14. No 3. P. 337–366; *Liuhito K.* The Russian oil exports via the Baltic sea do oil shipments through the EU's inner sea bring Russia closer to the EU or bring them apart? // *Journal of Business Economics and Management*. 2003. Vol. 4. No 2. P. 86–96.

² *Belyi A.* The EU's Missed Role in International Transit Governance // *Journal of European Integration*. 2012. Vol. 34. No 3. P. 261–276; *Idem.* New regime for energy investment reciprocity // *Journal for World Energy Law and Business*. 2009. Vol. 2. No 2. P. 117–128; *Belyi A., Nappert S., Pogoretsky V.* Modernizing the Energy Charter? Road map and Russian Draft Convention on energy security // *Journal of Energy and Natural Resource Law*. 2011. Vol. 29. No 3. P. 383–399; *Belyi A.,*

же традиции надо отнести исследования сближения законодательства России и Евросоюза в области энергетики, модальностей этого процесса и его последствия¹.

Второй, геополитический, исходил из реализма, утверждал, что в силу специфики России или международных отношений в целом выстраивание отношений только на рыночных основах невозможно². С общей секьюритизацией исследовательской повестки отношений России и Евросоюза, а также в связи с растущими опасениями в отношении действий Москвы сдвиг закономерно произошел в сторону геополитики. Особую озабоченность вызывали страны т. н. общего соседства, а также связанные с ними транзитные риски³. Вни-

Klaus U. Dispute Resolution Mechanisms in Energy Transit — Missed opportunities for Gazprom or false hopes in Europe? // Journal of Energy and Natural Resources Law. 2007. Vol. 25. No 3. P. 205–224; Konoplyanik A. A. A Common Russia-EU Energy Space: The New EU-Russia Partnership Agreement, Acquis Communautaire and the Energy Charter // Journal of Energy and Natural Resources Law. 2009. Vol. 27. № 2. P. 258–291; Idem. Gas Transit in Eurasia: Transit Issues between Russia and the European Union and the Role of the Energy Charter // Journal of Energy & Natural Resources Law. 2009. Vol. 27. No 3. P. 445–486; Rocco A. The Energy Charter Treaty's Failure? The Different Perceptions of Energy Security: within the European Union and beyond its Borders // EuroTimes. 2013. Vol. 15. P. 101–116. Spring.

¹ *Romanova T. Legal Approximation in Energy: A New Approach for the European Union and Russia // C. Kuzemko, M. Keating, A. Goldthau, A. Belyi (eds.) Political Economy in Energy, Palgrave, 2012; Idem. The Political Economy of EU-Russian Energy Relations // G. Fermann (ed.) Political Economy of Energy in Europe: Forces of Fragmentation and Integration. Berliner Wissenschafts-Verlag, 2009.*

² *Belyi A. Transnational Gas Markets...; Correljé A., van der Linde C. Energy supply security and geopolitics...; Finon D., Locatelli C. Russian and European gas interdependence...; Kropatcheva E. He who has the pipeline calls the tune? Russia's energy power against the background of the shale "revolutions" // Energy Policy. 2014. Vol. 66. P. 1–10. March; Le Coq C., Paltsev A. E. Assessing gas transit risks: Russia vs. the EU // Energy Policy. 2012. Vol. 42. P. 642–650. March; Nowak Z., Ćwiek-Karpowicz J., Godzimirski J. The Power to Influence Europe? Russia's Grand Gas Strategy // The Polish Institute of International Affairs. Strategic Files. 2015. March. No 6 (69); Smith Stegen K. Deconstructing the "energy weapon": Russia's threat to Europe as case study // Energy Policy. 2011. Vol. 39. No 10. P. 6505–6513.*

³ *Chernavsky S., Eismont O. How to sell Russian gas to Europe via Ukraine? // OPEC Energy Review. 2012. Vol. 36. No 1. P. 87–103; De Jong S., Wouters J., Sterckx S. The 2009 Russian-Ukrainian Gas Dispute: Lessons for European Energy*

мание зарубежных ученых также было сфокусировано на различиях в интересах стран-членов, способности России манипулировать этими различиями, а также на вариантах решения данной проблемы¹.

Исследовались также предпосылки различий во взглядах России и Евросоюза на энергетическое сотрудничество. Причем в данном

Crisis Management after Lisbon // *European Foreign Affairs Review*. 2010. Vol. 15. P. 511–538; *Gnedina E., Emerson M.* The Case for a Gas Transit Consortium in Ukraine: A Cost-Benefit Analysis. Brussels: CEPS, January 2009. CEPS Policy Brief. No 180; *Godzimirski J. M.* European Energy Security in the Wake of the Russia-Ukraine Crisis // *The Polish Institute of International Affairs. Strategic Files*. 2014. December. No 27 (63); *Idem.* Energy in the Neighbourhood: Russian and EU Perspectives and Policies // *The Polish Quarterly on International Affairs*. 2014. Vol 23. No 4. P. 31–51; *Gromadzki G.* Energy game: Ukraine, Moldova and Belarus between the EU and Russia. Warsaw: Stefan Batory found., 2007; *Kropatcheva E.* Playing Both Ends Against the Middle...; *Newnham R. E.* Pipeline politics: Russian energy sanctions and the 2010 Ukrainian elections // *Journal of Eurasian Studies*. 2013. Vol. 4. Issue 2. P. 115–122; *Pirani S., Stern J., Yafimava K.* The Russo-Ukrainian gas dispute of January 2009: a comprehensive assessment. Oxford: OIES, February 2009. No NG 27; *Pirani S., Stern J., Yafimava K.* The April 2010 Russo-Ukrainian gas agreement and its implications for Europe. Oxford: OIES, June 2010. No NG 42; *Stern J.* The Russian-Ukrainian gas crisis of January 2006. Oxford: OIES, 16 January 2006; *Tsakiris T.* Dependencies & Vulnerabilities: The Energy Parameters of the Evolving Crisis between Russia, the EU and Ukraine. Athens: ELIAMEP, April 2014.

¹ *Barrette P.* La securite d'approvisionnement en gaz de l'Union europeenne: vers une strategie commune a l'egard de la Russie? // *Etudes internationales*. 2011. Vol. 42. No 2. P. 179–205; *Grigas A.* The Gas Relationship between the Baltic States and Russia: politics and commercial realities. Oxford: OIES, October 2012. No NG 67; *Hirman K.* The Energy Security of the SR in the Context of the EU and Relations with Russia // *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*. 2009. Vol. XVIII. No 1. P. 29–37; *Mauring L., Schaer D.* The Effects of the Russian Energy Sector on the Security of the Baltic States // *Baltic Security & Defence Review*. 2006. Vol. 8. No 1. P. 66–80; *Molis A.* Transforming EU-Russia energy relations: the Baltic States' vision // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2011. P. 76–98; *Noël P.* A Market Between us: Reducing the Political Cost of Europe's Dependence on Russian Gas. Cambridge: University of Cambridge, 2009. EPRG Working Paper. No 0916; *Idem.* Beyond Dependence: How to Deal with Russian Gas. London: ECFR, November 2008. Policy brief; *Wyciszkievicz E.* Polish Perspective on the EU's Energy Policy and the Security of External Supply // *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*. 2009. Vol. XVIII. No 1. P. 15–28; *Whist B. S.* Nord Stream: Not Just a Pipeline. An analysis of the political debates in the Baltic Sea region regarding the planned gas pipeline from Russia to Germany. Oslo: Fridtjof Nansen Institute, 2008. FNI Report. No 15/2008.

случае применялся богатый спектр различных теоретико-методологических подходов¹. Ряд российских исследователей также публиковали работы, направленные на разъяснение позиции России², представление мотивации энергетических компаний и официальных властей.

За рубежом присутствовали и исследования более эмпирического характера, посвященные тому, как изменения в законодательстве и политике повлияют на поставки из России в ЕС. При этом если в нашей стране фокус был на изменениях в Евросоюзе³, то за рубежом

¹ *Boussena S., Locatelli C.* Energy institutional and organisational changes in EU and Russia: Revisiting gas relations // *Energy Policy*. 2013. Vol. 55. P. 180–189, April; *Egenhofer C., Grigoriev L., Socor V., Riley A.* European Energy Security What Should It Mean? What To Do? Brussels: CEPS, IISS, DCAF, October 2006. ESF Working Paper. No 23; *Godzimirski J. M.* Mapping EU countries' relationships with energy suppliers. GREEN European Policybrief. Global Re-Ordering: Evolution Through European Networks, March 2014; *Hadfield A.* EU-Russia Energy Relations: Aggregation and Aggravation // *Journal of Contemporary European Studies*. 2008. Vol. 16. No 2. P. 231–248; *Khasson V.* Discourses and Interests in EU-Russia Energy Relations. Leuven: Leuven K. U., 2006. Chair InBev — Baillet Latour Working Papers. No 35; *Kratochvíl P., Tichý L.* EU and Russian discourse on energy relations // *Energy Policy*. 2013. Vol. 56. P. 391–406, May; *Neuman M.* EU-Russian Energy Relations after the 2004/2007 EU Enlargement: An EU Perspective // *Journal of Contemporary European Studies*. 2010. Vol. 18. No 3. P. 341–360; *Kuzemko C.* Ideas, power and change: explaining EU-Russia energy relations // *Journal of European Public Policy*. 2014. Vol. 21. No 1. P. 58–75; *Milov V.* The EU-Russia Energy Dialogue: Competition Versus Monopolies. Paris: IFRI, February 2006. Russie. Nei. Visions. No 13.

² *Belyi A.* Institutional trends in Russia's oil and gas sectors // *Journal of World Energy Law and Business*. 2013. Vol. 6. No 3. P. 163–178; *Idem.* Russia's gas export reorientation from West to East: economic and political considerations // *Journal of World Energy Law and Business*. 2015. Vol. 8. No 1. P. 76–86; *Idem.* Russia's gas policies in light of new realities // *European Energy Journal*. 2013. Vol. 3. No 3. P. 80–88; *Belyi A., Goldthau A.* Between a rock and a hard place: international market dynamics, domestic politics and Gazprom's strategy. Working Paper for Florence School of Regulation, RSCAS: 2015/22; *Belyi A., Overland L., Vishnyakova A.* New paradigms for Post RAO UES energy paradigm // *Journal for World Energy Law and Business*. 2011. Vol. 4. No 2. P. 181–192; *Kaveshnikov N.* The issue of energy security in relations between Russia and the European Union // *European Security*. 2010. Vol. 19. № 4. P. 585–605; *Romanova T.* The Russian Perspective on the Energy Dialogue // *Journal of Contemporary European Studies*. 2008. Vol. 16. № 2. P. 219–230.

³ *Baev P., Bartuska V., Cleutinx C., Gaddy C. et al.* Pipelines, Politics and Power. The future of EU-Russia energy relations. London: CER, 2008; *Belyi A.* EU-Russia

одинаково пристально следили и за изменениями в России (в особенности за антиконкурентным расследованием против Газпрома¹, либерализацией, изменением ценообразования²), и за трансформациями в Москве (в т. ч. за стратегиями официальных властей

energy dialogue: towards a decline or a new breath? // *Revue de l'Energie*. 2006. No 570. P. 97–101; *Idem*. New Dimensions of Energy Security of the Enlarging EU and their impact on relations with Russia // *Journal for European Integration*. 2003. Vol. 25. No 4. P. 351–369; *Böhme D.* EU-Russia Energy Relations: What Chance for Solutions? A Focus on the Natural Gas Sector. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2011; *Gotz R.* Russian Gas and European Energy Security. Berlin: SWP, 2010. SWP Research Paper. No 10; *Grabham B., Rauzy B., Feygin V.* Addressing the Impact of the Financial Crisis on EU-Russia Energy Cooperation. Final Report. European Commission, 2009. Project No 2009/205704, Version 2; *Hazakis K., Proedrou F.* EU-Russia Energy Diplomacy: The Need for an Active Strategic Partnership. Brugge: College of Europe, 2012. EU Diplomacy Papers. No 4/2012; *Johnson D.* EU-Russian Energy Links: A Marriage of Convenience? // *Government and Opposition*. 2005. Vol. 40. No 2. P. 256–277; *Idem*. EU-Russian Energy Policy — Single or Multiple Policy Paradigms? // *Energy & Environment*. 2004. Vol. 15. No 3. P. 451–468; *Finon D., Locatelli C.* The liberalisation of the European gas market and its consequences for Russia. Grenoble: IEPE, 2002; *Milov V.* Russia and the West. The Energy Factor. Paris/Washington: IFRI, CSIS, July 2008; *Morgado Dos Santos A. M.* Op. cit.; *Liuhto K.* (ed.) The EU-Russia gas connection: Pipes, politics and problems. Turku: Pan-European Institute, 2009. Electronic Publications of Pan-European Institute. No 8/2009; *Perspectives on EU-Russia relations* / ed. by Debra Johnson a. Paul Robinson. — London New York: Routledge, 2005; *Sherr J.* The Russia-EU Energy Relationship: Getting it Right // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. 2010. Vol. 45. No 2. P. 55–68; *Talseth L.-C. U.* The EU-Russia Energy Dialogue. Travelling Without Moving. Berlin: SWP, 2012. SWP Research Paper. No 5; *Yegorov Y., Franz Wirl F.* Energy relations between Russia and EU with emphasis on natural gas // *OPEC Energy Review*. 2008. December. P. 301–322.

¹ *Maican O.-H.* Some Legal Aspects of Energy Security in the Relations Between EU and Russia // *Romanian Journal of European Affairs*. 2009. Vol. 9. No 4. P. 29–47; *Morris P. S.* Iron Curtain at the border: Gazprom and the Russian blocking order to prevent the extraterritoriality of EU competition law // *European Competition Law Review*. 2014. Vol. 35. No 12. P. 601–612; *Riley A.* Commission v. Gazprom: The antitrust clash of the decade? Brussels: CEPS, 31 October 2012. CEPS Policy Brief. No 285; *Sartori N.* The European Commission vs Gazprom: An Issue of Fair Competition or a Foreign Policy Quarrel? Rome: IAI, January 2013. IAI Working Papers. No 13/03.

² *Stern J., Rogers H.* The Transition to Hub-Based Pricing in Continental Europe: A Response to Sergei Komlev of Gazprom Export. Oxford: OIES, February 2013. Oxford Energy Comment.

и российских компаний)¹. Исследовались и модальности энергетического диалога².

Особой привлекательностью также пользовалось изучение различных способов обойти территорию России при транспортировке газовых ресурсов, особенно из Каспийского региона, в т. ч. через территорию Турции³.

¹ *Baev P.* From European to Eurasian energy security: Russia needs and energy Perestroika // *Journal of Eurasian Studies*. 2012. Vol. 3. No 2. P. 177–184; *Ćwiek-Karpowicz J.* Russian Energy Policy Towards the European Union in the Context of the Economic Crisis // *The Polish Quarterly of International Affairs*. 2011. No 1. P. 30–47; *Idem.* Russia's Gas Sector: In Need of Liberalization in the Context of the Shale Gas Revolution and Energy Relations with the European Union // *Journal of East-West Business*. 2012. Vol. 18. No 1. P. 54–65; *Guillet J.* Gazprom, partenaire prévisible: relire les crises energetiques Russie — Ukraine et Russie — Belarus. Paris: IFRI, Mars 2007. *Russie. Nei. Visions*. No 18; *Feklyunina V.* The 'Great Diversification Game': Russia's Vision of the European Union's Energy Projects in the Shared Neighbourhood // *Journal of Contemporary European Research*. 2008. Vol. 4. No 2. P. 130–148; *Havlik P.* European Energy Security in View of Russian Economic and Integration Prospects. Vienna: Institute for International Economic Studies (WIIW), May 2010. *Research Reports*. No 362; *Heinrich A.* Under the Kremlin's Thumb: Does Increased State Control in the Russian Gas Sector Endanger European Energy Security? // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No 9. P. 1539–1574; *Locatelli C.* Gazprom's export strategies under the institutional constraint of the Russian gas market // *OPEC Energy Review*. 2008. September. P. 246–264; *Lund Sagen E., Tsygankova M.* Russian natural gas exports — Will Russian gas price reforms improve the European security of supply? // *Energy Policy*. 2008. Vol. 36. No 2. P. 867–880; *Price R. F.* Energy Reform in Russia and the Implications for European Energy Security // *Demokratizatsiya*. 2007. Vol. 15. No 4. P. 391–407; *Riley A.* The Coming of the Russian Gas Deficit: Consequences and Solutions. Brussels: CEPS, October 2006. *CEPS Policy Brief*. No 116; *Spanjer A.* Russian gas price reform and the EU-Russia gas relationship: Incentives, consequences and European security of supply // *Energy Policy*. 2007. Vol. 35. No 5. P. 2889–2898; *Van Der Meulen E. F.* Gas Supply and EU-Russia Relations // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. No 5. P. 833–856.

² *Aalto P.* From Separate Policies to Dialogue? Natural Gas, Oil and Electricity on the Future Agenda of EU-Russia Energy Relations. Tartu: CEURUS, March 2012. No 3; *Boussena S., Locatelli C.* Energy institutional and organisational changes in EU and Russia...; *Romanova T.* Energy Dialogue from Strategic Partnership to the Regional Level of the Northern Dimension // *The EU-Russia Energy Dialogue: Securing Europe's Future Energy Supplies?* P. Aalto (ed.) Ashgate, 2007; *Idem.* Russian energy in the EU market: Bolstered institutions and their effects // *Energy Policy*. 2014. Vol. 74. November. P. 44–53.

³ *Baev P.* Energy Intrigues on the EU's Southern Flank: Applying Game Theory // *Problems of Post-Communism*. 2010. May/June. Vol. 57. No 3. P. 11–22;

Наконец, отметим, что, в отличие от России, присутствовали в зарубежной литературе и исследования вопросов энергоэффективности, возобновляемых источников энергии, снижения парниковых газов как сфер сотрудничества Москвы и Брюсселя. Однако внимание им уделялось мало, де-факто — по остаточному принципу¹.

Baev P. K., Øverland, I. The South Stream versus Nabucco pipeline race: geopolitical and economic (ir)rationalities and political stakes in mega-projects // *International Affairs*. 2010. Vol. 86. No 5. P. 1075–1090; *Erdogdu E.* Bypassing Russia: Nabucco project and its implications for the European gas security // *Renewable & Sustainable Energy Reviews*. 2010. Vol. 14. No 9. P. 2936–2945; *Ermida G., Fernandes J. P.* The European Union's Strategic Gas Supply Options and the Prevalence of the Southern Corridor // *European Foreign Affairs Review*. 2013. Vol. 18. No 4. P. 547–561; *Finon D.* The EU foreign gas policy of transit corridors: autopsy of the stillborn Nabucco project // *OPEC Energy Review*. 2011. Vol. 35. No 1. P. 47–69; *Locatelli C.* Russian and Caspian Hydrocarbons: Energy Supply Stakes for the European Union // *Europe-Asia Studies*. 2010. Vol. 62. No 6. P. 959–971; *Pardo Sierra O.* A corridor through thorns: EU energy security and the Southern Energy Corridor // *European Security*. 2010. Vol. 19. No 4. P. 643–660; *Pirani S., Stern J., Yafimava K.* Does the cancellation of South Stream signal a fundamental reorientation of Russian gas export policy? Oxford: OIES, January 2015. Oxford Energy Comment; *Tekin A., Williams P. A.* EU-Russian Relations and Turkey's Role as an Energy Corridor // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. No 2. P. 337–356; *Ziegler C. E.* Energy Pipeline Networks and Trust: The European Union and Russia in Comparative Perspective // *International Relations*. 2013. Vol. 27. No 1. P. 3–29.

¹ *Boute A.* A comparative analysis of the European and Russian support schemes for renewable energy: return on European experience for Russia // *Journal of World Energy Law and Business*. 2011. Vol. 4. No 2. P. 157–180; *Idem.* Energy Efficiency as a New Paradigm of the European External Energy Policy: The Case of the EU-Russian Energy Dialogue // *Europe-Asia Studies*. 2013. Vol. 65. No 6. P. 1021–1054; *Idem.* Improving the Climate for European Investments in the Russian Electricity Production Sector: (II) the Role of Regulatory Convergence // *Journal of Energy & Natural Resources Law*. 2008. Vol. 26. No 3. P. 327–373; *Boute A., Willems P.* RUSTEC: Greening Europe's energy supply by developing Russia's renewable energy potential // *Energy Policy*. 2012. Vol. 51. P. 618–629. December; *Jefferson Institute* Improving Energy Relations With Russia: the Roles of Energy Efficiency and Alternative Energy. Washington: Jefferson Institute, 2009; *Kononenko V.* Russia-EU cooperation on energy efficiency. Enthusiasm and Challenges Ahead. Helsinki: FIIA, 16 November 2010. FIIA Briefing Paper. No 68; *Laroui F., Tellegen E., Tourilova K.* Joint implementation in energy between the EU and Russia Out look and potential // *Energy Policy*. 2004. Vol. 32. No 7. P. 899–914; *Lund P. D.* Energy Efficiency, Renewable Energy and Energy Innovations As a Strategic Resource and Partnership for EU and Russia. Turku: Energy Challenges in Northern Europe, November 2008; *Sharples J. D.* Russian approaches to energy

4.

Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС и отношения с Российской Федерацией

Несмотря на то, что общая внешняя политика и политика безопасности (ОВППБ) была сформирована только в начале 90-х гг. и до сих пор остается не слишком активным направлением деятельности ЕС, не выдерживая конкуренции с внешней политикой отдельных государств-членов, зарубежные исследователи с энтузиазмом изучают данную политику Евросоюза, рассматривая в том числе и ее влияние на развитие отношений с третьими странами, включая Российскую Федерацию.

Обзор зарубежных исследований, посвященных проблемам сотрудничества между Россией и Европейским союзом в сфере безопасности, базируется на публикациях в научных журналах (например, “European Security”, “Cooperation and Conflict”, “Journal of Contemporary European Studies”, “European Foreign Affairs Review”, “Europe-Asia Studies”, “The International Spectator”), публикациях исследовательских центров и институтов (например, Центра исследований европейской политики (CEPS) и Финского института международных отношений (ФИА)), материалов научных конференций и др.

Можно выделить несколько ключевых тем, которые рассматриваются в зарубежных исследованиях. Прежде всего, это публикации, посвященные развитию внешнеполитической деятельности Евросоюза, формированию ОВППБ, усилиям по гармонизации внешнеполитической деятельности различных государств-членов, которые затрагивают политику Евросоюза в отношении России. К таким публикациям можно отнести работы К. Арчера, К. Барыш, Р. Бенгтссона, С. Блокманса, М. Вебера, Д. Дж. Галбрита, Д. Гроса, С. де Шпигелера, Л. Делкур, А. Ласас, Р. Линтонена, С. Медведева, Л. Симао, А. Тойвонена, Э. Тулметс, А. Шмидт-Фелцман, Х. Хауккала и Р. Янгса¹.

security and climate change: Russian gas exports to the EU // Environmental Politics Volume 22, Issue 4, 2013. P. 683–700.

¹ Archer C. The security governance of regional organizations (Global institutions) / European security: the role of regional organizations // European

Некоторые исследователи публикуют материалы, посвященные особенностям Европейского союза как международного актора, но при этом затрагиваются и сюжеты, связанные с влиянием Евросоюза на Россию. Среди таких авторов можно отметить М. Вебера, А. Макарычева, Н. Точки, Д. Хамильтона, Ф. Хесбура¹.

Security, October 2014. Vol. 23. No 4. P. 625–628; *Barysch K.* EU-Russia Relations: The EU Perspective // D. Johnson and P. Robinson (eds), *Perspectives on EU-Russia Relations*. L.: Routledge, 2005. P. 21–34; *Bengtsson R.* Soft Security and the Presidency // *Cooperation and Conflict*, June 2002. Vol. 37. No 2. P. 212–218; *Galbreath D. J. and Lašas A.* The ‘Baltic’ Factor in EU-Russian Relations: In Search of Coherence and Co-operation in an Era of Complexity // *Journal of Contemporary European Studies*, June 2011. Vol. 19. No 2. P. 261–272; *Gros D., Blockmans S.* Ukraine, Russia and the need for more flexibility in EU foreign policy-making // 25 July 2014, CEPS Policy Brief; *De Spiegeleire S.* The Implementation of the EU’s Common Strategy on Russia // H. Haukkala and S. Medvedev (eds.). *The EU Common Strategy on Russia: Learning the Grammar of the CFSP*, Programme on the Northern Dimension of the CSFP, No 11. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2001. P. 81–116; *Delcour L. and Tuilmets E.* Pioneer Europe? Testing EU foreign policy in the neighbourhood, Baden-Baden: Nomos, 2008; Haukkala H. and S. Medvedev (eds.), *The EU Common Strategy on Russia: Learning the Grammar of the CFSP*, Programme on the Northern Dimension of the CSFP; *Haukkala H. and Toivonen A.* The EU Common Strategy on Russia: In Search of the Foundation of European Foreign Policy // *The Yearbook of Finnish Foreign Policy 2002*, Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2002. P. 54–65; *Lintonen R.* Understanding EU Crisis Decision-Making: the Case of Chechnya and the Finnish Presidency // *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 2004. Vol. 12. No 1. P. 29–38; *Simão L.* Portuguese and Spanish Relations with Moscow: Contributions from the EU’s Periphery to the CFSP // *Journal of Contemporary European Studies*, June 2011. Vol. 19. No 2. P. 213–223; *Schmidt-Felzmann A.* European foreign policy towards Russia: Challenges, lessons and future avenues for research. *The SAGE Handbook of European Foreign Policy*, 2015; *Webber M.* Third-Party Inclusion in European Security and Defence Policy: A Case Study of Russia // *European Foreign Affairs Review*, 2001. Vol. 6. No 4. P. 407–426; *Youngs R.* The European security and defence policy: What impact on the EU’s approach to security challenges? // *European Security*, June 2002. Vol. 11. No 2. P. 101–124.

¹ *Heisbourg F., Tocci N., Hamilton D., Makarychev A. S. and L. Xiang.* What prospects for normative foreign policy in a multipolar world? // ESF Working paper No 29, July, CEPS, IISS, DCAF & GCSP, 2008; *Makarychev A. S.* In Quest of Political Subjectivity: Russia’s ‘Normative Offensive’ and the Triple Politicisation of Norms // What prospects for normative foreign policy in a multipolar world? // ESF Working paper No 29, July, CEPS, IISS, DCAF & GCSP, 2008. P. 14–19; *Tocci N.* (ed.) *Who is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and its Global*

Во многих зарубежных публикациях рассматривается развитие политического сотрудничества между Евросоюзом и Россией, подобная проблематика освещается в работах Н. Арбатовой, С. Блокманса, Т. Бордачева, М. Валя, Д. Гроса, С. Караганова, А. Макарычева, Ф. Тассинари, С. Фернандес, Х. Хауккала и М. Эмерсона¹. Некоторые авторы рассматривают политическое сотрудничество в общем контексте отношений ЕС, Европы, Запада, с одной стороны, и РФ, с другой стороны, в частности Д. Аверре, К. Барыш, Ж. ДеБарделебен, Дж. Говер, Д. Детке, А. Джоунс, А. Казанцев, Т. Казьер, М. Лайт, Д. Линч, М. Массари, С. Медведев, К. Нитойю С. Прозоров, Р. Саква, Ф. Тассинари, Г. Тимминс, Г. Фэлон, Х. Хауккала, С. де Шпигелер, Р. Эллисон, М. Эмерсон².

Partners. CEPS, 2008; *Webber M.* A tale of a decade: European security governance and Russia // *European Security*, June 2000. Vol. 9. No 2. P. 31–60.

¹ *Arbatova N.* The Russia-EU 2007 Quandary // M. Emerson (ed.). *The Elephant and the Bear Try Again: Options for a New Agreement between the EU and Russia*. CEPS: Brussels, 2006. P. 41–50; *Bordachev T.* Russia and the European Union after 2007 // M. Emerson (ed.). *The Elephant and the Bear Try Again: Options for a New Agreement between the EU and Russia...* P. 51–60; *Emerson M., Tassinari F. and M. Vahl.* A New Agreement between the EU and Russia: Why, what and when? // Michael Emerson (ed.). *The Elephant and the Bear Try Again: Options for a New Agreement between the EU and Russia...* P. 62–94; *Gros D., Blockmans S.* Ukraine, Russia and the need for more flexibility in EU foreign policy-making // 25 July 2014, CEPS Policy Brief; *Fernandes S.* EU Policies towards Russia, 1999–2007: Realpolitik Intended // N. Tocci (ed.). *Who is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and its Global Partners*. CEPS, 2008. P. 37–40; *Haukkala H.* The EU-Russia strategic partnership: the limits of post-sovereignty in international relations. London & New York: Routledge, 2010; *Karaganov S., Bordachev T., Guseinov V., Lukyanov F. and D. Suslov.* Russia-EU Relations: The Present Situation and Prospects // CEPS Working Document No 225/July 2005; *Makarychev A. S.* Neighbours, Exceptions and the Political: A Vocabulary of EU-Russian Inter-Subjective (Dis)Connections // M. Emerson (ed.). *The Elephant and the Bear Try Again: Options for a New Agreement between the EU and Russia...* P. 15–41.

² *Allison R., Light M. and S. White.* Putin's Russia and the Enlarged Europe. L., Royal Institute of International Affairs; Oxford: Blackwell, 2006; *Averre D.* Russia and the European Union: convergence or divergence? // *European security*, 2005. Vol. 14. No 2. P. 175–202; *Barysh K.* The EU and Russia: From principle to pragmatism? // CER, Policy Brief, November, 2006; *Casier T.* The EU-Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument // *Europe-Asia Studies*, September 2013. Vol 65. No 7. P. 1377–1395; *De Bardeleben J.* The end of the cold war, EU enlargement and the EU-Russian relationship. Invited contribution to the crisis

Теоретические аспекты сотрудничества Евросоюза и России в сфере безопасности исследуются в публикациях П. Аалто, Р. Заотти, Т. Казира, Я. Маннерса, В. Морозова, К. Нитойю, И. Нойманна, С. Прогорова, Н. Точки, Т. Форсберга, Х. Хауккала¹. Основным направлениям

of EU enlargement, LSE ideas special report. London: London School of Economics. 2013; *De Spiegeleire S.* Recoupling Russia to Europe: Staying the Course // *International Spectator*, 2003. Vol. 38. No 3. P. 79–97; *Dettke D.* Europe and Russia: from neighborhood without a shared vision to a modernization partnership // *European Security*, March 2011. Vol 20. No 1. P. 127–142; *Idem.* Russia and the EU: the difficult path to a new partnership // *European affairs*, 2008. Vol. 9. No 3. P. 25–32; *Emerson M.* Russia in Europe and the West // *CEPS Commentary*, 01 April 2010; *Gower J.* European Union-Russia Relations at the End of the Putin Presidency // *Journal of Contemporary European Studies*, August 2008. Vol. 16. No 2. P. 161–167; *Haukkala H.* Lost in Translation? Why the EU has Failed to Influence Russia's Development // *Europe-Asia Studies*, 2009. Vol 61. No 10. P. 1757–1775; *Jones A. and G. Fallon.* The political economy of co-operation, trade and aid between the European Union and Russia // *Journal of Contemporary European Studies*, November 2003. Vol. 11. No 2. P. 253–277; *Kazantsev A. and R. Sakwa.* New 'dividing lines' in Europe: A crisis of trust in European-Russian relations // *Communist & Post-Communist Studies*. Sep-Dec 2012. Vol. 45 Issue 3–4. P. 289–293; *Lynch D.* Russia faces Europe // Paris: Institute for Security Studies, 2003. Chaillot Papers No 60; *Idem.* Russia's strategic partnership with Europe // *The Washington Quarterly*, March 2004. Vol. 27. No 2. P. 99–118; *Massari M.* Russia and the EU Ten Years On: A Relationship in Search of Definition // *The International Spectator*, March 2007. Vol. 42. No 1. P. 1–15; *Medvedev S.* EU-Russian Relations — Alternative futures. FIIA, 2006. Report 15; *Nitoiu C.* Reconceptualizing 'Cooperation' in EU-Russian Relations // *Perspectives on European Politics and Society*, December 2011. Vol. 12. No 4. P. 462–476; *Prozorov S.* Understanding Conflict between Russia and the EU: The Limits of Integration. New York and Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006; *Sakwa R.* The cold peace: Russo-Western relations as a mimetic cold war // *Cambridge Review of International Affairs*. March 2013. Vol. 26. Issue 1. P. 203–224; *Idem.* Russia and Europe: Whose Society? // *Journal of European Integration*. March 2011. Vol. 33. Issue 2. P. 197–214; *Tassinari F.* A riddle inside an enigma: Unwrapping the EU-Russian strategic partnership // *The International Spectator*, January 2005. Vol. 40. No 1. P. 45–57; *Timmins G.* Strategic or pragmatic partnership? The European Union's policy towards Russia since the end of the Cold War // *European Security*, 2002. Vol. 11. No 4. P. 78–95.

¹ *Aalto P.* Book Review Forum: Methodologies for the Study of EU-Russian Interaction: A Reply to Haukkala // *Cooperation and Conflict*, March 2008. Vol. 43. No 1. P. 129–131; *Casier T.* The EU-Russian Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument // *Europe-Asia Studies*, September 2013. Vol. 65. No 7. P. 1377–1395; *Forsberg T. and H. Haukkala.* The End of an Era for Institutionalism

сотрудничества в сфере безопасности между Евросоюзом и Россией посвящены публикации Д. Аверре, В. Барановского, М. Вебера, Дж. Воскопулоса, Л. Делкур, С. Диас Фернандес, Д. Линча, С. Марша, Э. Норина, Л. Симао, М. А. Смита, Г. Тимминса, Т. Форсберга, М. Р. Фрер, Р. Эллисона, М. Эмерсона¹. Конкретные примеры сотрудничества

in European Security? // *Journal of Contemporary European Studies*, 2015. Vol. 23. No 1. Special Issue: Russia and the Major European Institutions. P. 1–5; *Haukkala H.* Debating Recent Theories of the EU-Russia Interaction // *Cooperation and Conflict*, 2008. Vol. 43. No 1. P. 109–121; *Morozov V.* Russia in the Baltic Sea Region: Desecuritization or Deregionalization? // *Cooperation and Conflict*, September 2004. Vol. 39. No 3. P. 317–331; *Idem.* Russia and the West: Dividing Europe, Constructing Each Other, paper presented at the ISA Annual Convention, Chicago, February 28 — March 3, 2007; *Neumann I. B.* Russia as Europe's other // *Journal of Area Studies*, March 1998. Vol 6. No 12. P. 26–73; *Nitoiu C.* Reconceptualizing 'Cooperation' in EU-Russia Relations...; *Prozorov S.* Book Review Forum: The Discourse of Conflict and the Possibility of Dialogue: A Response to Haukkala // *Cooperation and Conflict*, March 2008. Vol. 43. No 1. P. 123–127; *Tocci N. and I. Manners.* Comparating normativity in foreign policy: China, India, the EU, the US and Russia // *Who is a normative foreign policy actor?* — Johns Hopkins University Press, 2008. P. 300–329; *Zaiotti R.* The Hybrid Continent: Tensions and Resilience in Europe's Neoterritorial Model // *Journal of Contemporary European Studies*, 2015. Vol. 23. No 1. Special Issue: Russia and the Major European Institutions, P. 82–99.

¹ *Allison R.* Russian Security engagement with the European Union / R. Allison, M. Light and S. White // *Putin's Russia and the Enlarged Europe...* P. 160–180; *Averre D.* The EU, Russia and the shared neighbourhood: security, governance and energy // *European Security*. 2010. Vol. 19. Issue 4. P. 531–534; *Idem.* The EU-Russian Relationship in the Context of European Security // D. Johnson and P. Robinson (eds.). *Perspectives on EU-Russia Relations*. L.: Routledge, 2005. P. 73–92; *Delcour L.* The European Union, a security provider in the eastern neighbourhood? // *European Security*, 2010. Vol. 19. No 4. P. 535–549; *Dias Fernandes S.* Time to reassess the European security architecture? The NATO-EU-Russia Security Triangle // CEPS Working Paper No 22 / March 2009; *Emerson M.* EU-Russia Four Common Spaces and the Proliferation of the Fuzzy, CEPS Policy Brief No 71, May, Brussels: CEPS, 2005; *Forsberg T.* The EU-Russia Security Partnership: Why the Opportunity was Missed // *European Foreign Affairs Review*. Jun 2004. Vol. 9. Issue 2. P. 247–267; *Freire M. R.* Security and Insecurity in EU-Russia Relations: Perceptions, Discourses and Practice in the 'War on Terror' // *Conference Papers* — International Studies Association. 2010 Annual Meeting; *Lynch D.* The security dimension of the European neighbourhood policy // *The International Spectator*, January 2005. Vol. 40. No 1. P. 33–43; *Marsh S.* EU-Russia Security Relations and the Survey of Russian Federation Foreign Policy: One Year On // *European Security*. 2008. Vol. 17. Issue 2/3. P. 185–208; *Noreen E.*

в области безопасности рассматриваются в публикациях Д. Аверре, К. Браунинга, Т. Дolidзе, Р. Линтонена, О. Реута, Ф. Тассинари¹.

Вопросы политического сотрудничества и проблемы безопасности в отношениях ЕС и России затрагиваются в зарубежных публикациях, исследующих политику ЕС в отношении восточных соседей и отношения Евросоюза с различными постсоветскими государствами. Таких публикаций чрезвычайно много, но в качестве примеров можно вспомнить работы Д. Аверре, В. Амаро Диаса, К. Браунинга, Л. Делкур, И. Йоаннидес, П. Йоэнниemi, Д. Линча, Ч. Пентленда, Ф. Тассинари, С. Тулметс, П. Фленли, Х. Хауккала, К. Хранта, М. Эмерсона².

The EU, Russia, and the Widened Security Agenda: Socialization Between Antagonists? // Conference Papers — International Studies Association. 2008 Annual Meeting (more on terrorism); Russia and Europe: The Emerging Security Agenda. Stockholm: SIPRI / Baranovsky V. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1997; Simão L. Discursive differences and policy outcomes: EU-Russia relations and security in Europe // Eastern Journal of European Studies, Jun 2011. Vol. 2. Issue 1. P. 81–95; Smith M. A. and G. Timmins. Russia, NATO and the EU in an era of enlargement: Vulnerability or opportunity? // Geopolitics, June 2001. Vol. 6. No 1. P. 69–90; Voskopoulos G. U.S. Terrorism, International Security, and Leadership: Toward a US-EU-Russia Security Triangle // Demokratizatsiya. Spring 2003, Vol. 11. Issue 2; Webber, M., A tale of a decade: European security governance and Russia // European Security, June 2000. Vol. 9. No 2. P. 31–60.

¹ Averde D. and O. Reut. EU-Russia Security Relations and the Republic of Karelia // O. Antonenko and K. Pinnick (eds.). Russia and the European Union: Prospects for a New Relationship. L.: Routledge and International Institute for Strategic Studies, 2005. P. 155–172; Browning C. S. The Internal/External Security Paradox and the Reconstruction of Boundaries in the Baltic: The Case of Kaliningrad, CIAO Working Papers, 2003; Dolidze T. EU Sanctions Policy towards Russia: The Sanctioner-Sanctionee's Game of Thrones, 2015; Lintonen R. Understanding EU Crisis Decision-Making: the Case of Chechnya and the Finnish Presidency...; Tassinari F. The European sea: Lessons from the Baltic Sea region for security and cooperation in the European neighborhood // Journal of Baltic Studies, December 2005. Vol. 36. No 4. P. 387–407.

² Amaro Dias V. The EU and Russia: Competing Discourses, Practices and Interests in the Shared Neighbourhood // Perspectives on European Politics and Society, June 2013. Vol. 14. No 2. P. 256–271; Averde D. Competing Rationalities: Russia, the EU and the 'Shared Neighbourhood' // Europe-Asia studies, 2009. Vol. 61. No 10. P. 1689–1713; Browning C. and Joenniemi P. Geostrategies of the European Neighbourhood Policy. DIIS Working Paper 2007; Delcour L. The European Union, a security provider in the eastern neighbourhood? // European Security, 2010. Vol. 19. No 4. P. 535–549; Delcour L. and Tulmets E. Pioneer Europe? Testing EU foreign policy in the neighbourhood, Baden-Baden: Nomos, 2008;

Особо следует выделить авторов, которые в своих публикациях делают акцент на проблемах безопасности, вызванных противоречиями между Евросоюзом и Россией, в частности Дж. Говера, Л. Делкур, Д. Линча, Л. Марша, В. Морозова, С. Прозорова, Ф. Тассинари, Ф. Умбаха, Х. Хауккала, Р. Эллисона¹.

Безусловно, вопросы взаимодействия России и Евросоюза в области безопасности представляются актуальным и важным направлением зарубежных научных исследований. Список публикаций, проанализированных в данном обзоре, не является исчерпывающим, но он позволяет сделать выводы о ключевых проблемах, затрагиваемых в зарубежных научных публикациях.

Emerson M., Kostanyan H. The Implications of Eurasian Integration for the EU's Relations with the Countries in the Post-Soviet Space // CEPS, 4 Nov 2015. Series: CEPS Commentary; *Haukkala H.* From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination of a Long-Term Crisis in EU-Russia Relations // Journal of Contemporary European Studies, 2015. Vol. 23 No 1. Special Issue: Russia and the Major European Institutions. P. 25–40; *Ioannides I.* Inside-out and Outside-in: EU Security in the Neighbourhood // The International Spectator. January 2014. Vol. 49. No 1. P. 113–132; *Lynch D.* The security dimension of the European neighbourhood policy...; *Pentland C.* Eastern approaches: the EU encounters the former Soviet Union // J. DeBardeleben. Soft or hard borders. Managing the divide in an enlarged Europe. Aldershot: Ashgate, 2005. P. 45–69; *Tassinari F.* Why Europe fears its neighbors, Praeger Security International Series, 2009.

¹ *Allison R.* Russia, the west, and military intervention. Oxford: Oxford University Press. 2013; *Delcour L.* The European Union, a security provider in the eastern neighbourhood? // European Security, 2010. Vol. 19. No 4. P. 535–549; *Gower J.* European Union-Russia Relations at the End of the Putin Presidency...; *Haukkala H.* From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination of a Long-Term Crisis in EU-Russia Relations...; *Lintonen R.* Understanding EU Crisis Decision-Making: the Case of Chechnya and the Finnish Presidency...; *Lynch D.* The security dimension of the European neighbourhood policy...; *March L.* Security strategy and the “Russia problem” // Dannreuther R. and Peterson J. (eds.). Security strategy and transatlantic relations, New York, Routledge, 2006. P. 98–103; *Morozov V.* Russia and the West: Dividing Europe, Constructing Each Other, paper presented at the ISA Annual Convention, Chicago, February 28 — March 3, 2007; *Tassinari F.* Why Europe fears its neighbors...; *Umbach F.* Russia as a ‘virtual great power’: Implications for its declining role in European and Eurasian security // European Security. Sept. 2000. Vol. 9. No 3. P. 87–122.

5.

Влияние расширения Европейского союза на Восток

Восточное расширение Европейского союза 2004 и 2007 гг. стало самым масштабным за всю его историю. Поэтому неудивительно, что оно вызвало сильнейший интерес академических и экспертных кругов Евросоюза. В академической периодической литературе появилось большое количество публикаций, посвященных изучению различных аспектов восточного расширения ЕС, его влиянию, как на страны-кандидаты, так и на сам Евросоюз, — большинство из них вышли в свет в первой половине 2000-х гг.

Прежде всего в фокусе внимания исследователей оказалось влияние процесса подготовки к вступлению и само вступление стран Центральной и Восточной Европы, а также Балтии в ЕС на трансформацию их экономических систем (различные направления экономической политики)¹, политической сферы (процессы демократизации, права человека, аспекты «правосудия переходного периода» (*transitional justice*), развитие гражданского общества, вопросы организации и структуры политических партий, развитие социального диалога, выработка общественного консенсуса по поводу вступления в ЕС)². Также исследователей интересовало влияние вступления

¹ *Carlin W., Estrin S., Schaffer M.* Measuring Progress in Transition and Towards EU Accession: A Comparison of Manufacturing Firms in Poland, Romania and Spain // *Journal of Common Market Studies*. Dec 2000. Vol. 38. Issue 5. P. 699–729; *Haynes M., Husan R.* Market Failure, State Failure, Institutions and Historical Constraints in the East European Transition // *Journal of Area Studies*. 2002. No 1. P. 105–129; *Hölscher J., Stephan J.* Competition Policy in Central Eastern Europe in the Light of EU Accession // *Journal of Common Market Studies*. Jun 2004. Vol. 42. Issue 2. P. 321–345; *Johnson D.* Developments in the Economies of the Applicant States // *Journal of Common Market Studies*. Sep 2004. Supplement 1. Vol. 42. Issue s1. P. 187–202; *Idem.* Developments in the Economies of the New Member States and the Candidate Countries // *Journal of Common Market Studies*. Sep 2005. Supplement 1. Vol. 43. Issue s1. P. 199–214; *Radosevic S.* A Two-Tier or Multi-Tier Europe? Assessing the Innovation Capacities of Central and East European Countries in the Enlarged EU // *Journal of Common Market Studies*. Sep 2004. Vol. 42. Issue 3. P. 641–666.

² *Baker S., Welsh I.* Differentiating Western Influences on Transition Societies in Eastern Europe: A Preliminary Exploration // *Journal of European Area*

в ЕС на административные и территориально-административные реформы в странах-кандидатах, их готовность эффективно работать в правовом поле Евросоюза, в его институтах и «опорах»¹; рассматривались вопросы влияния процесса восточного расширения Европейского союза на развитие субрегионального сотрудничества между странами Центральной и Восточной Европы². Ряд исследований был

Studies. 2000. No 1. P. 79–103; *Dobre A.-M.* EU Conditionality Building and Romanian Minority Rights Policy: Towards the Europeanisation of the Candidate Countries // Perspectives on European Politics & Society. May 2003/ Vol. 4. Issue 1. P. 55–83; *Galbreath D.* The Politics of European Integration and Minority Rights in Estonia and Latvia // Perspectives on European Politics & Society. May 2003. Vol. 4. Issue 1. P. 35–53; *Hanley S.* Are the Exceptions Really the Rule? Questioning the Application of 'Electoral-Professional' Type Models of Party Organisation in East Central Europe // Perspectives on European Politics & Society. Dec 2001. Vol. 2. Issue 3. P. 453–479; *Haynes M., Husan R.* Market Failure, State Failure, Institutions, and Historical Constraints in the East European Transition // Journal of Area Studies, 2002. No 1. P. 105–129; *Letki N.* Lustration and Democratisation in East-Central Europe // Europe-Asia Studies. Jun 2002. Vol. 54. Issue 4. P. 529–552; *Pridham G.* EU Enlargement and Consolidating Democracy in Post-Communist States — Formality and Reality // Journal of Common Market Studies. Dec 2002. Vol. 40. Issue 5. P. 953–973; *Idem.* EU Accession and Domestic Politics: Policy Consensus and Interactive Dynamics in Central and Eastern Europe // Perspectives on European Politics & Society. Dec 2000. Vol. 1. Issue 1. P. 49–74; *Vatta A.* The Enlargement of the European Union and Social Dialogue in Central and Eastern Europe // Perspectives on European Politics & Society. May 2001. Vol. 2. Issue 1. P. 127–146.

¹ *Brown D.* The New Hurdle: The Prospects For Polish And Estonian Accession To 'Pillar III' in the Post-Tampere European Union // Perspectives on European Politics & Society. Dec 2000. Vol. 1. Issue 1. P. 147–164; *Ferry M.* The Asia and recent regional reform in Poland // Europe-Asia Studies. Nov 2003. Vol. 55. Issue 7. P. 1097–1116. *Hughes J., Sasse G., Gordon C.* Conditionality and Compliance in the EU's Eastward Enlargement: Regional Policy and the Reform of Subnational Government // Journal of Common Market Studies. Sep 2004. Vol. 42. Issue 3. P. 523–551; *Marek D., Baun M.* The EU as a Regional Actor: The Case of the Czech Republic // Journal of Common Market Studies. Dec 2002. Vol. 40. Issue 5. P. 895–919; *Papadimitriou D., Phinnemore D.* Europeanization, Conditionality and Domestic Change: The Twinning Exercise and Administrative Reform in Romania // Journal of Common Market Studies. Sep 2004. Vol. 42. Issue 3. P. 619–639.

² *Dangerfield M.* Subregional Cooperation in Central and Eastern Europe: Support or Substitute for the 'Return to Europe'? // Perspectives on European Politics & Society. May 2001. Vol. 2. Issue 1. P. 55–77.

посвящен трансформации военно-гражданских отношений в новых странах ЕС и странах-кандидатах¹.

Значительное количество исследований было посвящено вопросам комплексного влияния расширения Евросоюза на отдельные страны-кандидаты². В рамках рассмотрения этой тематики встречались такие понятия, как «трудные кандидаты» (*awkward states*), под которыми подразумевались, например, такие страны, как Словакия, Хорватия и Сербия, и «серая зона»³. Также предпринимались

¹ *Bellamy A., Edmunds T. Civil-military Relations in Croatia: Politicisation and Politics of Reform // European security, 2005. No 1. P. 71–93; Edmunds T. Civil-military Relations in Serbia-Montenegro: An Army in Search of a State // European security, 2005. No 1. P. 115–135; Cottey A., Edmunds T., Forster A. Civil-Military Relations in Postcommunist Europe: Assessing the Transition // European security, 2005. No 1. P. 1–16; Dunau P. The Half-Hearted Transformation of the Hungarian Military // European security, 2005. No 1. P. 17–32; Latawski P. The Transformation of Postcommunist Civil-military Relations in Poland // European security, 2005. No 1. P. 33–50; Trapans, J. A. Democracy and Defence in Latvia: Thirteen Years of Development: 1991–2004 // European security, 2005. No 1. P. 51–70; Watts L. The transformation of Romanian Civil-military Relations: Enabling force Projection // European security, 2005. No 1. P. 95–114.*

² *Csaba L. Between Transition and Asia Accession: Hungary at the Millennium // Europe-Asia Studies. Jul 2000. Vol. 52. Issue 5. P. 805–827; Dimitrova A., Dragneva R. Bulgaria's Road to the European Union: Progress, Problems and Perspectives // Perspectives on European Politics & Society. May 2001. Vol. 2. Issue 1. P. 79–104; Elsuwege P.-V. From Soviet Republics to EU Member States: A Legal and Political Assessment of the Baltic States. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2008; Phinnemore D. Stuck in the 'Grey Zone'? — Fears and Frustrations in Romania's Quest for EU Membership // Perspectives on European Politics & Society. Dec 2000. Vol. 1. Issue 1. P. 95–121; Pridham G. The European Union's Democratic Conditionality and Domestic Politics in Slovakia: the Mečiar and Dzurinda Governments Compared // Europe-Asia Studies. Mar 2002. Vol. 54. Issue 2. P. 203–227; Raun T. U. Estonia after 1991: Identity and Integration // East European Politics & Societies. November 2009. No 23. P. 526–534; Rovna L. A. The Enlargement of the European Union: The Case of the Czech Republic // Perspectives on European Politics & Society. May 2001. Vol. 2. Issue 1. P. 105–126.*

³ *Field H. Awkward states: EU enlargement and Slovakia, Croatia and Serbia // Perspectives on European Politics & Society. Dec 2000, Vol. 1. Issue 1. P. 123–146; Phinnemore D. Stuck in the 'Grey Zone'? — Fears and Frustrations in Romania's Quest for EU Membership // Perspectives on European Politics & Society. Dec 2000. Vol. 1. Issue 1. P. 95–121.*

попытки провести сравнительный анализ между региональными измерениями восточного расширения ЕС, анализировались понятия «старая» и «новая» Европа¹.

Помимо этого, исследователей интересовали вопросы влияния расширения Евросоюза на его политику, институты, фонды, социальную сферу и миграционные процессы между новыми и старыми участниками Европейского союза².

Российской проблематике в контексте восточного расширения Евросоюза уделялось не так много внимания. Поднимались вопросы о том, как расширение ЕС на Восток может повлиять на отношения Евросоюза с Россией, включая тему особого географического положения Калининграда³. Ряд исследований был посвящен двухсторонним отношениям России со странами «восточного расширения ЕС» (прежде всего со странами Балтии) и тому, как эти страны в будущем смогут влиять на формирование политики ЕС в отношении России⁴, также поднимался вопрос о национальных мень-

¹ *Roter P., Šabič Z.* 'New' and 'Old Europe' in the Context of the Iraq War and its Implications for European Security // *Perspectives on European Politics & Society*. Dec 2004. Vol. 5. Issue 3. P. 517–542; *Walter C. Jr.* Ethnic peace, ethnic conflict: Complexity theory on why the Baltic is not the Balkans // *Communist and post-communist studies*, 2010. № 3. P. 245–261.

² *Bailey D., De Propris L.* A Bridge Too Phare? EU Pre-Accession Aid and Capacity-Building in the Candidate Countries // *Journal of Common Market Studies*. Mar 2004. Vol. 42. Issue 1. P. 77–98; *Daugbjerg C., Swinbank A.* The CAP and EU Enlargement: Prospects for an Alternative Strategy to Avoid the Lock-in of CAP Support // *Journal of Common Market Studies*. Mar 2004. Vol. 42. Issue 1. P. 99–119; *Kraus M., Schwager R.* EU Enlargement and Immigration // *Journal of Common Market Studies*. Mar 2004. Vol. 42. Issue 1. P. 165–181.

³ *Galbreath D. J., Lasas A.* The 'Baltic' Factor in EU-Russian Relations: In Search of Coherence and Co-operation in an Era of Complexity // *Journal of Contemporary European Studies*. Jun 2011. Vol. 19. Issue 2. P. 261–272; *Gower J.* EU-Russian Relations and the Eastern Enlargement: Integration or Isolation? // *Perspectives on European Politics & Society*. Dec 2000. Vol. 1. Issue 1. P. 75–93; *Holtom P.* The Kaliningrad Test in Russian-EU Relations // *Perspectives on European Politics & Society*. May 2005. Vol. 6. Issue 1. P. 31–54.

⁴ *Braun A.* Resetting Russian-Eastern European relations for the 21st century // *Communist and Post-Communist studies*, 2012. No 3–4. P. 389–400; *Identity and Foreign Policy: Baltic–Russian Relations and European Integration* / Berg E., Ehin P. (eds). — Aldershot: Ashgate, 2009; *Galbreath D. J., Lasas A. &*

шинствах в странах Балтии¹. Количество работ, анализирующих отношения России и стран Балтии, стало увеличиваться уже после вступления этих стран в ЕС.

В контексте сегодняшней повестки расширения Евросоюза можно выделить работы, посвященные актуальным текущим проблемам формирования политики ЕС на этом направлении², также есть

Lamoreaux J. W. Continuity and Change in the Baltic Sea Region: Comparing Foreign Policies. On the Boundary of Two Worlds: Identity, Freedom and Moral Imagination in the Baltics Series. Amsterdam & New York: Rodopi, 2008; *Galbreath D. J., Lasas A.* The 'Baltic' Factor in EU-Russian Relations: In Search of Coherence and Co-operation in an Era of Complexity // *Journal of Contemporary European Studies*. Jun 2011. Vol. 19. Issue 2. P. 261–272; *Grigas A.* Legacies, Coercion and Soft Power: Russian Influence in the Baltic States. Chatham house Briefing Paper, August 2012; *Haukkala H.* A Close Encounter of The Worst Kind? The Logic of Situated Actors and the Statue Crisis Between Estonia and Russia // *Journal of Baltic Studies*, 2009. No 2. P. 201–213; *Lamoreaux J.* Acting small in a large state's world: Russia and the Baltic states // *European Security*, 2014. No 4. P. 565–582; The Different Faces of "Soft Power": The Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU / Ed. by T. Rostoks and A. Spruds. — Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2015; *Makarychev A.* The Crisis in Ukraine and the Baltic Sea Region A Spillover of the Conflict? PONARS Eurasia Policy Memo. No 345. September 2014; *Nielsen K. L.* Opportunities and Limitations for the Baltic States of the EU-Russia Strategic Partnership // *Baltic Security & Defence Review*. 2007. Vol. 9. P. 109–130; *Rácz A.* The Greatest Common Divisor: Russia's Role in Visegrad Foreign Policies // *The Polish Quarterly of International Affairs*, 2012. No 4; *Roll G.* Civil Society Cooperation in the Face of Territorial Adversity: The Estonian-Russian Case // *Journal of European Integration*. Sep 2010. Vol. 32. Issue 5. P. 475–490.

¹ *Galbreath D.* The Politics of European Integration and Minority Rights in Estonia and Latvia // *Perspectives on European Politics & Society*. May 2003. Vol. 4. Issue 1. P. 35–53; *Solska M.* Citizenship, Collective Identity and the International Impact on Integration Policy in Estonia, Latvia and Lithuania // *Europe-Asia Studies*, 2011. Vol. 63. Issue 6. P. 1089–1108.

² *Carroll D.* How selective should the European Union be when selecting its future members? // *Journal of Balkan & Near Eastern Studies*. Sep 2010. Vol. 12. Issue 3. P. 275–289; *Cirtautas A. M., Schimmelfennig F.* Europeanization before and after accession: Conditionality, legacies and compliance // *Europe-Asia Studies*. May 2010. Vol. 62. Issue 3. P. 421–441; *Fouere E.* The EU's Enlargement Agenda — Credibility at Stake? CEPS Policy Brief. No 324. 31 October, 2014; *Kelemen D., Menon A., Slapin J.* Wider and deeper? Enlargement and integration in the European Union // *Journal of European Public Policy*, 2014. Vol. 21. Issue 5. P. 647–663.

исследования, посвященные западнобалканскому направлению расширения Евросоюза¹ и перспективам вступления в ЕС Турции².

Наконец, в контексте прошедшего восточного расширения и сегодняшнего процесса расширения ЕС в исследованиях анализировались проблемы европеизации и европейской идентичности, политическая условность ЕС (*political conditionality*), формирование общественного мнения в странах-кандидатах по вопросу о вступлении в ЕС и проведение референдумов о вступлении, восприятие расширения ЕС в элитах и обществе, феномен евроскептицизма в странах-кандидатах, феномен «усталости от расширения»³; в одном из

¹ *Kacarska S.* Losing the Rights along the Way: The EU-Western Balkans Visa Liberalisation // *Perspectives on European Politics and society*, 2015. No 3. P. 363–378; *Ker-Lindsay J., Economides S.* Standards before Status before Accession: Kosovo's EU Perspective // *Journal of Balkan & Near Eastern Studies*. Mar 2012. Vol. 14. Issue 1. P. 77–92; *Noutcheva G., Aydin-Düzgit S.* Lost in Europeanisation: The Western Balkans and Turkey // *West European Politics*, 2012. Vol. 35. Issue 1. P. 59–78; *Panagiotou R.* Albania and the EU: from isolation to integration // *Journal of Balkan & Near Eastern Studies*. Sep 2011. Vol. 13. Issue 3. P. 357–374; *Pickering P. M.* The Constraints on European Institutions' Conditionality in the Western Balkans // *Europe-Asia Studies*, 2011. Vol. 63. Issue 10. P. 1939–1944; *Ramet S. P.* Croatia and Serbia since 1991: An Assessment of Their Similarities and Differences // *Journal of Communist Studies & Transition Politics*, 2011. Vol. 27. Issue 2. P. 263–290.

² *Erisen C., Erisen E.* Attitudinal Ambivalence towards Turkey's EU Membership // *Journal of Common Market Studies*, 2014. Vol. 52. Issue 2. P. 217–233; *Gerhards J., Hans S.* Why not Turkey? Attitudes towards Turkish Membership in the EU among Citizens in 27 European Countries // *Journal of Common Market Studies*, 2011. Vol. 49. Issue 4. P. 741–766; *Karakas C.* EU-Turkey: Integration without Full Membership or Membership without Full Integration? A Conceptual Framework for Accession Alternatives // *Journal of Common Market Studies*, 2013. Vol. 51. Issue 6. P. 1057–1073; *Müftüler-Baç M.* Turkey's Accession to the European Union: The Impact of the EU's Internal Dynamics // *International Studies Perspectives*. 2008. Vol. 9. Issue 2. P. 201–219; *Noutcheva G., Aydin-Düzgit S.* Lost in Europeanisation: The Western Balkans and Turkey...

³ *Caplanova A., Orviska M., Hudson J.* Eastern European Attitudes to Integration with Western Europe // *Journal of Common Market Studies*. Jun 2004. Vol. 42. Issue 2. P. 271–287; *Cirtautas A. M., Schimmelfennig F.* Europeanization before and after accession: Conditionality, legacies and compliance...; *Dobre A.-M.* EU Conditionality Building and Romanian Minority Rights Policy: Towards the Europeanisation of the Candidate Countries...; *Henderson K.* Developments in the Applicant States // *Journal of Common Market Studies*. Sep 2004. Supplement 1. Vol. 42. Issue s1. P. 153–167; *Herranz-Surrallés A.* Justifying Enlargement in a Multi-level

исследований поднимался вопрос о том, как повлияли последствия восточного расширения ЕС на представления о разделении Европы на западную и восточную части за последние десять лет¹.

Упомянутые в обзоре работы, безусловно, не исчерпывают исследовательскую повестку по тематике влияния восточного расширения ЕС на отношения между Россией и Евросоюзом, но дают представление об основных направлениях и характере зарубежных исследований в этой области.

Polity: A Discursive Institutional Analysis of the Elites-Public Gap over European Union Enlargement // *Journal of Common Market Studies*. May 2012. Vol. 50. Issue 3. P. 385–402; *Hughes J., Sasse G., Gordon C.* Conditionality and Compliance in the EU's Eastward Enlargement: Regional Policy and the Reform of Sub-national Government // *Journal of Common Market Studies*. Sep 2004. Vol. 42. Issue 3. P. 523–551; *Papadimitriou D., Phinnemore D.* Europeanization, Conditionality and Domestic Change: The Twinning Exercise and Administrative Reform in Romania...; *Pickering P. M.* The Constraints on European Institutions' Conditionality in the Western Balkans // *Europe-Asia Studies*. Dec 2011. Vol. 63. Issue 10. P. 1939–1944; *Pridham G.* EU Accession and Domestic Politics: Policy Consensus and Interactive Dynamics in Central and Eastern Europe // *Perspectives on European Politics & Society*. Dec 2000. Vol. 1. Issue 1. P. 49–74; *Idem.* The European Union's Democratic Conditionality and Domestic Politics in Slovakia: the Mečiar and Dzurinda Governments Compared // *Europe-Asia Studies*. Mar 2002. Vol. 54. Issue 2. P. 203–227; *Rulikova M.* The Influence of Pre-Accession Status on Euroscepticism in EU Candidate Countries // *Perspectives on European Politics & Society*. May 2004. Vol. 5. Issue 1. P. 29–60; *Winn N.* In Search of Europe's Internal and External Borders: Politics, Security, Identity and the European Union // *Perspectives on European Politics & Society*. Dec 2000. Vol. 1. Issue 1. P. 19–48.

¹ *Epstein R. A., Jacoby W.* Eastern Enlargement Ten Years On: Transcending the East-West Divide // *Journal of Common Market Studies*. Jan 2014. Vol. 52. Issue 1. P. 1–16.

6.

Проблематика общего соседства ЕС и России в контексте отношений между Евросоюзом и Россией

Проблематике общего соседства Европейского союза и России в контексте отношений между ними в настоящее время посвящается все больше зарубежной академической литературы. Интерес зарубежных исследователей к этой теме стимулировали три вида факторов: процессы, происходящие внутри ЕС, важные политические события в странах «общего соседства», развитие и изменения политики России по отношению к этим странам. Получение этими государствами независимости в начале 1990-х гг. определило первоначальный интерес зарубежных исследователей к проблематике региона. Затем расширение ЕС на Восток 2004 и 2007 гг., запуск Европейской политики соседства в 2003–2004 гг., а также феномен «цветных революций» в ряде государств «общего соседства» вызвали вторую волну интереса исследователей. Наконец, сегодняшняя ситуация в российско-украинских отношениях и последовавший кризис в отношениях ЕС и России значительно усилили актуальность данной проблематики для зарубежных академических исследований.

Научная и экспертная литература по тематике региона «общего соседства» в контексте отношений между ЕС и Россией фокусируется на нескольких направлениях.

Во-первых, можно выделить работы, посвященные концептуализации региона «восточного соседства» Евросоюза в рамках общей концепции «соседства ЕС» (включает южных и восточных соседей ЕС), развития политического, экономического и институционального инструментария ЕС по конструированию регионов «соседства» и отношений с третьими странами на пространстве «соседства ЕС»¹.

¹ *Delcour L.* Shaping the post-Soviet Space? EU Policies and Approaches to Region-Building. Ashgate. 2011; *Gstöhl S.* Models of external differentiation in the EU's neighbourhood: an expanding economic community? // *Journal of European Public policy*, 2015. No 6. P. 854–870; *Joenniemi P.* Turning into a Sovereign Actor? Probing the EU Through the Lens of Neighbourhood // *Geopolitics*, 2012. Vol. 17. Issue 1. P. 25–46; *Langbein J., Börzel T.* Explaining Policy Change in the European

Во-вторых, ряд работ посвящен непосредственно выработке и реализации политик ЕС по развитию отношений со странами региона «общего соседства» Евросоюза и России («Европейская политика соседства»¹ и «Восточное партнерство»²), а также отдельным их институтам³. Также ряд исследований анализируют проблемы развития отношений между ЕС и странами региона «общего соседства» в контексте их отношения к «Европейской политике соседства» и «Восточному партнерству»⁴.

Union's Eastern Neighbourhood // *Europe-Asia Studies*. Jun 2013. Vol. 65. Issue 4. P. 571–580; *Langbein J.* European Union Governance towards the Eastern Neighbourhood: Transcending or Redrawing Europe's East-West Divide? // *Journal of Common Market Studies*. Jan 2014. Vol. 52. Issue 1. P. 157–174; *Simão L.* Region-building in the eastern neighbourhood: assessing EU regional policies in the South Caucasus // *East European Politics*. Sep 2013, Vol. 29. Issue 3. P. 273–288; *The New Eastern Europe: Ukraine, Belarus, Moldova*. Center for Trans-Atlantic Relations / Hamilton D., Mangott G. (eds.). — Washington D. C., Austrian Institute of International Affairs. 2007; *White S., McAllister I., Feklyunina V.* Belarus, Ukraine and Russia: East or West? // *British Journal of Politics & International Relations*. Aug 2010, Vol. 12. Issue 3. P. 344–367.

¹ *Fischer S., Lannon E.* The ENP Strategic Review: the EU and its Neighbors at a Crossroad. EUISS Analysis, 23 of May, 2011; *Korosteleva E., Natorski M., Simão L.* The eastern dimension of the European neighbourhood policy: practices, instruments and social structures // *East European Politics*. Sep 2013. Vol. 29. Issue 3. P. 257–272.

² *Delcour L.* The institutional functioning of the Eastern Partnership: An Early Assessment. ECEAP EaP Review, No 1. 2011; *Korosteleva E.* The Eastern Partnership Initiative: A New Opportunity for Neighbours? // *Journal of Communist Studies & Transition Politics*. Mar 2011. Vol. 27. Issue 1. P. 1–21; *Kostanyan H., Orbie J.* The EEAS' discretionary power within the Eastern Partnership: in search of the highest possible denominator // *Journal of Southeast European & Black Sea Studies*. Mar 2013. Vol. 13. Issue 1. P. 47–65.

³ *Kourtikakis K., Turkina E.* Civil Society Organizations in European Union External Relations: A Study of Interorganizational Networks in the Eastern Partnership and the Mediterranean // *Journal of European Integration*, 2015. No 4. P. 587–609.

⁴ *Bosse G.* The EU relations with Moldova: Governance, partnership or ignorance? // *Europe-Asia Studies*. Oct 2010. Vol. 62. Issue 8. P. 1291–1309; *Danii O., Mascauteanu M.* Moldova Under the European Neighbourhood Policy: 'Falling Between Stools' // *Journal of Communist Studies & Transition Politics*. Mar 2011. Vol. 27. Issue 1. P. 99–119; *Dragneva R., Wolczuk K.* The EU-Ukraine Association Agreement and the Challenges of Inter-Regionalism // *Review of Central & East European Law*, 2014. Vol. 39. Issue ¾. P. 213–244; *Gawrich A., Melnykovska I.,*

В-третьих, определенное количество исследований посвящено отдельным аспектам реализации политик ЕС по отношению к региону «общего соседства» ЕС и России в его международном контексте (например, это поддержка демократических институтов и антикоррупционная политика в странах «общего соседства»¹, проблематика безопасности в регионе «общего соседства» и роль ЕС в ее поддержке²). Также иногда на материале развития отношений между ЕС и странами «общего соседства» делается попытка выработки новых концепций и категорий и их теоретическое осмысление (например, «EU external governance»)³.

В-четвертых, ряд работ посвящен важным событиям внутри стран региона «общего соседства», включая международный контекст этих событий (например, феномен «цветных революций»⁴, «заморожен-

Schweickert R. Neighbourhood Europeanization through ENP: The Case of Ukraine // *Journal of Common Market Studies*. Nov 2010. Vol. 48. Issue 5. P. 1209–1235; *Pardo Sierra O.* Shaping the Neighbourhood? The EU's Impact on Georgia // *Europe-Asia Studies*. Oct 2011. Vol. 63. Issue 8. P. 1377–1398; *Rotman D., Veremeva N.* Belarus in the Context of the Neighbourhood Policy: Between the EU and Russia // *Journal of Communist Studies & Transition Politics*. Mar 2011. Vol. 27. Issue 1. P. 73–98; *Stegniy O.* Ukraine and the Eastern Partnership: 'Lost in Translation'? // *Journal of Communist Studies & Transition Politics*. Mar 2011. Vol. 27. Issue 1. P. 50–72.

¹ *Börzel T., Pamuk Y.* Pathologies of Europeanisation: Fighting Corruption in the Southern Caucasus // *West European Politics*. Jan 2012. Vol. 35. Issue 1. P. 79–97; *Lavenex S., Schimmelfennig F.* EU democracy promotion in the neighbourhood: from leverage to governance? // *Democratization*. Aug 2011. Vol. 18. Issue 4. P. 885–909; *Sasse G.* Linkages and the promotion of democracy: the EU's eastern neighbourhood // *Democratization*. Jun 2013. Vol. 20. Issue 4. P. 553–591; *Simão L.* The problematic role of EU democracy promotion in Armenia, Azerbaijan and Nagorno-Karabakh // *Communist and post-communist studies*, 2012. № 1–2. P. 193–200; *Szent-Iványi B.* The EU's Support for Democratic Governance in the Eastern Neighbourhood: The Role of Transition Experience from the New Member States // *Europe-Asia Studies*. Sep 2014. Vol. 66. Issue 7. P. 1102–1121.

² *Delcour L.* The European Union, a security provider in the eastern neighbourhood? // *European Security*, 2010. Vol. 19. Issue 4. P. 535–549.

³ *Dimitrova A., Dragneva R.* Constraining external governance: interdependence with Russia and the CIS as limits to the EU's rule transfer in the Ukraine // *Journal of European Public Policy*, 2009. № 6. P. 853–872; *Lavenex S., Schimmelfennig F.* EU rules beyond EU borders: theorizing external governance in European politics // *Journal of European Public Policy*, 2009. No 6. P. 791–812.

⁴ *Cheterian V.* From Reform and Transition to 'Coloured Revolutions' // *Journal of Communist Studies & Transition Politics*. Jun 2009. Vol. 25. Issue 2/3.

ные конфликты»¹). В целом большинство научных трудов зарубежных исследователей рассматривает страны пространства «общего соседства» как относительно молодые государства, политическая консолидация которых (как суверенных государств и их политических институтов) должна быть связана с процессами их европеизации.

В-пятых, существуют работы, в которых проводится сравнительный анализ подходов Евросоюза и России к выстраиванию отношений со странами региона их «общего соседства» и постсоветского пространства в целом². Увеличивается количество исследований,

P. 136–160; *Lane D.* ‘Coloured Revolution’ as a Political Phenomenon // *Journal of Communist Studies & Transition Politics*. Jun 2009. Vol. 25. Issue 2/3. P. 113–135; *Silitiski V.* “Survival of the fittest”: Domestic and international dimensions of the authoritarian reaction in the former Soviet Union following the colored revolutions // *Communist and post-communist studies*, 2010. № 4. P. 339–350; *White S., McAllister I.* Rethinking the ‘Orange Revolution’ // *Journal of Communist Studies & Transition Politics*. Jun 2009. Vol. 25. Issue 2/3. P. 227–254; *Wilson J.* Coloured Revolutions: The View from Moscow and Beijing // *Journal of Communist Studies & Transition Politics*. Jun 2009. Vol. 25. Issue 2/3. P. 369–395; *White S.* Is There a Pattern? // *Journal of Communist Studies & Transition Politics*. Jun 2009. Vol. 25. Issue 2/3. P. 396–412.

¹ *Caspersen N.* Regimes and peace processes: Democratic (non)development in Armenia and Azerbaijan and its impact on the Nagorno-Karabakh conflict // *Communist and post-communist studies*, 2012. № 1–2. P. 131–139; *Kolstø P., Blakkisrud H.* De facto states and democracy: The case of Nagorno-Karabakh // *Communist and post-communist studies*, 2012. № 1–2. P. 141–151; *Protsyk O.* Secession and hybrid regime politics in Transnistria // *Communist and post-communist studies*, 2012. № 1–2. P. 175–182; *Tudoroiu T.* The European Union, Russia, and the Future of the Transnistrian Frozen Conflict // *East European Politics & Societies* February, 2012. No 1. P. 135–161.

² *Adomeit H.* Russia and its Near Neighbourhood: Competition and Conflict with the EU. College of Europe Natolin Research Paper, 2011/4; *Averre D.* Competing rationalities: Russia the EU and the “Shared Neighborhood” // *Europe-Asia Studies*. Dec 2009. Vol. 61. Issue 10. P. 1689–1713; *Pardo Sierra O.* No man’s land? A comparative analysis of the EU and Russia’s influence in the Southern Caucasus // *Communist and post-communist studies*, 2011. № 3. P. 233–243; *Radchuk T.* Contested Neighbourhood, or How to Reconcile the Differences // *Journal of Communist Studies & Transition Politics*. Mar 2011. Vol. 27. Issue 1. P. 22–49; *The CIS, the EU and Russia. Challenges of Integration* / K. Malfliet, L. Verpoest, E. Vinokurov (eds.). — New York: Palgrave Macmillan. 2007; *Wilson A., Popescu N.* Russian and European neighbourhood policies compared // *Journal of Southeast European & Black Sea Studies*. Sep 2009. Vol. 9. Issue 3. P. 317–331.

посвященных анализу российской политики на постсоветском пространстве¹, проектов евразийской интеграции и ее институтов² (довольно часто проекты евразийской интеграции рассматриваются как «продолжение» политики России на постсоветском пространстве). Также увеличивается количество работ, посвященных российско-украинским отношениям, их текущему кризису и его влиянию на отношения между Россией и ЕС (а также Западом в целом), политике ЕС и его отдельных стран-членов по отношению к этому кризису³.

¹ *Gayoso C.* Russian hegemonies: historical snapshots, regional security and changing forms of Russia's role in the post-Soviet region // *Communist and post-communist studies*, 2009. № 2. P. 233–252; *Krickovic A.* Imperial nostalgia or prudent geopolitics? Russia's efforts to reintegrate the post-Soviet space in geopolitical perspective // *Post-Soviet Affairs*, 2014. No 6. P. 503–528; *Maliukevicius N.* (Re)Constructing Russian Soft Power in Post-Soviet Region // *Baltic Security & Defence Review*, 2013. Vol. 15. Issue 2. P. 70–97; *Saari S. S.* Russia's Post-Orange Revolution Strategies to Increase its Influence in Former Soviet Republics: Public Diplomacy по русски // *Europe-Asia Studies*. Jan 2014. Vol. 66. Issue 1. P. 50–66; *Trenin D.* Russia and the New Eastern Europe // *Russian Politics & Law*. Nov/Dec 2011. Vol. 49. Issue 6. P. 38–53.

² *Dragneva R., Wolczuk K.* Russia, The Eurasian Customs Union and the EU; Cooperation, Stagnation, Rivalry? Chatham House Briefing Paper, August, 2012; *Dragneva-Lewers R., Wolczuk K.* Trade and Geopolitics: Should the EU engage with the Eurasian Economic Union? EPC Policy Briefs, 2 of April, 2015; *Moshes A.* The dialogue between the EU and the Eurasian Economic Union: Brussels is desperately looking for “good news” in its relations with Russia. FIIA Comment, December, 2014; *Shendrikova D.* Going regional the Russian way: The Eurasian economic Union between instrumentalism and global social appropriateness. ISPI Working Papers. 3 July, 2015; *Sinikukka S.* Putin's Eurasian Union initiative: Are the premises of Russia's post-Soviet policy changing? UI Brief, 2011. No 9; *Starr S. F., Cornell S.* Putins Grand Strategy: The Eurasian Union and its Discontents, 2014.

³ *Blockmans S.* Ukraine, Russia and the need for more flexibility in EU foreign policy-making. CEPS Policy Briefs, 25 July 2014; *Charap S.* The Ukraine Impasse // *Survival*. Oct/Nov 2014. Vol. 56. Issue 5. P. 225–232; *Emerson M.* Time for a Tripartite Gas Pipeline Consortium for Ukraine. CEPS Commentary. 8 June 2010; *Fleming S.* Framing yourself into a corner: Russia, Crimea, and the minimal action space // *European Security*, 2014. No 4. P. 141–158; *Haukkala H.* From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination of a Long-Term Crisis in EU–Russia Relations // *Journal of Contemporary European Studies*, 2015. No 1. P. 25–40; *Rącz A.* Divided Stands the Visegrad? The V4 have been united towards the Ukraine crisis but remain split concerning Russia. FIIA Briefing Paper, June 2014; *Sakwa R.* The death of Europe? Continental fates after Ukraine // *International Affairs*. May 2015. Vol. 91. Issue 3. P. 553–579; *Sherr J.* Ukraine and Europe: Final Decision? Chatham House Programme Paper, July

Помимо этого, существуют исследования, рассматривающие проблематику «общего соседства» и отношений России и ЕС на этом пространстве в контексте конструирования и развития Черноморского региона и его институтов регионального сотрудничества¹.

Упомянутые в обзоре работы не исчерпывают исследовательскую повестку по данной теме, однако, дают представление об основных тенденциях в ее изучении.

7.

Сотрудничество в области мягкой безопасности

Вопросы сотрудничества России и Евросоюза в области мягкой безопасности нашли свое отражение в зарубежных научных исследованиях. Внимание ученых к этому направлению российско-европейского сотрудничества связано с различными факторами. Это прежде всего особенности Европейского союза, его более активная деятельность в сфере мягкой безопасности по сравнению с традиционной военно-политической безопасностью. Кроме того, сегодняшние проблемы в Евросоюзе в сфере миграции, терроризма, контроля за границами определяют значение сотрудничества в этих вопросах с третьими странами, включая Российскую Федерацию. Наконец, наличие протяженной общей границы между РФ и Евросоюзом влияет на важность согласованных действий между Россией и ЕС в таких вопросах, как контроль за границей, и делает необходимым сотрудничество по противостоянию вызовам безопасности, имеющим транснациональный характер.

2013; *Tsygankov A.* Vladimir Putin's last stand: the sources of Russia's Ukraine policy // *Post-Soviet Affairs*, 2015. No 5. P. 279–303.

¹ *Freire M.* Russian Reactions towards EU–Black Sea Integration // *Journal of Balkan & Near Eastern Studies*. Sep 2014, Vol. 16. Issue 3. P. 370–382; *Hajizada M., Marciacq F.* New regionalism in Europe's Black Sea Region: the EU, BSEC and changing practices of regionalism // *East European Politics*. Sep 2013. Vol. 29. Issue 3. P. 305–327; *Simão L.* The EU's Conflict Resolution Policies in the Black Sea Area // *Journal of Balkan & Near Eastern Studies*. Sep 2014, Vol. 16. Issue 3. P. 300–313; *Triantaphyllou D.* The European Union and the Black Sea Region in Search of a Narrative or a New Paradigm // *Journal of Balkan & Near Eastern Studies*. Sep 2014. Vol. 16. Issue 3. P. 286–299.

Обзор зарубежных исследований, посвященных проблемам сотрудничества между Россией и Европейским союзом в сфере мягкой безопасности, базируется на публикациях в академических журналах (например, “Cooperation and Conflict”, “Environmental Politics”, “European Security”, “Europe-Asia Studies”, “European Journal of Migration and Law”, “Geopolitics”, “The International Spectator”, “Journal of Baltic Studies”, “Journal of Borderlands Studies”, “Journal of Contemporary European Studies”), публикациях научно-исследовательских институтов (например, Центра европейских политических исследований), коллективных монографиях, сборниках материалов научных конференций (например, конвентов Ассоциации международных исследований) и др.

Проанализировав многочисленные публикации, в которых раскрываются различные аспекты сотрудничества между Россией и Европейским союзом в области мягкой безопасности, можно выделить несколько тематических групп: (1) исследования, в которых рассматриваются теоретические аспекты сотрудничества в области мягкой безопасности в целом и в борьбе с конкретными вызовами мягкой безопасности; (2) работы, посвященные сотрудничеству России и ЕС в вопросах правосудия и внутренней политики, в частности общему пространству свободы, безопасности и правосудия; (3) публикации о координации действий между Россией и ЕС в вопросе регулирования миграции и об упрощении визового режима; (4) научные работы, посвященные контролю за границами; (5) исследования, в которых рассматриваются различные направления экологического сотрудничества; (6) научные публикации, в которых анализируется опыт регионального сотрудничества между Россией и ЕС в сфере мягкой безопасности.

Теоретические аспекты сотрудничества в области мягкой безопасности и концептуализация конкретных направлений сотрудничества рассматриваются в публикациях К. Лайтинена, Дж. Шера, И. Лииканена, К. Браунинга¹.

¹ *Browning C. S. Experimenting in the northern laboratory: the emergence of an EU approach to security governance in the north and its broader significance // European Security. Sep 2010. Vol. 19. No 3. P. 395–411; Laitinen K. Geopolitics of the Northern Dimension: A Critical View on Security Borders // Geopolitics. Mar 2003. Vol. 8. No 1. P. 20–44; Liikanen I. New neighbourhood and cross-border*

Среди зарубежных публикаций, посвященных сотрудничеству России и ЕС в вопросах правосудия и внутренней политики, включая развитие общего пространства свободы, безопасности и правосудия, можно выделить работы С. Лавенекс, О. Потемкиной, Ф. Тассинари, К. Хендерсона, Р. Эрнандеса-и-Сагреры¹.

Вопросы сотрудничества в сфере контроля миграционных потоков между Россией и Евросоюзом, а также регулирование и упрощение визового режима исследуются в публикациях Ж.. ДеБарделебен, Л. Биссон, Л. Жизномирской, Б. Зеллингера, И. Крузе, Ш. Макарян, С. Макинен, О. Потемкиной, Х. Смит, Ф. Траунера, Э. М. Ушарера, Т. Форсберга, Р. Эрнандеса-и-Сагреры².

region-building: Identity politics of CBC on the Finnish-Russian border // *Journal of Borderlands Studies*. Sep 2008. Vol. 23. No 3. P. 19–38; *Sherr J.* Strengthening “Soft” Security: What is to be Done? // *European Security*. Jan 2004. Vol. 13. No 1–2. P. 157–167.

¹ *Hernández-i-Sagrera R. and O. Potemkina.* Russia and the Common Space on Freedom, Security and Justice // *CEPS Paper in Liberty and Security in Europe*. Febr 2013. No 54; *Lavenex S.* Justice and home affairs and the EU new neighbours: governance beyond membership? // *K. Henderson (ed.)*. The area of freedom, security and justice in the enlarged Europe. London: Palgrave Macmillan, 2005. P. 89–109; *Potemkina O.* Russia’s engagement with Justice and Home Affairs: a question of mutual trust // March 2002. *CEPS Policy Brief*. No 16; *Idem.* EU-Russia cooperation on the common space of freedom, security and justice — a challenge or an opportunity? // *European Security*, 2010. Vol. 19. No 4. P. 551–568; *Tassinari F.* A riddle inside an enigma: Unwrapping the EU-Russia strategic partnership // *The International Spectator*. Jan 2005. Vol. 40. No 1. P. 45–57; *The area of freedom, security and justice in the enlarged Europe*. London: Palgrave Macmillan, 2005.

² *Bisson L.* Cooperation Between Russia and the EU in the Sphere of Migration // *Russian Politics & Law*. Nov 2014. Vol. 52. No 6. P. 76–93; *Hernández-i-Sagrera R.* The Impact of Visa Liberalisation in Eastern Partnership Countries, Russia and Turkey on Trans-Border Mobility // *CEPS Paper in Liberty and Security in Europe*. Mar 2014. No 63; *Idem.* The EU-Russia readmission — visa facilitation nexus: an exportable migration model for Eastern Europe? // *European Security*. Dec 2010. Vol. 19. No 4. P. 569–584; *Lavenex S. and UçArer E. M.* The External Dimension of Europeanization: The Case of Immigration Policies // *Cooperation and Conflict*. Dec 2004. Vol. 39. No 4. P. 417–443; *Makaryan S.* Construction of Migration Policies in the Eastern Neighbourhood of the European Union // *Journal of Contemporary European Studies*. Apr 2015. Vol. 23. No 2. P. 222–237; *Mäkinen S., Smith H. and T. Forsberg.* ‘With a Little Help from my Friends’: Russia’s Modernisation and the Visa Regime with the European Union // *Europe-Asia*

Отдельно можно выделить зарубежные исследования, в которых рассматриваются различные вопросы, связанные с границами: вопросы регулирования границ; взаимодействие, направленное на решение проблем безопасности, возникающих на границе; совершенствование основных практик, действующих на границах России и стран — членов ЕС; особые формы международного сотрудничества, возникающие на приграничных территориях (Э. Берг, Дж. ДеБарделебен, С. Голунов, В. Кононенко, Ю. Котилайнен, К. Кох, И. Лииканен, Дж. У. Скотт, К. Стоклоза, Х. Эскелинен, П. Юкарайнен)¹.

Studies, 2016. Vol. 68. No 1. P. 164–181; *Potemkina O.* Some ramification on the EU-Russia relations and the schengen regime // *European journal of migration and law*, 2003. Vol. 5. No 2. P. 229–472; *Idem.* ‘Friedly Schengen Border’ and illegal migration: the case of the EU and its direct neighbourhood // *J. DeBardeleben* (ed.). *Soft or hard borders. Managing the divide in an enlarged Europe.* Aldershot: Ashgate, 2005. P. 165–182; *Soft or hard borders. Managing the divide in an enlarged Europe* / *J. DeBardeleben* (ed.). Aldershot: Ashgate, 2005; *Trauner F. and I. Kruse.* EC visa facilitation and readmission agreements: implementing a new security approach in the neighbourhood . CEPS Working Document, 2008. No 290; *Idem.* EC visa facilitation and readmission agreements: A new standard EU foreign policy tool? *European Journal of Migration and Law*, 2008. Vol. 10. P. 411–438; *Trauner F., Kruse I. and B. Zeilinger.* *Values versus security in the external dimension of EU migration policy: a case study on the readmission agreement with Russia* // *G. Noutcheva, K. Pomorska and G. Bosse* (eds). *The EU and its neighbours: values vs security in European foreign policy.* Manchester: Manchester University Press, 2013. P. 201–217; *Zhyznomirska L.* Security concerns in the EU neighbourhood: the effects of EU immigration and asylum policy for Ukraine // *J. DeBardeleben* (ed). *The boundaries of EU enlargement.* London: Palgrave, 2007. P. 147–164.

¹ *Berg E.* Deconstructing border practices in the Estonian-Russian borderland // *Geopolitics.* Dec 2000. Vol. 5. No 3. P. 78–98; *Eskelinen, H. and P. Jukarainen.* New crossings at different borders: Finland // *Journal of Borderlands Studies.* Mar 2000. Vol. 15. No 1. P. 255–279; *Eskelinen H. and J. Kotilainen.* A vision of a Twin City: Exploring the only case of adjacent urban settlements at the Finnish-Russian Border // *Journal of Borderlands Studies.* Sep 2005. Vol. 20. No 2. P. 31–46; *Golunov S.* EU-Russian Border Crossing: The Dialogical Perspective // *Geopolitics.* Oct 2013. Vol. 18. No 4. P. 933–953; *Idem.* The EU-Russian Borderland: New Contexts for Regional Cooperation // *Journal of Borderlands Studies.* Oct 2014. Vol. 29. No 4. P. 517–518; *Koch K.* Region-Building and Security: The Multiple Borders of the Baltic Sea Region After EU Enlargement // *Geopolitics.* Jul 2015. Vol. 20. No 3. P. 535–558; *Kononenko V.* New departures on the EU-Russian Border? Assessing discourses and policy practices // *Journal of Borderlands Studies.* Sep 2005. Vol. 20. No 2. P. 13–29; *Soft or hard borders. Managing the divide in an*

Среди проблем мягкой безопасности, рассматриваемых в зарубежных исследованиях, следует особо отметить вопросы экологической безопасности и проблемы изменения климата. Данная тематика представлена во множестве научных статей и докладов на конференциях (Дж. Воглер, Н. Г. Заславская, Т. Казир, П. Павлинек, Дж. Пиклс, Д. Скривенер, М. Теннберг, Н. Тинккинен, Дж. Д. Шарплес, А. Хаглунд-Морриссей)¹.

Наконец, многие зарубежные исследователи рассматривают российско-европейское сотрудничество в области мягкой безопасности на примере конкретных регионов и проектов (Р. Бенгтсон, Э. Берг, К. Браунинг, К. Кох, С. Р. Леленд, Ф. Сиута, М. Таннберг, Ф. Тассинари, Н. Тинккинен, А. Х. Хоель)².

enlarged Europe...; *Stoklosa K.* Neighborhood Relations on the Polish Borders: The Example of the Polish-German, Polish-Ukrainian and Polish-Russian Border Regions // *Journal of Borderlands Studies*. Dec 2012. Vol. 27. No 3. P. 245–255; *The EU-Russian Borderland: New Contexts for Regional Cooperation* / *H. Eskelinen, I. Liikanen and J. W. Scott* (eds). — London: Routledge, 2013.

¹ *Casier T.* Russia's Energy Leverage over the EU: Myth or Reality? // *Perspectives on European Politics and Society*. Dec 2011. Vol. 12. No 4. P. 493–508; *Haaglund-Morrissey A.* Conceptualizing the 'New' Northern Dimension: A Common Policy Based on Sectoral Partnerships // *Journal of Contemporary European Studies*. Aug 2008. Vol. 16. No 2. P. 203–217; *Pavlínek P. and J. Pickles.* Environmental Pasts/Environmental Futures in Post-Socialist Europe // *Environmental Politics*. Mar 2004. Vol. 13. No 1. P. 237–265; *Sharples J. D.* Russian approaches to energy security and climate change: Russian gas exports to the EU // *Environmental Politics*. Jul 2013. Vol. 22. No 4. P. 683–700; *Scrivener D.* Environmental co-operation in the euro-arctic // *Environmental Politics*. Jun 1995. Vol. 4. No 2. P. 320–327; *Tennberg M.* Trust in International Environmental Cooperation in Northwestern Russia // *Cooperation and Conflict*. Sep 2007. Vol. 42. No 3. P. 321–335; *Тинккынен N.* Experiences of environmental cooperation between the Nordic countries and Russia: Lessons learned and the way forward // *The New Northern Dimension of the European Neighbourhood*. CEPS, 2008. P. 71–90; *Vogler J.* Changing conceptions of climate and energy security in Europe // *Environmental Politics*. Jul 2013. Vol. 22. No 4. P. 627–645; *Zaslavskaya N.* Regional dimension of international environmental cooperation: environmental cooperation between the European Union and Russia' // *Presentation at the ISA 55th Annual Convention, Spaces and Places — Geopolitics in an Era of Globalization*, Toronto, March 26th–29th, 2014.

² *Bengtsson R.* Soft Security and the Presidency // *Cooperation and Conflict*. Jun 2002. Vol. 37. No 2. P. 212–218; *Berg E.* Deconstructing border practices in the Estonian-Russian borderland // *Geopolitics*. Dec 2000. Vol. 5. No 3. P. 78–98;

Безусловно, взаимодействие России и Евросоюза в области мягкой безопасности представляется актуальным и важным направлением научных исследований. Список публикаций, проанализированных в данном обзоре, не является исчерпывающим, но он позволяет сделать выводы о научных приоритетах зарубежных исследователей и характере публикуемых исследований.

8.

Приграничное сотрудничество и «Северное измерение»

Зарубежные исследователи уделяют достаточно большое внимание вопросам приграничного сотрудничества между Россией и странами — членами Европейского союза. Во многом это связано с несколько меньшим значением политических факторов и практико-ориентированным характером сотрудничества в этой области, в отличие от других областей взаимодействия России и Евросоюза. Другим фактором, повлиявшим на интерес зарубежных исследователей к данной тематике, является стимулирование различных региональных проектов Европейским союзом, как это происходит в регионе Балтийского моря и Северной Европе. Но близкое соседство Евросоюза с Российской Федерацией делает ЕС и его региональные проекты зависимыми от российской политики. Такая зависимость от РФ определяет

Browning C. S. The Internal/External Security Paradox and the Reconstruction of Boundaries in the Baltic: The Case of Kaliningrad'. CIAO Working Papers, 2003; *Ciută F.* Region? Why Region? Security, Hermeneutics, and the Making of the Black Sea Region // Geopolitics. Feb 2008. Vol. 13. No 1. P. 120–147; *Koch K.* Region-Building and Security: The Multiple Borders of the Baltic Sea Region After EU Enlargement // Geopolitics. Jul 2015. Vol. 20. No 3. P. 535–558; *Leland S. R. and A. H. Hoel.* Learning by doing: The Barents cooperation and development of regional collaboration in the north // The New Northern Dimension of the European Neighbourhood. CEPS, 2008. P. 36–53; *Tassinari F.* The European sea: Lessons from the Baltic Sea region for security and cooperation in the European neighborhood // Journal of Baltic Studies. Dec 2005. Vol. 36. No 4. P. 387–407; *Tennberg M.* Trust in International Environmental Cooperation in Northwestern Russia...; *Tynkkynen N.* Experiences of environmental cooperation between the Nordic countries and Russia: Lessons learned and the way forward...

интерес зарубежных ученых к политике Российской Федерации в Северной Европе, а также в конкретных субрегионах этой части Европы: в регионе Балтийского моря, регионе Баренцева моря и Арктическом регионе. Особое влияние на развитие исследовательского интереса имели конкретные проекты Европейского союза (рамочная программа «Северного измерения» и стратегия развития региона Балтийского моря).

Обзор зарубежных исследований, посвященных проблемам приграничного сотрудничества между Россией и Европейским союзом и программе «Северное измерение», базируется на публикациях в академических журналах (например, “Cooperation and Conflict”, “European Security”, “Europe-Asia Studies”, “European Journal of Migration and Law”, “Geopolitics”, “The International Spectator”, “Journal of Baltic Studies”, “Journal of Borderlands Studies”, “Journal of Contemporary European Studies”), публикациях научно-исследовательских институтов (например, Центра европейских политических исследований, Финского института международных отношений), коллективных монографиях, сборниках материалов научных конференций и др. Можно отметить значительный интерес к этой проблематике со стороны исследователей из северных стран и стран региона Балтийского моря. Очень часто в зарубежных исследованиях по данной тематике участвуют и российские ученые. Кроме того, следует констатировать, что исследовательский интерес усиливался в периоды активизации политических событий в регионе: становления и реформирования «Северного измерения» (в начале 2000-х гг. и после 2006 г.), активизации стратегии ЕС в регионе Балтийского моря.

Можно выделить несколько ключевых тем, анализируемых в работах зарубежных исследователей. Часть работ носит теоретический характер, в них рассматриваются проблемы концептуализации строительства регионов и особенности регионального развития Северной Европы, теоретические аспекты формирования и развития границ в Северной Европе и регионе Балтийского моря. Подобные темы представлены в публикациях К. С. Браунинга, Я. Викторовой, П. Йоэнниemi, К. Кох, К. Лайтинена, А. Хаглунд-Морисей¹.

¹ *Browning C. S. The Region-Building Approach Revisited: The Continued Othering of Russia in Discourses of Region-Building in the European North // Geopolitics. Mar 2003. Vol. 8 No 1. P. 45–71; Koch K. Region-Building and*

Но основная часть работ посвящена различным практическим аспектам реализации приграничного сотрудничества и влиянию общей границы на развитие отношений России и государств — членов Европейского союза. Вопросы приграничного сотрудничества рассматриваются в публикациях Э. Берга, В. Кононенко, К. Питканен, Г. Рол, П. Санделина, А. Сергунина, Ф. Тассинари, С. Тууленти, Л. Ферли, О. Ханнонен, В. Хассон, Л. Хейнинена, Х. Эскелине-на, П. Юкарайнен¹. В некоторых работах анализируются проблемы формирования региона Балтийского моря, в частности в исследованиях П. Аалто, К. Браунинга, П. Йоэнниemi, О. Кнутсена, К. Кох,

Security: The Multiple Borders of the Baltic Sea Region After EU Enlargement // *Geopolitics*. Jul 2015. Vol. 20. No 3. P. 535–558; *Haglund-Morrissey A.* Conceptualizing the ‘New’ Northern Dimension: A Common Policy Based on Sectoral Partnerships // *Journal of Contemporary European Studies*. Aug 2008. Vol. 16. No 2. P. 203–217; *Laitinen K.* Geopolitics of the Northern Dimension: A Critical View on Security Borders // *Geopolitics*. Mar 2003. Vol. 8. No 1. P. 20–44; Regional Dimensions of Security in Border Areas of Northern and Eastern Europe / P. Joenniemi and J. Viktorova (eds.). — Peipsi Center for Transboundary Cooperation, Tartu, 2001.

¹ *Berg E.* Deconstructing border practices in the Estonian-Russian borderland // *Geopolitics*. Dec 2000. Vol. 5. No 3. P. 78–98; *Eskelinen H. and P. Jukarainen.* New crossings at different borders: Finland // *Journal of Borderlands Studies*. Mar 2000. Vol. 15. No 1. P. 255–279; *Fairlie L. and A. Sergounin.* Are Borders Barriers? EU Enlargement and the Russian Region of Kaliningrad, FIIA, 2003; *Hannonen O., Tuulentie S., and K. Pitkänen.* Borders and Second Home Tourism: Norwegian and Russian Second Home Owners in Finnish Border Areas // *Journal of Borderlands Studies*. Jan 2015. Vol. 30. No 1. P. 53–67; *Khasson V.* Cross-border cooperation over the Eastern EU border: Between assistance and partnership under the European Neighbourhood and Partnership Instrument // *East European Politics*, 2013. Vol. 29. No 3. P. 328–343; *Kononenko V.* What I New About Today’s EU-Russia Border? // FIIA, 2004. Working Paper 50; *Idem.* New departures on the EU-Russian Border? Assessing discourses and policy practices // *Journal of Borderlands Studies*. Sep 2005. Vol. 20, No 2. P. 13–29; Northern Borders and Security: Dimension for Regional Cooperation and Interdependence, Turku School of Economics and Business Administration, 2002 / L. Heininen (ed.). — Research Report B5; *Roll G.* Regional development and cross-border cooperation in the EU Eastern periphery. Case of the Estonian-Russian border // *The Journal of Nordregio*, 2009. No 1; *Sandelin P.* Cross-Border cooperation in Karelia // Bort E. (ed.). — *Borders and Borderlands in Europe*. The University of Edinburgh International Social Sciences Institute, Edinburgh, 1998; *Tassinari F.* The European sea: Lessons from the Baltic Sea region for security and cooperation in the European neighborhood // *Journal of Baltic Studies*. Dec 2005. Vol. 36. No 4. P. 387–407.

И. Лииканена, Х. Моритцена, Ф. Мюллера, С. Пехконена, Ф. Тассинари, Х. Хубеля¹.

Многие зарубежные исследователи рассматривают роль Российской Федерации в регионе Балтийского моря и Северной Европе, а также российскую политику, проводимую в отношении государств — членов Евросоюза в регионе Балтийского моря и в Северной Европе. Среди таких исследователей можно упомянуть А. Дж. К. Бейлиса, Э. Берга, Х. Блэккисруд, К. Браунинга, С. Голунова, А. Динера, П. Дружинина, Ю. Лейна, М. Лехти, И. Лииканена, Х. Моритцена, В. Морозова, К. Пурсийанена, Э. Уилсон Роу, Б. Санделиуса, Дж. У. Скотта, Д. Дж. Смита, Х. Смит, Э. Хаапанен, Дж. Хагена, Х. Хауккала, Г. Херольт, Х. Энгелен, Х. Эскелинен, Т. Этзольда².

¹ *Aalto P.* European Union and the Making of a Wider Northern Europe. London and New York: Routledge, 2006; *Browning C. S.* The Internal/External Security Paradox and the Reconstruction of Boundaries in the Baltic: The Case of Kaliningrad, CIAO, 2003. Working Papers; *Browning C. S. and P. Joenniemi.* Regionality Beyond Security? The Baltic Sea Region after Enlargement // Cooperation and Conflict. Sep 2004. Vol. 39. No 3. P. 233–253; *Encountering the North: Cultural Geography, International Relations and Northern Landscapes / F. Möller and S. Pehkonen (eds).* — Aldershot: Ashgate, 2003; *Hubel H.* The Baltic Sea Subregion after Dual Enlargement // Cooperation and Conflict. Sep 2004. Vol. 39. No 3. P. 283–298; *Koch K.* Region-Building and Security: The Multiple Borders of the Baltic Sea Region After EU Enlargement...; *Liikanen I.* New neighbourhood and cross-border region-building: Identity politics of CBC on the Finnish-Russian border // Journal of Borderlands Studies. Sep 2008. Vol. 23. No 3. P.19–38; *Mouritzen H.* The EU drafts a new Baltic Sea strategy, but Russia is the key to the region's future, September, 2009. *DIIS Policy Brief*; *Security Strategies, Power Disparity and Identity: The Baltic Sea Region / O. F. Knudsen (ed.).* — Aldershot, UK: Ashgate, 2007; *Tassinari F.* The European sea: Lessons from the Baltic Sea region for security and cooperation in the European neighborhood // Journal of Baltic Studies. Dec 2005. Vol. 36. No 4. P. 387–407.

² *Berg E.* Deconstructing border practices in the Estonian-Russian borderland...; *Browning C. S.* The Region-Building Approach Revisited: The Continued Othering of Russia in Discourses of Region-Building in the European North...; *Diener A., Hagen J.* Geopolitics of the Kaliningrad exclave and enclave: Russian and EU perspectives // Eurasian Geography and Economics, 2011. Vol. 52. No 4. P. 567–592; *Engelen H. D.* Post-Cold War Spatiality: The Northern European Perspective // Cooperation and Conflict. Sep 2004. Vol. 39. No 3. P. 333–336; *Eskelinen H., Haapanen E., Druzhinin P.* Where Russia Meets the EU. Across the Divide in the Karelian Borderlands in Eskelinen H. et al (eds) *Reconstructing Borders and Scales for Interaction.* Aldershot: Ashgate, 1998; *Morozov V.* Russia in the Baltic Sea

Другую тематическую группу исследований представляют публикации, посвященные «Северному измерению», в том числе работы П. Аалто, А. Аасланда, Р. Бенгтсона, Х. Блэккисруд, И. Бусыгиной, А.-С. Даал, К. Лайтинена, К. Пинениеми, А. Ойяла, Х. Рутеворе-Апонен, Х. Смит, Н. Тинкинен, М. Филиппова, А. Хаглунд-Морисей, Х. Хаккала, Л. Хейнинена, П. Ярвенпяэ¹.

Region: Desecuritization or Derogionalization? // *Cooperation and Conflict*. Sep 2004. Vol. 39. No 3. P. 317–331; *Etzold T. and H. Haukkala*. Is There a Nordic Russia Policy? Swedish, Finnish and Danish Relations with Russia in the Context of the European Union // *Journal of Contemporary European Studies*. Jun 2011. Vol. 19. No 2. P. 249–260; *Golunov S.* The EU-Russian Borderland: New Contexts for Regional Cooperation // *Journal of Borderlands Studies*. Oct 2014. Vol. 29. No 4. P. 517–518; *Haukkala H.* Two Reluctant Regionalizers? The European Union and Russia in Europe's North. The Finnish Institute of International Affairs, 2001. Working Paper 32; *Laine J.* In search of balance: Russia and the EU in the North // *Polar Geography*, 2011. Vol. 34. No 3. P. 163–192; *Post-Cold War Identity Politics: Northern and Baltic Experiences* / M. Lehti and D. J. Smith (eds). — London Portland, OR: Frank Cass, 2003; *Mouritzen H.* The EU drafts a new Baltic Sea strategy, but Russia is the key to the region's future, *DIIS*, September, 2009. *Policy Brief*; *Pursiainen C.* Finland's Policy towards Russia. How to deal with the Security Dilemma? // *Northern Dimensions*. The Finnish Institute of International Affairs, 2000; *The EU-Russian Borderland: New Contexts for Regional Cooperation* / H. Eskelinen, I. Liikanen and J. W. Scott (eds). — London: Routledge, 2013; *The Nordic Countries and the European Security and Defence Policy* / A. J. K. Bailes, G. Herolf and B. Sundelius (eds). — Oxford: Oxford University Press, 2006; *Wilson Rowe E. and H. Blakkisrud.* A New Kind of Arctic Power? Russia's Policy Discourses and Diplomatic Practices in the Circumpolar North // *Geopolitics*. Jan 2014. Vol. 19. No 1. P. 66–85; *Smith H.* Russian foreign policy, regional cooperation and northern relations // *The New Northern Dimension of the European Neighbourhood*. CEPS, 2008. P. 19–35.

¹ *Aalto P., Blakkisrud H. and H. Smith.* The New Northern Dimension of the European Neighbourhood. CEPS, 2008; *Aasland A.* Assessing the Northern Dimension Partnership in Public Health and Social Well-being // *The New Northern Dimension of the European Neighbourhood*. CEPS, 2008. P. 91–108; *Bengtsson R.* Soft Security and the Presidency // *Cooperation and Conflict*. Jun 2002. Vol. 37. No 2. P. 212–218; *Busygina I. and M. Filippov.* End comment: EU-Russian relations and the limits of the Northern Dimension // *The New Northern Dimension of the European Neighbourhood*. CEPS, 2008; *Northern Security and Global Politics: Nordic Baltic Strategic Influence in a Post-Unipolar World*. Routledge Global Security Studies / A.-S. Dahl and P. Järvenpää (eds). — London/New York: Routledge, 2014; *Haglund A.* The EU Presidency and the Northern Dimension Initiative *Applying International Regime Theory*. Växjö University Press, Växjö,

Наконец, в особую тематическую группу можно выделить публикации, в которых изучаются конкретные примеры сотрудничества в регионе Балтийского моря и Северной Европе. Речь идет о работах таких авторов, как А. Аасланд, К. Арчер, П. Апонен, К. Браунинг, А. Динер, Т. Исаченко, Ю. Котилайнен, С. Р. Леланд, А. Макарычев, К. Пинениеми, М. Теннберг, Н. Тинкинен, Л. Ферли, Дж. Хагена, Х. Хауккала, А. Х. Хоэль, Т. Этзольд, Х. Эскелинен¹.

Sweden, 2004; *Haglund-Morrissey A.* Conceptualizing the 'New' Northern Dimension: A Common Policy Based on Sectoral Partnerships...; *Haukkala H.* Towards a Union of Dimensions, The effects of Eastern Enlargement on the Northern Dimension. The Finnish Institute of International Affairs, 2004. The FIIA Report 2; *Heininen L.* Ideas and outcomes: Finding a concrete form for the Northern Dimension initiative. *The Northern Dimension: Fuel for the EU?* Finnish Institute of International Affairs, Helsinki, 2001; *Kangas A.* 'Imagining the Northern Dimension: Semiological Analysis of the Finnish Foreign Policy Initiative' // H. Rytövuori-Apunen (ed.). — Russian-European Interfaces: in the Northern Dimension of the EU, 2000. Tampere: Studia Politica Tamperensis, No 8. P. 159–226; *Laitinen K.* Geopolitics of the Northern Dimension: A Critical View on Security Borders...; *Pynnöniemi K.* EU-Russian cooperation on transport: Prospects for the Northern Dimension transport partnership // The New Northern Dimension of the European Neighbourhood. CEPS, 2008. P. 109–130; Rytövuori-Apunen H. (ed.). Russian-European Interfaces: in the Northern Dimension of the EU...; *Smith H.* Russian foreign policy, regional cooperation and northern relations...; *Tynkkynen N.* Experiences of environmental cooperation between the Nordic countries and Russia: Lessons learned and the way forward // The New Northern Dimension of the European Neighbourhood. CEPS, 2008. P. 71–90.

¹ *Aasland A.* Assessing the Northern Dimension Partnership in Public Health and Social Well-being // The New Northern Dimension of the European Neighbourhood. CEPS, 2008. P. 91–108; *Ahponen P.* Miserable or Golden Karelia? Interpreting a Cross-border Excursion of Students from Finland to Russia // Journal of Borderlands Studies. Aug 2011. Vol. 26. No 2. P. 145–159; *Archer C. and T. Etzold.* The European Union and Kaliningrad: Taking the Low Road // Geopolitics. May 2010. Vol. 15. No 2. P. 329–344; *Browning, C. S.* The Internal/External Security Paradox and the Reconstruction of Boundaries in the Baltic: The Case of Kaliningrad?...; *Diener A., Hagen J.* Geopolitics of the Kaliningrad exclave and enclave: Russian and EU perspectives // Eurasian Geography and Economics, 2011. Vol. 52. No 4. P. 567–592; *Eskelinen H. and J. Kotilainen.* A vision of a Twin City: Exploring the only case of adjacent urban settlements at the Finnish-Russian Border // Journal of Borderlands Studies. Sep 2005. Vol. 20. No 2. P. 31–46; *Haukkala H., Fairlie L.* Will Kaliningrad become a test case in "regionalities"? // Joenniemi P. and Viktorova J. (eds.). — Regional Dimensions of Security in Border Areas of Northern and Eastern Europe. Peipsi Center for Transboundary Cooperation,

Безусловно, вопросы приграничного сотрудничества между регионами России и Евросоюза представляются актуальным и важным направлением зарубежных научных исследований. Список публикаций, проанализированных в данном обзоре, не является исчерпывающим, но он позволяет сделать выводы о ключевых проблемах, отраженных в исследованиях, публикуемых за рубежом.

9.

«Калининградский вопрос»

В российско-европейских отношениях «Калининградский вопрос», пожалуй, всегда оставался предметом пристального внимания. С российской стороны на проблему Калининграда традиционно смотрели с точки зрения отдаленности от центра: для Москвы оторванность Калининградского региона была причиной визовых споров со странами Балтии, проблемой транспортного и энергетического транзита, с одной стороны, и культурного и экономического отдаления, с другой стороны. Брюсселем и национальными столицами стран — членов ЕС Калининград нередко воспринимался как негативный центр влияния, возникший в сердце Центральной Европы. Тут говорят об

Tartu, 2001; *Hoel A. H.* Best practices in fisheries management: Experiences from Norwegian-Russian cooperation // *The New Northern Dimension of the European Neighbourhood*. CEPS, 2008. P. 54–70; *Isachenko T.* Cultural landscape dynamics of transboundary areas: A case study of the Karelian isthmus // *Journal of Borderlands Studies*. Jun 2009. Vol. 24. No 2. P. 78–91; *Leland S. R. and A. H. Hoel.* Learning by doing: The Barents cooperation and development of regional collaboration in the north // *The New Northern Dimension of the European Neighbourhood*. CEPS, 2008. P. 36–53; *Makarychev A. S.* Marginality or provinciality? Pskov and Ivangorod at the intersection of Russia's trans-border relations. *DIIS, 2004. Working Paper 18*; *Pynnöniemi K.* EU-Russian cooperation on transport: Prospects for the Northern Dimension transport partnership // *The New Northern Dimension of the European Neighbourhood*. CEPS, 2008. P. 109–130; *Tennberg M.* Trust in International Environmental Cooperation in Northwestern Russia // *Cooperation and Conflict*. Sep 2007. Vol. 42. No 3. P. 321–335; *Tynkkynen N.* Experiences of environmental cooperation between the Nordic countries and Russia: Lessons learned and the way forward...

излишней милитаризации региона, культурном и политическом влиянии российского эксклава. Позитивные возможности в развитии Калининграда обычно отмечают обе стороны. Так, говорят об особой роли региона в экономических отношениях. Полуроссийский и чуть-чуть европейский Калининград может быть объектом взаимных инвестиций, логистическим хабом и центром технологических компетенций, своеобразным Гонконгом на Балтике, но только при явно выраженном желании Москвы реализовывать такое будущее для отдаленного и немного оторванного от центральной России, но уже несколько поколений как российского по духу региона.

В период после распада СССР Калининград сохраняет особое к себе отношение. Разные авторы, преимущественно литовские и польские (Р. Брайтвейт, Дж. Годзимирски, П. Джонними, С. Кобер, Л. Фарли, И. Олдбер)¹, пишут о том, что новый Калининград сохранил черты советского Калининграда: он по-прежнему наиболее космополитный, его таможня и экономика тяготеют к наиболее либеральным стандартам, а региональная администрация все 1990-е видела возможности для выживания и успешного развития региона в сотрудничестве с соседями: Варшавой, Вильнюсом и Берлином. Именно это сотрудничество дало свои результаты, и, как следствие, экономика региона успешнее других частей России восстановилась к началу президентства В. Путина. Это заложит проблему излишней регионализации политики России, за которую иностранные авторы будут упрекать Россию².

Ближе к концу 1990-х на фоне расширения НАТО, перспектив расширения ЕС, прихода шенгенских ценностей в обсуждении иностранных авторов появляется тематика поиска решения для продолжения сотрудничества при неминуемой отмене безвизового транзита. В ряде работ встречаем ссылки на возможности «Северного измерения» как ресурса преодоления барьеров на пути продолжения

¹ Например: *Braithwaite R. Russia in Europe. London: Center for European Reform, 1999; Fairlie L. Will the EU use Northern Dimension to solve its Kaliningrad Dilemma? COPRI Working Paper, Copenhagen, 1999; Kober S. Kaliningrad // CATO Foreign Policy Briefing. No 46, 11 February 1998; Godzimirski J. Soviet legacy and Baltic security // Stability and security in the Baltic Sea region. London: Routledge, 1999; Oldberg I. Kaliningrad: Problems and Prospects // P. Joenniemi, J. Prawitz (eds.). Kaliningrad: the European Amber Region. 1998, P. 1–32.*

² *Sleivyti J. Russia's European Agenda and the Baltic States. NY: Routledge, 2010.*

взаимодействия¹. При этом уже в конце 1990-х ряд авторов (А. Бэйлз, О. Кнудсен, Р. Саква, Р. Форсберг)² начинают вновь говорить о потенциальных неудобствах, связанных с чрезмерной милитаризацией региона. В том числе в этой связи о Калининграде, как о «пленном острове», говорит Дж. Рогожа, А. Вейрзбовска-Мизга, И. Вишневска³. Вместе с тем в 2000-е годы Российская Федерация меняет внутриполитический курс, и развитие Калининграда в большей степени начинает координироваться с федеральным центром. Отход от активно признаваемой интеграционной модели будущего развития и вовлечение Калининграда в экономику, но в первую очередь в политику, остальной России провоцирует многих авторов на критику российского подхода. В их глазах из европейской периферии Калининград перерастает в периферию российскую, чьи проблемы Москва отодвигает на задний план. Как следствие, в середине 2000-х годов обнаруживаем отдельные полемические материалы в иностранной литературе о проблемах наркотрафика и торговли людьми через регион Калининграда (А. Джонсон, А. Гутаускас, А. Стоун, Дж. Стоун)⁴. Термин *hell-hole* (К. Арчер и Т. Этзолд⁵) подразумевает, что данный регион стал местом преступности, болезней и безработицы, которые могут, если ничего не предпринять, заразить тех, кто находится рядом.

О сотрудничестве в гуманитарной и культурной сфере в 2000-е гг. находим у Б. Витаник, Г. Матань, С. Петтерман, Д. Смит, В. Усакас⁶ —

¹ *Fairlie L.* Will the EU use Northern Dimension to solve its Kaliningrad dilemma? COPRI Working Paper, 1999.

² *Knudsen O.* Security on the Great Power Fringe: Dilemmas Old and New // Stability and security in the Baltic Sea region. Routledge, 1999; *Forsberg R.* The Arms Production Dilemma. London: The MIT Press, 1994; *Bailes A.* Russia's Place in European Defence // Russia between East and West. Gorodetsky G. (ed.). London, 2003.

³ *Rogoża J., Weirzbowska-Miazga A., Wisniewska I.* A captive island Kaliningrad between Moscow and the EU // OSW Studies, No 41, July 2012, p. 50–74.

⁴ *Stone J., Stone A.* The drug Dilemma. NY, 2003; *Jonsson A.* Human trafficking and Human Security. NY: Routledge, 2009.

⁵ *Archer C., Etzold T.* The European Union and Kaliningrad: Taking the Low Road // Geopolitics. No 2. 2010. P. 329–344.

⁶ *Vitunic B.* Enclave To Exclave: Kaliningrad Between Russia And The European Union // Columbia University. 2012. Vol. 6. No 1. <<http://ece.columbia.edu/files/ece/images/enclave-1.pdf>>; *Usackas V.* Lithuania and Kaliningrad: building a partnership for the new Europe // The EU and Kaliningrad. London: Federal Trust, 2000; *Petterman S., Matagne G.* The EU Enlargement and Russia: The Case of Kaliningrad // Cahiers de Sciences politiques de l'ULg. 2011. Liege. <<http://popups.ulg.ac.be/1784-6390/index.php?id=65>>

здесь звучат идеи культурного и образовательного потенциального и достигнутого лидерства Калининграда для городов региона и соседних государств.

Наконец, внутренние реформы в России, вовлеченность федерального центра в работу региона и, как следствие, уменьшение участия Калининграда как самостоятельного актора в делах Балтийского региона находят отражение в цикле работ исследователей 2000-х годов. Причем здесь есть и положительные оценки данного участия Москвы — это А. Вилк, А. Долан, Г. Громадски, С. Хусман¹, так и отрицательные и нейтральные — Дж. Баксендейл, Д. Гован, С. Девар, Б. Холл². Авторы указывают, что проекты «Северного измерения», с одной стороны, приблизили Калининград к ЕС, но с другой — отдалили его от России, что спровоцировало ревностное отношение Москвы и обозначение региона как «российского эксклава и европейского полуанклава».

Из основных проблем, выделяемых в данный период, авторы особенно отмечают четыре: визовая, вопрос транзита, энергетического обеспечения и рыбного промысла.

Современность Калининграда иностранные исследователи оценивают через призму экономических и политических потрясений. С одной стороны, Т. Кронфелд и И. Олдберг указывают на сложности Калининграда после вступления России в ВТО, с другой стороны — санкционная политика России более всего ударит именно по Калининграду как региону, зависящему от импорта из стран ЕС. Но именно здесь за счет близости немецких корней (С. Ганзель, С. Кинг, Г. Мюнтель)³ или особых отношений с Польшей (Т. Палмовски,

¹ *Baxendale J., Dewar S., Gowan D. EU/Kaliningrad: Future Aspirations // The EU & Kaliningrad. 2000. P. 117–125; Dolan A. Kaliningrad and the European Union: the Clash of Expectations // The EU & Kaliningrad. 2000. P. 207–213; Huisman A. A new European policy for Kaliningrad // Occasional Papers. No 33. 2002. P. 1–55; Gromadzki G., Wilk A. Overcoming Alienation: Kaliningrad as a Russian Enclave inside the European Union. Batory Foundation, Warsaw, 2001.*

² *Hall B. How Flexible should Europe be? Centre for European Reform Working Paper. London, 2000.*

³ *Gänzle S., Meister S., King C. The Bologna process and its impact on higher education at Russia's margins: the case of Kaliningrad // Higher Education. Vol. 57. No 4. 2009. P. 533–547; Gänzle S., Müntel G. Europeanization 'Beyond' Europe? EU Impact on Domestic Policies in the Russian Enclave of Kaliningrad // Journal of Baltic Studies. No 42. 2011. P. 57–79.*

Дж. Рогожа)¹ можно делать ставку на возврат к инвестициям из Германии и Польши соответственно. Ресурсы же европейских интеграционных проектов, в т. ч. «Северного измерения», во многом на исходе на фоне ухудшения отношений между ЕС и Россией, но также и по причине невыполнения требований по софинансированию проектов (Дж. Рогожа, А. Вейрзбовска-Мизга, И. Висневска).

Наконец сегодняшнее отношение к милитаризации региона находим у И. Олбдерг, С. Арчер и Т. Этзольд², в исследованиях которых явно отмечается озабоченность в связи с развертыванием ракетных комплексов «Искандер», усилением военно-морской базы и другими элементами усиления военного присутствия в регионе.

Явного решения для сложившейся ситуации многие авторы не видят, отмечая, что ситуацию следует предоставить времени и развитию сотрудничества по нейтральным вопросам (экология, борьба с техногенными авариями и т. п.) на региональном уровне. Экзотические же концепции сводятся к тому, что сохранение проблем может привести к созданию в Калининграде абсолютно новой идентичности, которую нельзя отнести ни к русской, ни к европейской³.

10.

Проблема современности и постсовременности

Дебаты о современности и постсовременности в отношениях России и Евросоюза активизировались на рубеже нынешнего тысячелетия и продолжают привлекать внимание. С одной стороны, эти дебаты стимулировала особая природа Евросоюза, его акторность, отличная

¹ *Palmowski T.* Problems of cross-border cooperation between Poland and the Kaliningrad Oblast of the Russian Federation // *Quaestiones Geographicae*. Vol. 29 (4). 2010. P. 75–82; *Rogoża J., Wierzbowska-Miazga A., Wiśniewska I.* A captive island: Kaliningrad between Moscow and the EU // *OSW Studies*. No 41. 2012, P. 50–74.

² *Oldberg I.* Kaliningrad's difficult plight between Moscow and Europe // *Uppaper — The Swedish Institute of International Affairs*. No 2. 2015. P. 1–15.

³ *Gänzle S., Müntel G.* Europeanization 'Beyond' Europe? EU Impact on Domestic Policies in the Russian Enclave of Kaliningrad // *Journal of Baltic Studies*. No 42. 2011. P. 57–79.

от государств, основанная только на части атрибутов (экономическом потенциале, идейной составляющей, которая легла в основу нормативной силы ЕС), но не на военной мощи. Это резко контрастировало с природой российской государственности, где в центре внимания — традиционная сила или мощь, важность безопасности России как ее гаранта, причем Москва стала вновь и отчетливо выдвигать эти аспекты на передний план.

С другой стороны, дебатам о современности и постсовременности способствовал рост популярности конструктивистских исследований, а также постпозитивизма в социальных науках. При этом между российскими и иностранными учеными наблюдался резкий разрыв в методологии: если для ЕС отечественные специалисты еще могли использовать либеральные теории и конструктивизм, то для России это представлялось в большинстве случаев чуждым¹. Все это не могло не отразиться на исследованиях отношений России и ЕС вне России (российские ученые, участвовавшие в этой группе исследований, как правило, публиковались на Западе, поэтому русскоязычных работ по данной проблематике немного).

В результате резко увеличилось количество исследований, акцентирующих различия между современной Россией и постсовременным (постмодернистским) Евросоюзом. Для первой характерно стремление к многополярности, статусу великой державы, акцент на факторе силы и безопасности, а для второго — трансформация пространства вокруг, нормативность как основа влияния, а также экономические рычаги. Исследователи заговорили о принципиальной неинтегрируемости России в Европу Евросоюза, о двух различных Европах, о различиях в идентичности двух акторов, которые искоренить невозможно, а можно лишь попытаться немного сгладить разрыв. Это резко контрастировало с пасторальным характером дискуссии в духе конца истории 1990-х годов.

Пристальному анализу подверглись взгляды России и ЕС, риторика их лидеров для того, чтобы вскрыть нормативное и идейное соперничество сторон². Демонстрировалось, что многие базовые

¹ См. подробнее Павлова Е., Романова Т. Идейное соперничество или треш-дискурс? // Россия в глобальной политике. — 2014. — № 3. — С. 50–58.

² Casier T. The EU-Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument // Europe-Asia Studies. 2013. Vol. 65. No 7. P. 1377–1395; Fawn R.

категории Россия и ЕС трактуют по-разному. В качестве примеров приводились: многосторонность, доверие, границы, права человека, суверенитет, взаимность, либерализация, диверсификация¹. Эта дискурсивная несовместимость анализировалась как не дающая возможности для социализации элит, в т. ч. препятствующая сближению элит России и ЕС².

Bashing about Rights? Russia and the 'New' EU States on Human Rights and Democracy Promotion // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. No 10. P. 1777–1803; *Makarychev A.* Rebranding Russia: Norms, Politics and Power // *Who is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and its Global Partners? The European Union and its Global Partners*. Ed. by N. Tocci. Brussels: CEPS Paperback Series, 2008. No 3. P. 156–210.

¹ *Allison R., Light M., White S.* Putin's Russia and the enlarged Europe. Oxford: Blackwell, 2006; *Averre D.* Russia and the European Union: Convergence or Divergence? // *European Security*. 2005. Vol. 14. No 2. P. 175–202; *Browning C., Joenniemi P.* Geostrategies of the European Neighbourhood Policy // *European Journal of International Relations*. 2008. Vol. 14. No 3. P. 519–552; *Browning C., Lehti M.* The struggle for the West: a divided and contested legacy. Abingdon: Routledge, 2010; *Stewart, S.* Coherence in EU Policy towards Russia: Identities and Interests // *Constructing identities in Europe: German and Russian perspectives*. Ed. by R. Krumm, S. Medvedev, H.-H. Schröder. Baden-Baden: Nomos, 2012. P. 185–204; *Golunov S.* EU-Russian border security: challenges, (mis)perceptions, and responses. Abingdon: Routledge, 2013; *Haukkala H.* Multi-Causal Social Mechanisms and the Study of International Institutionalisation: the Case of EU-Russian Strategic Partnership. Academic Dissertation. Turku: Turku Yliopisto, 2008; *Idem.* The EU-Russian strategic partnership...; *Kratochvíl P., Tichý L.* EU and Russian discourse on energy relations // *Energy Policy*. 2013. Vol. 56. P. 391–406; *Russia and Europe: building bridges, digging trenches* / Ed. by K. Engelbrekt and B. Nygren. Abingdon: Routledge, 2010; *Makarychev A.* S. Russia's Search for International Identity Through the Sovereign Democracy Concept // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. 2008. Vol. 43. No 2. P. 49–62; *Prozorov S.* Border Regions and the Politics of EU-Russian Relations. The Role of the EU in Tempering and Producing Border Conflicts // *DIIS Working Papers Series in EU Border Conflicts Studies*. 2004. No 3; *Straus I.* Western common homes and Russian national identities: How far East can the EU and NATO go, and where does that leave Russia? // *European Security*. 2001. Vol. 10. No 4. P. 1–44; *Tassinaria F.* A riddle inside an enigma: Unwrapping the EU-Russian strategic partnership // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. 2005. Vol. 40. No 1. P. 45–57; *Truscott P.* Russia First: Breaking with the West. London: I. B. Tauris, 1997.

² *Kratochvíl P.* The Discursive Resistance to EU-Enticement: The Russian Elite and (the Lack of) Europeanisation // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No 3. P. 397–422.

Широко тиражировался тезис о нормативной силе Евросоюза, о том, как она проявляется в диалоге с Россией, а также о противоречиях между нормами/ценностями, которые ставит во главу угла Брюссель, и интересами, на которых настаивает Москва¹. Эти исследования закономерно дополнялись изучением нормативного вызова Евросоюзу со стороны России². Прослеживалась также весьма интересная связь с правом Евросоюза, его распространением за пределы ЕС, заимствованием норм Россией и того, как это было совместимо с нормативным лидерством ЕС³.

В то же время отмечалось, что и Евросоюз в диалоге с Россией далеко не всегда ведет себя как постсовременная сила, переходит в русло реалистической (т. е. вполне современной) политики. Непоследовательность Евросоюза, а также некоторые другие факторы, в т. ч. специфически российские, анализировались как причины провала ЕС в преобразованиях России⁴. Интересен также и анализ того, какие

¹ *DeBardeleben J.* Public Attitudes towards EU-Russian Relations: Knowledge, Values, and Interests // *The Boundaries of EU Enlargement. Finding a Place for Neighbours.* Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 70–91; *Haukkala, H.* The Relevance of Norms and Values in the EU's Russian Policy. Helsinki: FIIA, 2005. FIIA Working Papers. No 52; *Idem.* The Role of Norms and Values in the European Union's Russia Policy // *Russian and Europe in the Twenty-first Century: An Uneasy Partnership* / Ed. by J. Gower and G. Timmins. London, New York, Delhi: Anthem Press, 2007. P. 133–148; *Parmentier F.* Normative Power, EU Preferences and Russia. Lessons from the Russian-Georgian War // *European Political Economy Review.* 2009. No 9. P. 49–61; *Schuette R.* EU-Russia Relations: Interests and Values. A European Perspective. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, December 2004. Working Paper. No 54.

² *Haukkala H.* The Russian Challenge to EU Normative Power: The Case of European Neighbourhood Policy // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs.* 2008. Vol. 43. No 2. P. 35–47; *Romanova T.* Normative Power Europe: A Russian View...; *Idem.* Russian Challenge to the EU's Normative Power? Change and Continuity // *Europe-Asia Studies.* 2016. No 3. P. 371–390.

³ *Leino P., Petrov R.* Between 'Common Values' and Competing Universals — The Promotion of the EU's Common Values through the European Neighbourhood Policy // *European Law Journal.* 2009. Vol. 15. No 5. P. 654–671; *Rytovuori-Apuinen H.* Regulatory Convergence and Global Partnership: Another Phase in EU-Russian Relations // *The Boundaries of EU Enlargement. Finding a Place for Neighbours* / J. DeBardeleben (ed.). Houndsmill, New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 92–110.

⁴ *Haukkala H.* Lost in Translation? Why the EU has Failed to Influence Russia's Development // *Europe-Asia Studies.* 2009. Vol. 61. No 10. P. 1757–1775; *Idem.*

ресурсы использует ЕС как постсовременный актор (прежде всего доступ на свой внутренний рынок и предоставление безвизового режима). Не отрицая эффективность этих инструментов, исследователи справедливо отмечали, что Россия также (и без политической условности или других требований) предоставляет эти преимущества¹. Одновременно изучалось, как новые страны ЕС, а также страны региона «общего соседства» становились жертвами нормативного соперничества России и ЕС².

Важным был и процесс изучения того, как наличие России помогает Евросоюзу идейно конституировать себя, как Россия играет роль значимого другого для развития идентичности ЕС³.

Работы российских исследователей, объясняющие специфику российского видения Евросоюза, его нормативной силы и постсовременности присутствовали в значительном количестве в западной литературе⁴. Одни основывались на обширных социологических ис-

The EU-Russia strategic partnership: the limits of post-sovereignty in international relations. Abingdon: Routledge, 2010; *Klinke I.* Postmodern Geopolitics? The European Union Eyes Russia // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. No 5. P. 929–947; *Romanova T.* Normative Power Europe: A Russian View // *A. Gerrits (ed.)*. Normative Power Europe in a Changing World: A Discussion. Clingendael: Netherlands Institute for International Relations, 2009. P. 51–66; *Tocci N.* The European Union as a Normative Foreign Policy Actor // *Who is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and its Global Partners? The European Union and its Global Partners* / Ed. by N. Tocci. Brussels: CEPS Paperback Series, 2008. No 3.

¹ *Casier T.* The EU-Russia Strategic Partnership...

² *Fawn R.* Bashing about Rights?..; *Schulze J.* Estonia caught between East and West: EU conditionality, Russia's activism and minority integration // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2010. Vol. 38. No 3. P. 361–392; *Steen A.* National Elites and the Russian Minority Issue. Does EU-NATO Integration Matter? // *Journal of European Integration*. 2010. Vol. 32. No 2. P. 193–212.

³ *Neumann I.* Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations London: Routledge, 1996; *Idem.* Russia as Europe's Other. San Domenico: European University Institute, 1996; *Idem.* The Geopolitics of delineating "Russia" and "Europe": The Creation of the "Other" in European and Russian Tradition // *Geopolitical Shifts in post-Wall Europe* / Ed. By O. Tunanda. London: Sage, 1997; *Morozov V., Rumelili B.* The External Constitution of European Identity: Russia and Turkey as Europe-Makers // *Cooperation and Conflict*. 2012. Vol. 47. No 1. P. 28–48.

⁴ *Arbatova N.* Russia-EU beyond 2007. Russian Domestic Debates. Paris: IFRI, June 2007. *Russie.Nei.Visions*. No 20; *Baranovsky V., Utkin S.* Europe as Seen from

следованиях, другие отталкивались от теоретического конструирования, третьи ставили во главу угла дискурс-анализ. Стоит отметить и зарубежных авторов, анализировавших специфику восприятия Евросоюза как международного актора в России¹.

На этом фоне современности-постсовременности, нормативно-го лидерства и его оспаривания, проблем взаимного конституирования России и ЕС растущая группа специалистов все чаще призывала к прагматическому сотрудничеству России и ЕС².

Russia // Perspectives: Central European Review of International Affairs. 2012. Vol. 20. No 2. P. 63–81; *Belokurova E.* Civil Society Discourses in Russia: The Influence of the European Union and the Role of EU-Russia Cooperation // Journal of European Integration. 2010. Vol. 32. No 5. P. 457–474; *Danilov D., Karaganov S., Lynch D. et al.* What Russia Sees. Paris: IFRI, January 2005. Chaillot Paper. No 74; *Kaveshnikov N.* The European Union in the Russian Press // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2007. Vol. 23. No 3. P. 396–424; *Leshoukov I.* Beyond Satisfaction: Russia's Perspectives on European Integration. Bonn: Rheinische Friedrich Wilhelms-Universität Bonn, Center for European Integration Studies, 1998. Discussion Paper C26; *Semenenko I.* The Quest for Identity. Russian Public Opinion on Europe and the European Union and the National Identity Agenda // Perspectives on European Politics and Society. 2013. Vol. 14. No 1. P. 102–122; *Tumanov S., Gasparishvili A., Romanova, E.* Russia-EU Relations, or How the Russians Really View the EU // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2011. Vol. 27. No 1. P. 120–141.

¹ *Bengtsson R.* The EU as a security policy actor: Russian and US perceptions. Stockholm: Swedish Institute of International Affairs, 2004; *Chaban N., Elgstrom O.* The Role of the EU in an Emerging New World Order in the Eyes of the Chinese, Indian and Russian Press // Journal of European Integration. 2014. Vol. 36. No 2. P. 170–188; *Chaban N., Bin J., Kelly S.* En'vision'ing Europe's crisis: Intertextuality in news coverage of the Eurozone crisis in Chinese, Indian and Russian press // Journal of International Communication. 2014. Vol. 20. No 1. P. 1–20; *Keukeleire S., Hooijmaaijers B.* The BRICS and Other Emerging Power Alliances and Multilateral Organizations in the Asia-Pacific and the Global South: Challenges for the European Union and Its View on Multilateralism // Journal of Common Market Studies. 2014. Vol. 52. No 3. P. 582–599; *Morini M., Peruzzi R., Poletti A.* Eastern Giants. The EU in the Eyes of Russia and China // External Perceptions of the European Union as a Global Actor / Ed. by S. Lucarelli, L. Fioramonti. Routledge, 2009. P. 32–51.

² *Averre D.* Russia and the European Union: Convergence or Divergence? // European Security. 2005. Vol. 14. No 2. P. 175–202; *Barysch K.* The EU and Russia: From principle to pragmatism? London: CER Policy Brief, November 2006; *Casier T.* The European union and Russia: Partners by Default? // The European Union neighbourhood: challenges and opportunities / Ed. by T. Cierco. Farnham;

11.

Роль стран – членов ЕС в его отношениях с Россией

Внутренняя гетерогенность Евросоюза и сложность выработки общей политики Евросоюза в принципе, а по России — в частности не могла привлечь внимание специалистов по европейской интеграции и отношениям России и ЕС за рубежом. Причем за пределами России это была тема гораздо более популярная, нежели в нашей стране. Исследования в этой области стимулировало три фактора: расширение Евросоюза и повышение его внутреннего разнообразия, институциональные реформы ЕС, призванные повысить эффективность его действий и способности вырабатывать единую политику, а также растущая жесткость российской политики, требования международной среды, чтобы ЕС выработал четкую и особую политику в отношении Москвы.

За рубежом, конечно, присутствовали исследования, демонстрирующие специфику российского восприятия¹, сложности понимания Евросоюза, которые испытывает Россия. В то же время обычно ак-

Burlington, VT: Ashgate, 2013. P. 123–141; *Idem*. The EU-Russia Strategic Partnership...; *Flenley P.* Russia and the EU: A pragmatic and contradictory relationship // Perspectives on European Politics and Society. 2005. Vol. 6. No 3. P. 435–461; *Gerrits A., Bader M., de Haas M., de Jong J.* The European Union and Russia: Perception and Interests in the Shaping of Relations. Clingendael: Netherlands Institute of International Relations, November 2008; *Haukkala H.* False Premises, Sound Principles: the Way Forward in EU-Russian Relations. Helsinki: FIIA, 16 April 2008. Briefing Paper. No 20; *Monaghan A., Montanaro-Jankovski L.* EU-Russia energy relations: the need for active engagement. Brussels: EPC, March 2006. EPC Issue Paper. No 45; *Tassinari F., Vahl M.* Small is Feasible: Pondering the Future of EU-Russian Relations // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. 2010. Vol. 45. No 2. P. 55–68; *Timmins G.* Coping with the new Neighbours: The evolution of European union policy towards Russia // Perspectives on European Politics and Society. 2004. Vol. 5. No 2. P. 357–374; *Idem.* Strategic or pragmatic Partnership? The European Union's Policy Towards Russia Since the End of the Cold War // European Security. 2002. Vol. 11. No 4. P. 78–95; *Wood S.* Pragmatic power Europe? // Cooperation and Conflict. 2011. Vol. 46. No 2. P. 242–261.

¹ *Baranovsky V.* Russia's attitudes towards the EU: political aspects. Helsinki: Ulkopoliittinen Instituutti; Berlin: Institut für Europäische Politik, 2002.

центрировались не столько проблемы понимания ЕС или сложности, которые третья сторона испытывает из-за долгой выработки политики Евросоюза и ее непоследовательности, сколько намерение Москвы играть на противоречиях стран-членов в вопросах, касающихся России, на ее политике разделять и властвовать¹. Это зеркально отражало один из трендов отечественного изучения роли стран-членов в политике ЕС в отношении России.

Однако основное внимание в зарубежной литературе было приковано не столько к России, сколько к тому, как внутреннее разнообразие проявляется внутри ЕС, что можно изменить, чтобы минимизировать непоследовательность Евросоюза, чтобы не делать его заложником наиболее критично настроенных в отношении России членов.

В этой связи примечателен большой пласт исследований по институтам Евросоюза. В частности, изучались сложности достижения консенсуса в рамках общей внешней политики и политики безопасности, роль страны-председателя (до Лиссабонского договора) в поиске консенсуса внутри ЕС². Плотно анализировались изменения, внесенные Лиссабонским договором для нахождения общей позиции по России, а также то, как расхождения в политике в отношении Москвы влияют на голосование в Европейском парламенте, на выбор норм, поддерживаемых на мировой арене, на формирование

¹ *Kulhanek J.* The Fundamentals of Russia's EU Policy // Problems of Post-Communism. 2010. Vol. 57. No 5. P. 51–63.

² *Gower J.* The European Union's Policy on Russia: Rhetoric and Reality // Russian and Europe in the Twenty-first Century: An Uneasy Partnership / Ed. by J. Gower and G. Timmins. London, New York, Delhi: Anthem Press, 2007. P. 111–131; *Haukkala H.* The EU's Common Strategy on Russia: Four Lessons Learned About Consensus Decision-Making in Foreign Policy // European Foreign Affairs Review. 2008. Vol. 13. No 3. P. 317–331; *Hubel H.* The EU's Three-level Game in Dealing with Neighbours // European Foreign Affairs Review. 2004. Vol. 9. No 3. P. 347–362; *Lintonen R.* Understanding EU Crisis Decision-making: The Case of Chechnya and the Finnish Presidency // Journal of Contingencies & Crisis Management. 2004. Vol. 12. No 1. P. 29–38; *Wilson A., Popescu N., Noël P.* The Future of EU-Russia Relations: A Way Forward in Solidarity and the Rule of Law. European Communities: European Parliament, Policy Department External Policies, 2009; *Verhoeff E. C., Niemann A.* National preferences and the European Union Presidency: the case of German energy policy towards Russia // Journal of Common Market Studies. 2011. Vol. 49. No 6. P. 1271–1293.

позиций и действия в отношении России¹. Особое внимание всегда привлекала в этом контексте «Европейская политика соседства».

Европейские исследователи также реализовали любопытный проект относительно роли стран-членов в ЕС, того, как они влияют на предпочтения Евросоюза, что туда привносят, каким образом, напротив, институты ЕС влияют на национальные органы власти, на двухсторонние связи. Этот проект примечателен также тем, что в его ходе были проанализированы разнообразные страны — члены ЕС, распределенные между географическими блоками (учитывающими и историческую специфику их взаимоотношений с Россией)².

¹ *Barbe E., Costa O., Herranz Surrallés A.* Which rules shape EU external governance? Patterns of rule selection in foreign and security policies // *Journal of European Public Policy*. 2009. Vol. 16. No 6. P. 834–852; *Braghioli S.* Voting on Russia in the European Parliament: The Role of National and Party Group Affiliations // *Journal of Contemporary European Studies*. 2015. Vol. 23. No 1. P. 58–81; *Carta C., Braghioli S.* Measuring Russia's Snag on the Fabric of the EU's International Society // *Journal of Contemporary European Research*. 2011. Vol. 7. No 2. P. 260–290; *Eberhardt A.* The European Union's Policy towards Russia: Unity in Diversity? // *The Polish Quarterly of International Affairs*. 2008. No 2. P. 69–73; *Fernandes S.* The European Union Institutional Balance: Assessment of its Impact on the Relationship with Russia // *The European Union neighbourhood: challenges and opportunities* / Ed. by T. Cierco. Farnham; Burlington, VT: Ashgate, 2013. P. 143–172; *Żurawski vel Grajewski P.* Russia and the EU's Neighbourhood Policy template // *The EU's shifting borders: theoretical approaches and policy implications in the new neighbourhood* / Ed. by E. Stadtmüller and K. Bachmann. Abingdon: Routledge, 2012. P. 149–165.

² *Casier T.* The Bilateral Relations of the Benelux Countries with Russia: Between Rhetorical EU Engagement and Competitive Business Interests // *Journal of Contemporary European Studies*. 2011. Vol. 19. No 2. P. 237–248; *Christou G.* Bilateral Relations with Russia and the Impact on EU Policy: The Cases of Cyprus and Greece // *Journal of Contemporary European Studies*. 2011. Vol. 19. No 2. P. 225–236; *Dangerfield M.* Visegrad Group Cooperation and Russia // *Journal of Common Market Studies*. 2012. Vol. 50. No 6. P. 958–974; *Etzold T., Haukkala H.* Is There a Nordic Russia Policy? Swedish, Finnish and Danish Relations with Russia in the Context of the European Union // *Journal of Contemporary European Studies*. 2011. Vol. 19. No 2. P. 249–260; *Galbreath D. G., Lašas A.* The 'Baltic' Factor in EU-Russian Relations: In Search of Coherence and Co-operation in an Era of Complexity // *Journal of Contemporary European Studies*. 2011. Vol. 19. No 2. P. 261–272; *Simão L.* Portuguese and Spanish Relations with Moscow: Contributions from the EU's Periphery to the CFSP // *Journal of Contemporary European Studies*. 2011. Vol. 19. No 2. P. 213–223; *Timmins G.* German-Russian Bilateral Relations

В сходном ракурсе отношения России с ЕС и странами-членами нередко анализировались как двухуровневая игра, в которой различные вопросы рассматриваются и решаются на разных уровнях¹. При этом были выделены две стратегии: прагматичное сотрудничество на национальном уровне со сдвигом проблемных вопросов (например, о демократических преобразованиях) на наднациональный уровень; и отягощение отношений Россия — ЕС национальными вопросами, когда они не могли решиться по линии Россия — страна-член. Первая стратегия, как правило, характерна для старых стран-членов, а вторая — для новых.

Исследования констатировали, что, несмотря на годы функционирования Евросоюза, а также опыт новых стран-членов в ЕС, политика по России не сближается, поскольку страны остаются разделенными по принципиальным вопросам диалога с Россией². Очевидно, кризис в отношениях России и ЕС, начавшийся в результате событий на Украине в 2014 г., способствовал этому сближению, однако отнюдь не на конструктивной платформе.

В исследованиях национальных предпочтений стран-членов выделяется две группы стран. Первая — новые члены ЕС, особенно страны Балтии и Польша³. Наиболее критично настроенные в отношении

and EU Policy on Russia: Between Normalisation and the 'Multilateral Reflex' // *Journal of Contemporary European Studies*. 2011. Vol. 19. No 2. P. 189–199; *National perspectives on Russia: European foreign policy in the making?* / Ed. by M. David, J. Gower and H. Haukkala. Abingdon: Routledge, 2013.

¹ *Stewart S. Coherence in EU Policy towards Russia: Identities and Interests // Constructing identities in Europe: German and Russian perspectives* / Ed. by R. Krumm, S. Medvedev, H.-H. Schröder. Baden-Baden: Nomos, 2012. P. 185–204; *The Two-Level Game: Russia's Relations with Great Britain, Finland and the European Union* / Ed. by H. Smith. Helsinki: Aleksanteri Series, 2006. No 2.

² *Schmidt-Felzmann A. All for One? EU Member States and the Union's Common Policy Towards the Russian Federation* // *Journal of Contemporary European Studies*. 2008. Vol. 16. No 2. P. 169–187.

³ *Dura G. The EU and Its Member States: Pursuing Diverse Interests in the CIS Region*. CASE — Center for Social and Economic Research, Warsaw, 2008. Policy Paper. No 368; *Härmaste A. The European Union's policy towards Russia since 2004 and the Estonian-Russian relationship in this context*. Tallinn: International Centre for the Defence Studies, no date; *Kaczmarek M., Smolar E. The European Union and Russia 2004–2007*. Warsaw: Center for International Relations, September 2007. Policy Paper. No 03; *Ludvi Z. The Enlarged EU and Russia-What*

России (в силу, прежде всего, истории), они препятствуют конструктивной линии ЕС в отношении Москвы, углублению сотрудничества (блокируя одни решения или откладывая другие). Второй приоритет таких исследований — Германия как лидер интеграционного процесса¹, до последнего времени настроенная позитивно в отношении углубления связей с Россией. Такой подход был обоснован, с одной стороны, традиционной для немцев верой в экономическую взаимозависимость, в то, что торговые и инвестиционные связи будут содействовать сближению и в конечном счете — общественным изменениям, а с другой — надеждами на политические изменения в России (например, связанными с президентством Д. Медведева). Трансформация позиции Германии на современном этапе, очевидно, послужит изменениям в изучении и здесь. Хотя Германия как лидер интеграционных процессов будет продолжать привлекать внимание исследователей.

Наконец, особое внимание заслужили отношения России и отдельных стран ЕС в энергетике². Здесь исследования вскрывали неравномерность зависимости стран-членов от России, различия в при-

Do Visegrad-Countries Contribute to EU-Russian Economic Relationship? // *Journal of East-West Business*. 2005. Vol. 11. No 1–2. P. 45–66. Briefing Paper. No 105; *Nielsen K. L.* Opportunities and Limitations for the Baltic States of the EU-Russian Strategic Partnership // *Baltic Defence Review*. 2004. Vol. 12. No 2. P. 80–103; *Roth M.* Bilateral Disputes between EU Member States and Russia. Brussels: CEPS, August 2009. CEPS Working Document. No 319; *Sleivyte J.* Russia's European Agenda and the Baltic States. London, New York: Routledge, 2010; *Racz A.* Divided Stands the Visegrad? Helsinki: FIIA, June 2014. Briefing Paper. No 158.

¹ *Meister S.* An alienated partnership. German-Russian Relations after Putin's Return. Helsinki: FIIA, May 2012; *Timmins G.* German Ostpolitik Under the Red-Green Coalition and EU-Russian Relations // *Debate: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*. 2006. Vol. 14. No 3. P. 301–314.

² *Bozhilova D., Hashimoto T.* EU-Russia energy negotiations: a choice between rational self-interest and collective action // *European Security*. 2010. Vol. 19. No 4. P. 627–642; *Roth M.* Poland as a Policy Entrepreneur in European External Energy Policy: Towards Greater Energy Solidarity vis-à-vis Russia? // *Geopolitics*. 2011. Vol. 16. No 3. P. 600–625; *Schmidt-Felzmann A.* EU Member States' Energy Relations with Russia: Conflicting Approaches to Securing Natural Gas Supplies // *Journal of Contemporary European Studies*. 2011. Vol. 16. No 3. P. 574–599; *Verhoeff E. C., Niemann A.* National preferences and the European Union Presidency...; См. также главы по исследованиям энергетических отношений.

емлемости этой зависимости и то, как это определяло их позицию по внешней энергетической политике России (особенно в газовой области).

Хрестоматийными стали и различные классификации стран — членов ЕС по степени их дружелюбности и расположенности к России. В одних они строились исходя из исторического опыта взаимодействия стран-членов с Москвой, а также тесноты экономических и особенно энергетических связей¹, в других — исходя из трактовки концепции модернизации, важности экономических и политических ее аспектов².

12.

Значение российской внешней политики

В зарубежных исследованиях, посвященных отношениям России и ЕС, большое внимание уделяется особенностям внешней политики России, ее задачам и принципам, конкретным действиям, процессу принятия внешнеполитических решений. Во многом это связано с тем, что развитие отношений между акторами зависит от их особенностей и внешнеполитических традиций. Так, существующие разногласия и противоречия между РФ и Евросоюзом принято объяснять именно различными традициями и приоритетами. К тому же можно вспомнить, что некоторые внешнеполитические действия России вызвали критику европейских партнеров и привели к осложнению отношений между РФ и ЕС: в 2008 г. после войны в Южной Осетии сотрудничество между Россией и ЕС было фактически приостановлено на несколько месяцев, в 2014 г. события на Украине разрушили «стратегическое партнерство», привели к «войне санкций» между Россией и ЕС и сделали невозможным дальнейшее сотрудничество.

¹ *Brighioli S., Carta C.* An Index of Friendliness toward Russia: An Analysis of the Member States and Member of the European Parliament's Positions. Turku, Pan-European Institute, 2009. Electronic Publications № 15; *Leonard M., Popescu N.* A Power Audit of EU-Russian Relations. London: ECFR, 2007.

² *Romanova T., Pavlova E.* What Modernisation? The Case of Russian Partnerships for Modernisation with the European Union and its Member States // *Journal of Contemporary European Studies*. 2014. P. 499–517.

Обзор зарубежных исследований, посвященных влиянию российской внешней политики на развитие отношений между Россией и Европейским союзом, базируется на публикациях в академических журналах (например, “Europe-Asia Studies”, “European Security”, “Geopolitics”, “The International Spectator”, “Journal of Area Studies”, “Journal of Contemporary European Studies”, “Problems of Post-Communism”, “The Washington Quarterly”), публикациях исследовательских институтов и центров (например, Института исследования безопасности Европейского союза, Центра европейских политических исследований), материалах научных конференций (например, конвентов Ассоциации международных исследований) и др.

Можно выделить несколько ключевых тем, которые рассматривались в зарубежных публикациях в связи с российской внешней политикой и ее значением для российско-европейских отношений: (1) российская внешняя политика в целом; (2) российские международные задачи или даже амбиции; (3) конкуренция между Россией и Западом, включая Евросоюз; (4) особенности политического режима в России и значение российских политических лидеров, прежде всего В. В. Путина и Д. А. Медведева; (5) роль событий в Грузии в 2008 г. и на Украине с 2014 г.; (6) конкретные направления российской внешней политики.

Так, общие тенденции развития внешней политики России рассматриваются в работах В. Барановского, М. Бакли, Л. Дериглазовой, А. Джоунса, Р. А. Джоунса, Л. Карабешкина, Д. Линча, А. С. Макарычева, Дж. Манкоффа, С. Марш, Н. Попеску, С. Секриеру, А. Снеткова, Х. Смит, А. Стент, Д. Тренина, Ф. Умбаха, Г. Фэллона, Х. Хауккала, А. П. Цыганкова, С. Шпигелер, Д. Шпехлер¹. В этих работах авторы

¹ *Baranovsky V.* Russia's Approach to Security Building in the Euro-Atlantic Zone // *The International Spectator*, June 2010. Vol. 45. No 2. P. 41–53; *Buckley M.* Russian foreign policy and its critics // *European Security*, December 2002. Vol. 11. No 4. P. 29–46; *Deriglazova L., Makarychev A. S. and O. Reut.* Russian Foreign Policy: What is not seen from the Kremlin // CEPS Working Document, June 2012. No 365; *Haukkala H.* Lost in Translation? Why the EU has Failed to Influence Russia's Development // *Europe-Asia Studies*, 2009. Vol. 61. No 10. P. 1757–1775; *Idem.* The EU-Russia strategic partnership: the limits of post-sovereignty in international relations. London & New York: Routledge, 2010; *Jones A. and G. Fallon.* The political economy of co-operation, trade and aid between the European Union and Russia // *Journal of Contemporary European Studies*, November 2003.

пытаются объяснить характер российской внешней политики, выявить исторические факторы, повлиявшие на ее формирование, определить особенности восприятия международных проблем. Отдельно можно выделить группу исследований, в которых анализируются внешнеполитические цели Российской Федерации и ее международные амбиции. Эти вопросы рассматриваются в публикациях А. С. Макарычева, Н. Попеску, Ф. Умбаха¹.

Vol. 11. No 2. P. 253–277; Jones R. A. The Soviet concept of 'Limited Sovereignty' from Lenin to Gorbachev: the Brezhnev Doctrine. Basingstoke: Macmillan, 1990; Karabeshkin L. A. and D. R. Spechler. EU and NATO enlargement: Russia's Expectations, Responses and Options for the Future // European Security, Sept. 2007. Vol. 16. No 3–4. P. 307–328; Lynch D. Russia faces Europe // Paris: Institute for Security Studies, 2003. Chaillot Papers No 60; Makarychev A. S. Rebranding Russia: Norms, Politics and Power // CEPS, February 2008. Working Document No 283; *Idem*. In Quest of Political Subjectivity: Russia's 'Normative Offensive' and the Triple Politicisation of Norms // What prospects for normative foreign policy in a multipolar world? // CEPS, IISS, DCAF & GCSP, July 2008. ESF Working paper No 29. P. 14–19; Mankoff J. Russian foreign policy. The return of great power politics, New York: Rowman and Littlefield, 2009; Marsh S. EU-Russia Security Relations and the Survey of Russian Federation Foreign Policy: One Year On // European Security. 2008, Vol. 17. Issue 2/3. P. 185–208; Popescu N. Russia's Soft Power Ambitions // CEPS, 26 October 2006. Policy Brief, No 115; Secrieru S. Russian Foreign Policy in Times of Crisis: Greater compliance or resilient self-confidence? // CEPS, June 2009. Policy Brief No 192/30; Smith H. Russian foreign policy, regional cooperation and northern relations // The New Northern Dimension of the European Neighbourhood. CEPS, 2008. P. 19–35; Snetkov A. When the Internal and External Collide: A Social Constructivist Reading of Russia's Security Policy // Europe-Asia Studies, 2012. Vol. 64. No 3. P. 521–542; Trenin D. Russia Redefines Itself and Its Relations with the West // The Washington Quarterly, April 2007. Vol. 30. No 2. P. 95–105; *Idem*. Russia and global security norms // The Washington Quarterly, March 2004. Vol. 27. No 2. P. 61–77; *Idem*. No Return to the Past for Russia // The International Spectator, September 2012. Vol. 47. No 3. P. 8–12; *Idem*. A Russia-within-Europe: Working towards a New Security Arrangement // Russia's Security Policy and EU-Russian Relations. ESF, March, 2002. Working Paper. No 6. P. 1–6; Trenin D., De Spiegeleire S. and A. Stent. Russia's Security Policy and EU-Russian Relations // ESF, March, 2002. Working Paper. No 6; Tsygankov A. P. Finding a Civilisational Idea: "West," Eurasia," and "Euro-East" in Russia's Foreign Policy // Geopolitics, July 2007. Vol. 12. No 3. P. 375–399; Umbach F. Russia as a 'virtual great power': Implications for its declining role in European and Eurasian security // European Security, Sept. 2000. Vol. 9. No 3. P. 87–122.

¹ Makarychev A. S. Rebranding Russia: Norms, Politics and Power...; *Idem*. In Quest of Political Subjectivity: Russia's 'Normative Offensive' and the Triple

Во многих зарубежных исследованиях авторы рассматривают проблему конкуренции между Россией и Западом, их ценностей и интересов, соперничества между Россией и Евросоюзом в нормативной сфере. Подобные вопросы затрагиваются в работах Д. Аверре, Д. Босолд, К. Брокман, Л. Карабешкина, А. С. Макарычева, Л. Марча, Т. Казира, В. Морозова, И. Нойманна, Д. Тренина, П. Флинли, Т. Форсберга, Х. Хауккала, М. Эмерсона¹.

Еще одно популярное направление изучения российской внешней политики за рубежом связано с анализом особенностей политического режима в России, процесса принятия политических решений и роли лидеров в этом процессе. Особое внимание сторонники

Politicisation of Norms...; *Popescu N.* Russia's Soft Power Ambitions...; *Umbach F.* Russia as a 'virtual great power': Implications for its declining role in European and Eurasian security...

¹ *Averre D.* Russian Foreign Policy and the Global Political Environment, Problems of Post-Communism, 2008. Vol. 55. No 5. P. 28–39; *Idem.* Competing Rationalities: Russia, the EU and the 'Shared Neighbourhood' // *Europe-Asia studies*, 2009. Vol. 61. No 10. P. 1689–1713; *Democratization and Security in Central and Eastern Europe and the Post-Soviet States*, 12th DGAP New Faces Conference, Prague, 16–18 March, 2009 / *Brockmann K. and Bosold, D.* (eds.). P. 33–37; *Casier T.* The EU-Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument // *Europe-Asia Studies*, September 2013. Vol. 65. No 7. P. 1377–1395; *Emerson M.* Russia in Europe and the West // *CEPS*, 01 April 2010. Commentary; *Flenley P.* Russia and the EU: The Clash of New Neighbourhoods? // *Journal of Contemporary European Studies*, August 2008. Vol. 16. No 2. P. 189–202; *Forsberg T. and H. Haukkala.* The End of an Era for Institutionalism in European Security? // *Journal of Contemporary European Studies*, 2015. Vol. 23. No 1. Special Issue: Russia and the Major European Institutions. P. 1–5; *Haukkala H.* The Russian Challenge to EU Normative Power: The Case of European Neighbourhood Policy // *The International Spectator*, 2008. Vol. 43. No 2. P. 35–47; *Karabeshkin L. A. and L. R. Spechler.* EU and NATO enlargement: Russia's Expectations, Responses and Options for the Future...; *Makarychev A. S.* Rebranding Russia: Norms, Politics and Power...; *Idem.* In Quest of Political Subjectivity: Russia's 'Normative Offensive' and the Triple Politicisation of Norms...; *March L.* Security strategy and the "Russia problem" // *Dannreuther R. and Peterson J.* (eds.). *Security strategy and transatlantic relations*, New York, Routledge, 2006. P. 98–103; *Morozov V.* Russia and the West: Dividing Europe, Constructing Each Other, paper presented at the ISA Annual Convention, Chicago, February 28 — March 3, 2007; *Neumann I. B.* Russia as Europe's other // *Journal of Area Studies*, March 1998. Vol. 6. No 12. P. 26–73; *Trenin D.* Russia Redefines Itself and Its Relations with the West // *The Washington Quarterly*, April 2007. Vol. 30. No 2. P. 95–105.

данного подхода уделяют политическим приоритетам В. В. Путина и Д. А. Медведева и основным направлениям их внешнеполитической деятельности. К этому направлению можно отнести публикации И. Бусыгиной, Дж. Гауэр, А. Джоунса, М. Лайт, А. С. Макарычева, Л. Марча, К. Пинноньеми, С. Уайта, Г. Фэллон, Р. Эллисона¹.

Наиболее внимательно в зарубежных исследованиях рассматривается российская политика в отношении «общих соседей», прежде всего Грузии и Украины, поскольку российские действия в отношении Грузии в 2008 г. и политика в отношении Украины, начиная с 2014 г., вызвали резкую критику со стороны Евросоюза и стран — членов ЕС и негативно повлияли на характер отношений между Россией и Евросоюзом. Ученые пытаются объяснить действия России и обосновать негативную реакцию Европейского союза на действия «стратегического партнера». Среди авторов, изучающих последствия событий в Грузии и на Украине для отношений России и ЕС, — такие исследователи, как М. И. Беккер, Дж. Говер, М. Дэвид, М. С. Коуен, С. Куши, Я. П. МакМанус, Т. Форсберг, Х. Хауккала, Р. Эллисон².

¹ Allison R., Light M., White S. *Putin's Russia and the Enlarged Europe*, London, Chatham House/Blackwell Publishing, 2006; Gower J. *European Union-Russia Relations at the End of the Putin Presidency* // *Journal of Contemporary European Studies*, August 2008. Vol. 16. No 2. P. 161–167; Jones A. and G. Fallon. *The political economy of co-operation, trade and aid between the European Union and Russia...*; Makarychev A. *Farewell to the liberal technocrat? Reassessing Medvedev's foreign policy legacy* // CEPS Commentary, 1 March 2012; March L. *Security strategy and the "Russia problem"...*; Pynnöniemi K. and I. Busygina. *Critical infrastructure protection and Russia's hybrid regime* // *European Security*, Dec. 2013. Vol. 22. No 4. P. 559–575.

² Allison R. *The Russian case for military intervention in Georgia: international law, norms and political calculation* // *European Security*, June 2009. Vol. 18. No 2. P. 173–200; *Idem*. *Russia, the west, and military intervention*. Oxford: Oxford University Press, 2013; Becker M. E., Cohen M. S., Kushi S. and I. P. McManus. *Reviving the Russian empire: the Crimean intervention through a neoclassical realist lens* // *European Security*, 2016. Vol. 25. No 1. P. 112–133; David M., Gower J. and H. Haukkala. *Introduction: The European Union and Russia* // *Journal of Contemporary European Studies*, June 2011. Vol. 19. No 2. P. 183–188; Forsberg T. and H. Haukkala. *The End of an Era for Institutionalism in European Security?* // *Journal of Contemporary European Studies*, 2015. Vol. 23. No 1. Special Issue: *Russia and the Major European Institutions*. P. 1–5; Haukkala H. *From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination of a Long-Term Crisis in EU-Russia Relations* // *Journal of Contemporary European Studies*, January 2015. Vol. 23. No 1. P. 25–40.

Наконец, в некоторых публикациях уделяется внимание определенным региональным приоритетам российской внешней политики, тому, как Россия выстраивает свою внешнеполитическую деятельность в различных регионах, и влиянию географических приоритетов России на отношения с Евросоюзом. Подобные вопросы затрагиваются в публикациях В. Барановского, Х. Костяняна, А. С. Макарычева, Х. Хауккала, М. Эмерсона, Т. Этзоляда¹.

В данном обзоре была предпринята попытка выявить наиболее значимые тенденции и определить основную тематику подобных исследований. Список публикаций, проанализированных в данном обзоре, не является исчерпывающим, но рассмотренные научные исследования позволяют сделать выводы о характере зарубежных исследований.

13.

Отношения Европейского союза и России в контексте внутренней эволюции Евросоюза

Проблемам внутренней эволюции Европейского союза (развитию концептуальных моделей интеграции, институтам ЕС, европейскому праву, системе принятия решений, отдельным политикам) посвящено значительное количество исследований академического и экспертного характера, однако в большинстве таких работ рассматриваются внутренние аспекты функционирования Евросоюза. Меньшее количество исследований посвящено взаимосвязи внутренней эволюции ЕС и его внешнеполитической деятельности, и очень небольшое количество работ фокусируется на изучении комплексных

¹ *Baranovsky V. Russia's Approach to Security Building in the Euro-Atlantic Zone...; Emerson M., Kostanyan H. The Implications of Eurasian Integration for the EU's Relations with the Countries in the Post-Soviet Space // Series: CEPS. 4 Nov 2015. Commentary; Etzold T. and H. Haukkala. Is There a Nordic Russia Policy? Swedish, Finnish and Danish Relations with Russia in the Context of the European Union // Journal of Contemporary European Studies, June 2011. Vol. 19. No 2. P. 249–260; Makarychev A. S. Russia and its 'New Security Architecture' in Europe: A Critical Examination of the Concept // CEPS, February 2009. Working Document No 310.*

взаимосвязей внутренних изменений в Евросоюзе и его отношений с отдельными странами, включая Россию. В то же время существует большое количество работ, посвященных эволюции акторности Европейского союза на международной арене и совершенствованию его внешнеполитических инструментов, а также развитию внешней политики Евросоюза¹.

Среди исследований, в которых затрагивается взаимосвязь между эволюцией Европейского союза и развитием отношений между ним и Россией можно выделить ряд работ, посвященных анализу взаимодействий Евросоюза и России в отдельных секторах (отношения в торгово-экономической сфере и особенно в области энергетики²;

¹ *Henökl T.* Conceptualizing the European Diplomatic Space: A Framework for Analysis of the European External Action Service // *Journal of European Integration*, 2014. Vol. 36. Issue 5. P. 453–471; *Larsen H.* The EU as a Normative Power and the Research on External Perceptions: The Missing Link // *Journal of Common Market Studies*. Jul 2014. Vol. 52. Issue 4. P. 896–910; *Niemann A., Bretherton C.* EU external policy at the crossroads: The challenge of actorness and effectiveness // *International Relations*, Sept 2013. P. 261–275; *Bressand A.* Between Kant and Machiavelli: EU foreign policy priorities in the 2010s // *International Affairs*, Jan 2011. Vol. 87. Issue 1. P. 59–85; *Smith K. E.* Can the European Union be a Pole in a Multipolar World? // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*, 2013. Vol. 48. Issue 2. P. 114–126; *Zwolksi K.* The EU as an international security actor after Lisbon: Finally a green light for a holistic approach? // *Cooperation and Conflict*, Mar 2012. Vol. 47, 1. P. 68–87.

² *Forsberg T., Seppo A.* Power without Influence? The EU and Trade Disputes with Russia // *Europe-Asia Studies*. Dec 2009. Vol. 61. Issue 10. P. 1805–1823; *Kononenko V.* The EU and Russia cease to be a priority for each other: The squabble over WTO membership reveals the defunct state of the strategic partners. FIIA Comment, Published 19.12.2012; *Aalto P.* From Separate Policies to Dialogue? Natural Gas, Oil and Electricity on the Future Agenda of EU-Russia Energy Relations. Tartu, Centre for EU-Russia Studies. EU-Russia Papers, No 3 (March 2012); *Hazakis K.* EU-Russia Energy Diplomacy: The Need for an Active Strategic Partnership. College of Europe Diplomacy Papers 2012 / 4. (July, 2012); *Kazantsev A.* Policy networks in European-Russian gas relations: Function and dysfunction from a perspective of EU energy security // *Communist and Post-Communist studies*, 2012. No 3–4. P. 305–313; *Ziegler Ch. E.* Energy Pipeline Networks and Trust: The European Union and Russia in Comparative Perspective // *International Relations*, Mar 2013. Vol. 27. Issue 1. P. 3–29; *Bozhilova D., Hashimoto T.* EU-Russia energy negotiations: a choice between rational self-interest and collective action // *European Security*, 2010. Vol. 19. Issue 4. P. 627–642; *Casier T.* The Rise of Energy to the Top of the EU-Russia Agenda: From Interdependence to Dependence? //

общее пространство свободы, безопасности и правосудия, в особенности вопросы миграции¹; проблемы политических институтов и человеческого измерения²) или в смежных регионах (прежде всего Балтийский регион и регион «общего соседства»)³. Также некоторые

Geopolitics, 2011. Vol. 16. Issue 3. P. 536–552; *Kaveshnikov N.* The issue of energy security in relations between Russia and the European Union // *European Security*, 2010. Vol. 19. Issue 4. P. 585–605; *Khrushcheva O.* The Creation of an Energy Security Society as a Way to Decrease Securitization Levels between the European Union and Russia in Energy Trade // *Journal of Contemporary European Research*, 2011. No 2. P. 216–230; *Leal-Arcas R.* The EU and Russia as Energy Trading Partners: Friends or Foes? // *European Foreign Affairs Review*, 2009. No. 3. P. 337–366; *Van Der Meulen E. F.* Gas Supply and EU-Russia Relations // *Europe-Asia Studies*. Jul 2009. Vol. 61. Issue 5. P. 833–856; *Romanova T.* Russian energy in the EU market: Bolstered institutions and their effects // *Energy Policy*. Nov 2014. Vol. 74. P. 44–53.

¹ *Bisson L.* Cooperation Between Russia and the EU in the Sphere of Migration // *Russian Politics & Law*. Nov/Dec 2014. Vol. 52. Issue 6. P. 76–93; *Hernandez-i-Sagrera R.* The EU-Russia readmission-visa facilitation nexus: an exportable migration model for Eastern Europe? // *European Security*, 2010. Vol. 19. Issue 4. P. 569–584; *Korneev O.* Deeper and Wider than a Common Space: European Union–Russia cooperation on migration management // *European Foreign Affairs Review*, 2012. 17. 4. P. 605–624; *Potemkina O.* EU-Russia cooperation on the common space of freedom, security and justice — a challenge or an opportunity? // *European Security*, 2010. Vol. 19. Issue 4. P. 551–568.

² *Daskalova A.* To Be or Not to Be a Normative Power: The EU's Promotion of Human Rights and Democracy in Russia. College of Europe, Bruges Regional Integration & Global Governance Papers 2/2013 (September 2013).

³ *Gänzle S., Müntel G.* Europeanization 'Beyond' Europe? EU Impact on Domestic Policies in the Russian Enclave of Kaliningrad // *Journal of Baltic Studies*, 2011. No 1. P. 57–79; *Avere D.* EU-Russia Relations and the Shared Neighbourhood: An Overview. A study requested by the European Parliament. 18 March. 2011. *Khudoley K.* Russia, the EU and the Northern Dimension // *The Flexible Frontier: Change and Continuity in Finnish-Russian Relations* / Ed. by Lähteenmäki, M. Aleksanteri. Series 5/2007. P. 245–265; *Sergounin A.* Russia and the challenges of regional cooperation in Northern Europe / *Remaking Europe in the margins: Northern Europe after the enlargements* / Ed. by C. Browning. London: Ashgate, 2005. P. 105–121; *The New Northern Dimension of the European Neighbourhood* / Aalto P., Blakkisrud H., Smith H. (eds). CEPS, 2008; *Galbreath D. J., Lasas A.* The 'Baltic' Factor in EU-Russian Relations: In Search of Coherence and Co-operation in an Era of Complexity // *Journal of Contemporary European Studies*. Jun 2011. Vol. 19. Issue 2. P. 261–272; *Khudoley K., Izotov A.* Russia and the European Union: Partnership and Conflict Undefined // *Made V. and Sekarev A.* (eds.). *The European Neighbourhood After August 2008*. NL: Republic of Letters Publishing, 2011. P. 199–232.

работы исследуют формирование отношения к «русской повестке» отдельными институтами Европейского союза¹. В значительной части этих исследований рассматривается вопрос о распространении на Россию норм, правил и стандартов ЕС в процессе сотрудничества с ней. Также в этом контексте следует обратить внимание на ряд работ, исследующих ключевые аспекты (двухсторонние документы, инициативы) и тенденции отношений Евросоюза и России².

¹ Raik K., Maurer H. Pioneers of a European Diplomatic System: EU Delegations in Moscow and Washington. FIIA Analysis, May 2014; Braghiroli. Voting on Russia in the European Parliament: The Role of National and Party Group Affiliations // Journal of Contemporary European Studies, 2015. No 1. P. 58–81.

² Emerson M. EU-Russia Four Common Spaces and the Proliferation of the Fuzzy. Brussels, 2005. CEPS Policy Brief. No 71; Haukkala H. From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination of a Long-Term Crisis in EU-Russia Relations // Journal of Contemporary European Studies, 2015. No 1. P. 25–40; Klinke I. Postmodern Geopolitics? The European Union Eyes Russia // Europe-Asia Studies. Jul 2012. Vol. 64. Issue 5. P. 929–947; Nitoiu C. EU-Russia relations: Between conflict and cooperation // International Politics, Mar 2014. P. 234–253; Casier T. The EU-Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument // Europe-Asia Studies. Sep 2013. Vol. 65. Issue 7. P. 1377–1395; Debardeleben J. Applying constructivism to understanding EU-Russian relations // International Politics, Special Issue: Russia in the New International Order: 49. 4 (Jul 2012); Emerson M., Tassinari F., Vahl M. A New Agreement between the EU and Russia: Why, what and when. Brussels: CEPS, 33 of May, 2006; Haukkala H. Lost in Translation? Why the EU has Failed to Influence Russia's Development // Europe-Asia Studies. Dec 2009. Vol. 61. Issue 10. P. 1757–1775; Haukkala H. The Relevance of Norms and Values in the EU's Russia Policy. UPI Working Papers 52 (2005); Kazantsev A., Sakwa R. New 'dividing lines' in Europe: A crisis of trust in European-Russian relations // Communist and Post-Communist studies, 2012. No 3–4. P. 289–293; Nitoiu C. Reconceptualizing 'Cooperation' in EU-Russia Relations // Perspectives on European Politics & Society. Dec 2011. Vol. 12. Issue 4. P. 462–476; Romanova T., Pavlova E. What Modernisation? The Case of Russian Partnerships for Modernisation with the European Union and Its Member States // Journal of Contemporary European Studies, 2014. No 4. P. 499–517; The Elephant and the Bear Try Again: Options for a New Agreement between EU and Russia. CEPS 2006; Vahl A. Privileged Partnership? EU-Russian Relations in Comparative Perspective. DIIS Working Paper. No 2006/3. hip. FIIA Comment 15 (2012) Published 19.12.2012; The EU and Russia Perceptions and Interest in Shaping Relations / Gerrits A. (ed). Clingendael, November 2008; Hogenauer A.-L., Friedel M. The EU and Russia: Strategic or Short-sighted Partnership // Mahncke D., Gstohl S. (eds.). Europe's Near Abroad. Brussels, P. I.E. Peter Lang, 2008, College of Europe Studies. Vol. 4. P. 257–279; Medvedev S. EU-Russia

Влиянию отдельных стран — членов Евросоюза на формирование отношений между ЕС и Россией¹ посвящено большее количество исследований по сравнению с работами, в которых анализируется влияние институтов Европейского союза на формирование и реализацию его политики по отношению к России. В данном контексте значительное количество исследований фокусируется на изучении двухсторонних отношений между Россией и ведущими странами — членами ЕС (прежде всего это Германия², а также Великобритания³) и их влияния как на взаимодействия между Россией

Relations. Alternative Futures. FIIA Report 2006; *Morgado Dos Santos A-M.* How to Rebalance the EU-Russia Relationship: Potential and Limits // *European Foreign Affairs Review*, 2010. No 3. P. 307–324; *Fernandes S.* European Security through EU-Russian Relations: Towards A New Multilateral Order // *Journal of Contemporary European Research*, 2011. No 2. P. 195–215; *Romanova T.* The Level-of-Analysis Problem in the Past, Present and Future of EU-Russia Relations // Tartu, Centre for EU-Russia Studies. EU-Russia Papers No 2 (Nov. 2011); *Van Elsuwege P.* Towards a Modernisation of EU-Russia Legal Relations? Tartu, Centre for EU-Russia Studies, EU-Russia Papers No 5 (June 2012).

¹ *Roth M.* Bilateral Disputes between EU Member-states and Russia. CEPS. 20 of August, 2009; *EU-Russia Watch 2012 / by Lobjakas A., Molder M.* (eds.). Centre for EU-Russia Studies, University of Tartu, 2012.

² *Chivvis C. S., Rid T.* The Roots of Germany's Russia Policy // *Survival*. Apr-May 2009. Vol. 51. Issue 2. P. 105–122; *Jensen V. W.* Germany in the New Europe. German-Russian Relations in European and Transatlantic Perspective. NUPI Report, 2013; *Timmins G.* German-Russian Bilateral Relations and EU Policy on Russia: Between Normalisation and the 'Multilateral Reflex' // *Journal of Contemporary European Studies*. Jun 2011. Vol. 19. Issue 2. P. 189–199; *Kleuters J.* Between Continuity and Change: Ostpolitik and the Constructivist Approach Revisited // *German Politics*. Dec 2009. Vol. 18. Issue 4. P. 519–535; *Meister S.* An alienated partnership: German-Russian relations after Putin's return. FIIA Briefing Paper, May 2012; *Meister S.* Reframing Germany's Russia policy — an opportunity for the EU. European Council on Foreign Relations. Policy Briefs, 24 Apr. 2014; *Spanger H.-J.* German-Russian relations. A Pan-European mission as national interest // *Studia Diplomatica*, 2012. No 1. P. 33–44; *Szabo S. F.* Can Berlin and Washington Agree on Russia? // *Washington Quarterly*. Aut 2009. Vol. 32. Issue 4. P. 23–41; *Salminen M.-M.* German-Russian Relations: Will there be Changes after German Elections. UPI Briefing Paper No 40. 23 September 2009; *Verhoef E. C., Niemann A.* National Preferences and the European Union Presidency: The Case of German Energy Policy towards Russia // *Journal of Common Market Studies*. Nov 2011. Vol. 49. Issue 6. P. 1271–1293.

³ *David M.* A Less than Special Relationship: The UK's Russia Experience // *Journal of Contemporary European Studies*. Jun 2011. Vol. 19. Issue 2. P. 201–212; *Wood A.* Britain and Russia. Chatham House Programme Paper, July 2011.

и Европейским союзом в целом, так и на формирование институтами Евросоюза политики по отношению к России.

Также можно выделить ряд работ, посвященных отношениям между Россией и странами Центральной и Восточной Европы (прежде всего странами Вишеградской группы, в особенности Польшей)¹. В некоторых из этих исследований ставится вопрос о необходимости большей согласованности и интегрированности политик стран Центральной и Восточной Европы по отношению к России в контексте их членства в Евросоюзе и евроатлантических институтах.

Некоторые исследования посвящены отношениям между Россией и странами Балтийского и Северо-Европейского регионов²

¹ *Rącz A.* Divided Stands the Visegrad? The V4 have been united towards the Ukraine crisis but remain split concerning Russia. FIIA Briefing Paper, June 2014; *Bouzarovski S., Konieczny M.* Landscapes of Paradox: Public Discourses and Policies in Poland's Relationship With the Nord Stream Pipeline // *Geopolitics*, 2010. Vol. 15. Issue 1. P. 1–21; *Braun A.* Resetting Russian – Eastern European relations for the 21st century // *Communist and Post-Communist studies*, 2012. No 3–4, P. 389–400; *Copsey N., Pomorska K.* Poland's power and influence in the European Union: The case of its eastern policy // *Comparative European Politics*. Sep 2010. P. 304–326; *Katan.* East of Centre: Can the Visegrad Group Speak with One Voice on Eastern Policy? PISM Policy Paper No 5 (53). Feb 2013; *Levintova E.* Good Neighbours? Dominant Narratives about the 'Other' in Contemporary Polish and Russian Newspapers // *Europe-Asia Studies*. Oct 2010. Vol. 62. Issue 8. P. 1339–1361; *Rącz A.* The Greatest Common Divisor: Russia's Role in Visegrad Foreign Policies // *The Polish Quarterly of International Affairs*, 4/2012; *Taras R.* Russia Resurgent, Russophobia in Decline? Polish Perceptions of Relations with the Russian Federation 2004–2012 // *Europe-Asia Studies*. Jul 2014. Vol. 66. Issue 5. P. 710–734; *Zieliński M. J.* Cross-border Cooperation between Poland and Kaliningrad Oblast in the Context of Polish-Russian Relations in 2004–2011 // *Lithuanian foreign Policy review*, 2012. No 28. P. 11–42; *Roth M.* Poland as a Policy Entrepreneur in European External Energy Policy: Towards Greater Energy Solidarity vis-a-vis Russia? // *Geopolitics*, 2011. Vol. 16. Issue 3. P. 600–625.

² *Etzold T., Haukkala H.* Is there a Nordic Russia policy? Swedish, Finnish and Danish Relations with Russia in the Context of the European Union // *Journal of Contemporary European Studies*. Jun 2011. Vol. 19. Issue 2. P. 249–260; *Lödén H.* Reaching a vanishing point? Reflections on the future of neutrality norms in Sweden and Finland // *Cooperation and Conflict*. June 2012. P. 271–284; *Möller U., Bjereld U.* From Nordic neutrals to post-neutral Europeans: Differences in Finnish and Swedish policy transformation // *Cooperation and Conflict*. Dec 2010. P. 363–386; *Kangas A.* Beyond Russophobia: A practice-based interpretation of Finnish–Russian/Soviet relations // *Cooperation and Conflict*. Mar 2011.

(в особенности странами Балтии)¹ и их влиянию на отношения между Европейским союзом и Россией в целом.

Также можно выделить работы, изучающие проблематику двухсторонних отношений России и средиземноморских стран² и их влияние на динамику развития отношений между Россией и Евросоюзом в целом.

Помимо этого, большое количество исследований посвящено анализу внешних политик отдельных стран — членов Европейского союза в контексте их членства в европейских и евроатлантических институтах³.

P. 40–59; *Aalto P., Blakkisrud H., Gebhard C.* Soft Competition: Finland, Sweden and the Northern Dimension of the European Union // *Scandinavian Political Studies*. Dec 2013. Vol. 36. Issue 4. P. 365–390.

¹ *Galbreath D. J., Lasas A.* The ‘Baltic’ Factor in EU–Russian Relations: In Search of Coherence and Co-operation in an Era of Complexity // *Journal of Contemporary European Studies*. Jun 2011. Vol. 19. Issue 2. P. 261–272; *Nielsen K. L.* Opportunities and Limitations for the Baltic States of the EU–Russia Strategic Partnership // *Baltic Security & Defence Review*, 2007. Vol. 9. P. 109–130; *Identity and Foreign Policy: Baltic-Russian Relations and European Integration* / Berg E., Ehin P. (eds). Aldershot: Ashgate, 2009; *Bukovskis K.* Will Vladimir Putin’s Return De-pragmatize Latvian-Russian Relations? — Riga: Latvian Institute of International Affairs, Friedrich Ebert Stiftung, 2012; *Haukkala H.* A Close Encounter of The Worst Kind? The Logic of Situated Actors and the Statue Crisis Between Estonia and Russia // *Journal of Baltic Studies*, 2009. No 2. P. 201–213; *Roll G.* Civil Society Cooperation in the Face of Territorial Adversity: The Estonian-Russian Case // *Journal of European Integration*. Sep 2010. Vol. 32. Issue 5. P. 475–490.

² *Christou G.* Bilateral Relations with Russia and the Impact on EU Policy: The Cases of Cyprus and Greece // *Journal of Contemporary European Studies*. Jun 2011. Vol. 19. Issue 2. P. 225–236; *Simao L.* Portuguese and Spanish Relations with Moscow: Contributions from the EU’s Periphery to the CFSP // *Journal of Contemporary European Studies*. Jun 2011. Vol. 19. Issue 2. P. 213–223; *Grigoriadis, Theocharis; Iordanidis, Vlantis.* Greek-Russian Relations: Foreign Policy and Diplomacy. LIAMEP Working Paper 54/2014; *Lutterbeck D., Engelbertch G.* The West and Russia in the Mediterranean: Towards a Renewed Rivalry? // *Mediterranean Politics*. Nov 2009. Vol. 14. Issue 3. P. 385–406.

³ *Cladi L., Webber M.* Italian foreign policy in the post-cold war period: a neo-classical realist approach // *European Security*, 2011. Vol. 20. Issue 2. P. 205–219; *Beech M.* British Conservatism and Foreign Policy: Traditions and Ideas Shaping Cameron’s Global View // *British Journal of Politics & International Relations*. Aug 2011. Vol. 13. Issue 3. P. 348–363; *Harnisch S.* ‘The Politics of Domestication’: A New Paradigm in German Foreign Policy // *German Politics*. Dec 2009. Vol. 18. Issue 4. P. 455–468; *Malici A.* Germans as Venetians: The Culture of German

Упомянутые работы, безусловно, не исчерпывают исследовательскую повестку по тематике отношений между Россией и Европейским союзом в контексте его внутренней эволюции, однако дают представление об основных направлениях и характере зарубежных исследований в этой области.

Foreign Policy Behavior // *Foreign Policy Analysis*. Jan 2006. Vol. 2. Issue 1. P. 37–62; *McCourt D.* Has Britain Found its Role? // *Survival*. Apr/May 2014. Vol. 56. Issue 2. P. 159–178; *McCourt D.* Rethinking Britain's Role in the World for a New Decade: The Limits of Discursive Therapy and the Promise of Field Theory // *British Journal of Politics & International Relations*. May 2011. Vol. 13. Issue 2. P. 145–164; *Micu M.* Romanian Foreign Policy in the Context of Transatlantic Divergences // *Romanian Journal of Political Science*. Winter 2007. Vol. 7. Issue 2. P. 103–130; *Morris J.* How Great is Britain? Power, Responsibility and Britain's Future Global Role // *British Journal of Politics & International Relations*. Aug 2011. Vol. 13. Issue 3. P. 326–347; *Oppermann K.* National Role Conceptions, Domestic Constraints and the New 'Normalcy' in German Foreign Policy: the Eurozone Crisis, Libya and Beyond // *German Politics*. Dec 2012. Vol. 21. Issue 4. P. 502–519; *Paterson W. E.* Foreign Policy in the Grand Coalition // *German Politics*. Sep-Dec 2010. Vol. 19. Issue 3/4. P. 497–514; *Pedersen R. B.* Danish foreign policy activism: Differences in kind or degree? // *Cooperation and Conflict*. Sep 2012. No 3. P. 331–349; *Reeves C.* Reopening the Wounds of History? The Foreign Policy of the 'Fourth' Polish Republic // *Journal of Communist Studies & Transition Politics*. Dec 2010. Vol. 26. Issue 4. P. 518–541; *Reifler J., Scotto T. J., Clarke H. D.* Foreign Policy Beliefs in Contemporary Britain: Structure and Relevance // *International Studies Quarterly*. Mar 2011. Vol. 55. Issue 1. P. 245–266; *Schild J.* Mission Impossible? The Potential for Franco-German Leadership in the Enlarged EU // *Journal of Common Market Studies*. Nov 2010. Vol. 48. Issue 5. P. 1367–1390; *Tertais B.* Leading on the Cheap? French Security Policy in Austerity // *Washington Quarterly*. Summer 2013. Vol. 36. Issue 3. P. 47–61; *Tunsjø Ø.* Geopolitical shifts, great power relations and Norway's foreign policy // *Cooperation and Conflict*. Mar 2011. P. 60–77; *Weiss M.* Powers and signals: Explaining the German approach to European security // *Journal of International Relations and Development*, 2009. No 3. P. 317–348; *Yoder J.* An Intersectional Approach to Angela Merkel's Foreign Policy // *German Politics*. Sep 2011. Vol. 20. Issue 3. P. 360–375; *Powell C.* A Second Transition, or More of the Same? Spanish Foreign Policy under Zapatero // *South European Society and Politics*, 2009. No 4. P. 379–397; *Klinke I.* Geopolitics in Germany – the *Return* of the Living Dead? // *Geopolitics*, 2011. Vol. 16. Issue 3. P. 707–726; *Larsen H.* Danish Foreign Policy and the Balance between the EU and the US: The Choice between Brussels and Washington after 2001 // *Cooperation and Conflict*. Jun 2009. P. 209–230; *Strachan H.* The Strategic Gap in British Defence Policy // *Survival*. Aug/Sep 2009. Vol. 51. Issue 4. P. 49–70.

14.

Правовые аспекты отношений

Одна из основных (и исторически первых) тенденций изучения России в Евросоюзе исходила из распределения полномочий и инструментов ЕС, а также из его взаимоотношений с третьими странами. Последние традиционно состоят в распространении Евросоюзом его ценностей, а также системы права, технического регулирования на соседей. В этом контексте закономерными были предложения применять к России инструменты, аналогичные тем, что использовались для стран-кандидатов, а также идеи о распространении на Россию законодательства ЕС и его неформальных норм (т. н. *acquis communautaire*) и собственно ст. 55 Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС), которая прописывала готовность России реформировать свою систему так, чтобы приближаться к регулированию в ЕС.

Заемствования эти, как полагали зарубежные специалисты, должны были проходить и через процесс рационального принятия, поскольку нормы были универсальны (на взгляд Брюсселя), и через социализацию, т. е. процесс обучения чиновников, граждан, предпринимателей, через осознание ими всех преимуществ предлагаемых для трансфера норм и невозможности других¹.

¹ Adapting to European integration: Kaliningrad, Russia and the European Union / Ed. by S. Gänzle, G. Müntel, E. Vinokurov. Manchester: Manchester University Press, 2008; *Vapuly B.* Creating European Spaces for Associates, Partners, Neighbours // Croatian Yearbook of European Law & Policy, 2007. Vol. 3. P. 331–354; *Barbé E., Costa O., Herranz Surrallés A., Natorski M.* Which rules shape EU external governance? Patterns of rule selection in foreign and security policies // Journal of European Public Policy, 2009. Vol. 16. No 6. P. 834–852; *Bideleux R.* Rethinking the Eastward Extension of the EU Civil Order and the Nature of Europe's New East-West Divide // Perspectives on European Politics and Society, 2009. Vol. 10. No 1. P. 118–136; *Cameron F., Matta A.* Prospects for EU-Russia relations. Turku: Pan-European Institute, 2008. Electronic Publications of Pan-European Institute. No 6; *Emerson, M.* Some Paradigms for the Evolving Map of Europe. Brussels: CEPS, April 2001. CEPS Working Document. No 164. European Integration Without Membership: Models, Experiences, Perspectives / Ed. by F. Maiani, R. Petrov, E. Mouliarova. Fiesole: EUI, 2009. Working Papers. No MWP 2009/10; *Gänzle S., Müntel G.* Europeanization 'Beyond' Europe? EU Impact on Domestic Policies in the Russian Enclave of Kaliningrad // Journal of Baltic Studies, 2011. Vol. 42. No 1. P. 57–79; *Gould T.* The European economic area: A model for the

При этом выделялась важность формирования политических сетей для трансфера норм, в т. ч. через регулярный обмен информацией и социализацию¹, а также принцип политической обусловленности, в соответствии с которым Евросоюз предоставляет какие-то (чаще всего экономические) выгоды своим партнерам в обмен на принятие его правовых норм, а также ценностей.

Обсуждалась также возможность использования для отношений России и ЕС модели европейского экономического пространства (в котором вместе с ЕС находится Норвегия, Исландия и Лихтенштейн, безропотно принимающие большую часть законодательных инноваций Брюсселя). Предполагалось, что Россия может стать аналогичным спутником Евросоюза.

Логичными были и выдвигаемые к России требования относительно качества ее институтов, верховенства закона, уважения прав человека и принципов демократии. Соответствующие реформы выставлялись в качестве условия для углубления диалога с ЕС, а их

EU's neighbourhood policy? // *Perspectives on European Politics and Society*, 2004. Vol. 5. No 2. P. 171–202; *Gowan D.* How the EU Can Help Russia. London: Centre for European Reform, 2000; *Hernández-i-Sagrera R.* Exporting EU integrated border management beyond EU borders: modernization and institutional transformation in exchange for more mobility? // *Cambridge Review of International Affairs*, 2014. Vol. 27. No 1. P. 167–183; *Kasčiūnas L., Vaičiūnas Z.* Russia's policy towards the EU: the search for the best model // *Lithuanian Foreign Policy Review*, 2007. No 19 (1). P. 39–68; *Meloni G.* Convergence, best-practice and Europeanization: a valuable way to rethink EU-Russian relations? Rome: ISPI, October 2008. ISPI Working Papers. No 33; *Petrov R., Kalinichenko P.* The europeanization of third-country judiciaries through the application of the EU acquis: the cases of Russia and Ukraine // *International & Comparative Law Quarterly*, 2011. Vol. 60. No 2. P. 325–353; *Vysotskaya Guedes Vieira A.* The Many patterns of Europeanization: European Union Relations with Russia, Ukraine and Belarus // *The European Union neighbourhood: challenges and opportunities* / Ed. by T. Cierco. Farnham; Burlington, VT: Ashgate, 2013. P. 57–82.

¹ *Turkina E., Postnikov E.* Cross-border inter-firm networks in the European Union's Eastern neighbourhood: integration via organizational learning // *Journal of Common Market Studies*, 2012. Vol 50. No 4. P. 632–652; *Idem.* From Business to Politics: Cross-Border Inter-Firm Networks and Policy Spillovers in the EU's Eastern Neighbourhood // *Journal of Common Market Studies*, 2014. Vol. 52. No 5. P. 1120–1141; *Scott J. W., Laine J.* Borderwork: Finnish-Russian co-operation and civil society engagement in the social economy of transformation // *Entrepreneurship & Regional Development: An International Journal*, 2012. Vol. 24. No 3–4. P. 181–197.

отсутствие и жесткая централизация выдвинулись в качестве барьеров¹. Реформы эти концептуализировались как создание соответствующего контекста для трансфера законодательства, норм и административных практик Евросоюза.

Исследователи распространения норм Евросоюза (в т. ч. и юристы) в этом контексте проводили весьма интересную связь с нормативным лидерством ЕС, а политологи — с концепциями нормативной и мягкой силы Евросоюза².

Однако уже в первом десятилетии нынешнего века выяснилось, что рецепты Евросоюза не работают в России. Тому было множество

¹ *Diehl M.* The importance of democratic reform and control of the Russian armed forces for the successful development of military cooperation with NATO/EU and NATO/EU members // *European Security*, 2003. Vol. 12. No 2. P. 77–84; *Economic crisis in Europe: what it means for the EU and Russia* / Ed. by J. DeBardeleben and C. Viju. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013; *Europe and Russia: strategic partnership and strategic mistrust* / Ed. by R. Tiersky and J. van Oudenaren. Lanham, MD; Plymouth: Rowman & Littlefield, 2010; *Forsberg T., Herd G.* The EU, Human Rights, and the Russo-Chechen Conflict // *Political Science Quarterly*. 2005. Vol. 120. No 3. P. 455–478; *Francisa C.* ‘Selective Affinities’: The Reactions of the Council of Europe and the European Union to the Second Armed Conflict in Chechnya (1999–2006) // *Europe-Asia Studies*. Vol. 64. No 5. P. 929–947; *Löser P. G.* Shaping actors, shaping factors in Russia’s future. Luxembourg: EUR-OP; London: Kogan Page, 1998; *Obydenkova A. V.* Democratization at the grassroots: the European Union’s external impact // *Democratization*, 2012. Vol. 19. No 2. P. 230–257; *Parmentier F.* Les chemins de l’État de droit: la voie étroite des pays entre Europe et Russie. Paris: Presses de Sciences Po, 2014; *Schönfeld D.* Tilting at Windmills? The European Response to Violations of Media Freedom in Russia // *Review of Central and East European Law*, 2012. Vol. 37. P. 233–290; *Tracey C.* German Russia-EU Relations and the Chechen // *The security dimensions of EU enlargement: wider Europe, weaker Europe?* / Ed. by D. Brown and A. J.K. Shepherd. Manchester: Manchester University Press, 2007. P. 129–143; *Walker M.* The European Union and Russia // *Europe in the new century: visions of an emerging superpower* / Ed. by Robert J. Guttman. Boulder: Lynne Rienner, 2001. P. 117–125; *Bindman E.* The EU’s strategy on economic and social rights in Russia: a missed opportunity? // *East European Politics*, 2013. Vol. 29. No 4. P. 461–478.

² *Leino P., Petrov R.* Between ‘Common Values’ and Competing Universals — The Promotion of the EU’s Common Values through the European Neighbourhood Policy // *European Law Journal*, 2009. Vol. 15. No 5. P. 654–671; *Rytovuori-Apunen H.* Regulatory Convergence and Global Partnership: Another Phase in EU-Russian Relations // *The Boundaries of EU Enlargement. Financing a Place for Neighbours* / J. DeBardeleben (ed.). Houndsmill, New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 92–110; См. главу «Проблема современности и постсовременности» в разделе II.

причин. Одна — отсутствие перспектив вступления России в ЕС. Другая — специфика России, возврат ее политической элиты к фундаментальным историческим категориям, к традиционному определению национального интереса, к требованию равенства. Эти изменения на российской стороне повлекли за рубежом закономерный кризис правовых исследований отношений России и Евросоюза и в целом попыток распространить на Россию законодательство ЕС и его логику взаимоотношений с третьими странами.

Таким образом, можно констатировать в зарубежных исследованиях эволюцию от представления, что Россия — это лишь частный случай взаимодействия Евросоюза с третьими странами, к пониманию, что это особый партнер, требующий собственный, а не просто стандартный набор инструментов.

Исследования, которые были посвящены теме трансфера норм Евросоюза в Россию, закономерно использовали концепции европеизации¹, причем как рационального толка (сознательное обучение и копирование хороших практик), так и социологического (усвоение норм и практик в процессе социализации). Но примечательно, что концепция европеизации использовалась много реже, чем можно заключить из многочисленных упреков российских ученых в экспансии норм ЕС (и по сравнению с аналогичными работами в отношении стран восточного соседства). Иными словами, не воспринималась как нормальный, обычный сосед Евросоюза, скорее, она фигурировала как международный актер, к которому надо применять методологию международных отношений, а не политологическую или интеграционную.

Логично было и использование неоинституционализма для исследования возможностей трансфера европейских норм на Россию².

¹ См., в частности, *Cameron F., Matta A.* Op. cit.; *European Integration Without Membership...*; *Gänzle S., Müntel G.* Op. cit.; *Kratochvíl P.* The Discursive Resistance to EU-Enticement: The Russian Elite and (the Lack of) Europeanisation // *Europe-Asia Studies*, 2008. Vol. 60. No 3. P. 397–422; *Petrov R., Kalinichenko P.* Op. cit.; *Meloni G.* Convergence, best-practice and Europeanization...; *Idem.* Russia: a case for revising the concept of Europeanisation // *Adapting to European integration: Kalinigrad, Russia and the European Union...*; *Vysotskaya Guedes Vieira, A.* Op. cit.

² *Bousset S., Locatelli C.* Energy institutional and organisational changes in EU and Russia: Revisiting gas relations // *Energy Policy*, 2013. Vol. 55. P. 180–189; *Emerson M.* Some Paradigms for the Evolving Map of Europe. Brussels: CEPS, April

Однако юристы использовали, скорее, классический институционализм, что является результатом их профессиональных парадигм¹. Мало внимания уделялось тому, как институты функционируют ежедневно, как они формируют предпочтения участников, меняют их, очерчивают повестку. Кроме того, по сравнению с интеграционными исследованиями или изучением отношений Евросоюза с США, Китаем, мало внимания уделялось проблематике политических сетей, выстраиванию трансграничных и транснациональных отношений². В целом по сравнению с тем вниманием, которое уделялось проблематике трансфера норм и регулирования Евросоюза в Россию, использование соответствующей методологии (концепций европеизации, неоинституциональных подходов) непропорционально мало.

Наконец, отметим, что в западной литературе не наблюдается того же пристального внимания к российской правовой системе, как это было у их российских коллег в отношении права ЕС. Не изучалось, что приемлемо, а что нет, какие рецепты в России интегрируются легко, а для каких соответствующие предпосылки, а также административный аппарат отсутствуют.

2001. CEPS Working Document no 164; *Goldthau A.* Rhetoric versus reality: Russian threats to European energy supply // *Energy Policy*, 2008. Vol. 36. No 2. P. 686–692; *Haukkala H.* Multi-Causal Social Mechanisms and the Study of International Institutionalisation: the Case of EU-Russian Strategic Partnership. Academic Dissertation. Turku: Turku Yliopisto, 2008; *Idem.* The EU-Russia strategic partnership: the limits of post-sovereignty in international relations. Abingdon: Routledge, 2010.

¹ European Integration Without Membership...; *Hillion C.* Institutional Aspects of the Partnership between the European Union and the Newly Independent States of the Former Soviet Union: Case studies of Russia and Ukraine // *Common Market Law Review*, 2000. Vol. 37. No 5. P. 1211–1235; *Idem.* Mapping-out the New Contractual Relations between the European Union and Its Neighbours: Learning from the EU-Ukraine Enhanced Agreement // *European Foreign Affairs Review*, 2007. Vol. 12. No 2. P. 169–182; *Idem.* Partnership and Cooperation Agreements between the European union and the New Independent States of the Ex-Soviet Union // *European Foreign Affairs Review*, 1998. Vol. 3. No 3. P. 399–420; *Petrov R., Kalinichenko P.* Op. cit.; *Van Elsuwege P.* Towards a Modernisation of EU-Russia Legal Relations? Tartu: CEURUS, June 2012. No 5.

² Пожалуй, в качестве исключения надо отметить *Romanova T.* Russian energy in the EU market: Bolstered institutions and their effects // *Energy Policy*, 2014. Vol. 74. November. P. 44–53; *Turkina E., Postnikov E.* Cross-border inter-firm networks...; *Idem.* From Business to Politics...

III.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕС

1.

Общий обзор

На исследования отношений России и ЕС закономерно влияют традиции изучения социально-экономических процессов. В России это прежде всего исторический и системный подходы. Важнейшим элементом российской традиции стал акцент на эмпирике, что повлекло за собой описательность, а также зачастую отказ от теории и нередко кичливое преподнесение отсутствия теоретических рамок исследования как достоинства. При этом игнорируется, что теория — отличный помощник для выстраивания структуры исследований, а также прогнозирования дальнейшего развития событий. Наконец, специфической чертой российских исследований стал вульгарный реализм с отказом от любых других парадигм (в особенности либерализма, неолиберализма и конструктивизма).

Нероссийские исследования отношений России и ЕС значительно больше ориентированы на теорию. В них можно выделить две традиции: одна отталкивается от реалий российской внешней и внутренней политики, другая рассматривает Россию как пример общих тенденций во внешней деятельности России. При этом любопытно противоречие между традицией изучения процессов внутри ЕС, сочетающих теорию международных отношений и политологию, со сдвигом к последней, и исследованием внешних связей ЕС, где доминируют по-прежнему теории международных отношений. Однако имели место и исследования отношений России и ЕС с применением таких специфических для европейской интеграции подходов, как, например европеизация или нормативная сила. Наконец, в качестве особенности западного подхода надо отметить более тесную по сравнению с российским изучением ориентацию на эволюцию и современное состояние гуманитарных и социальных наук, в т. ч. пристальное внимание к конструктивистским и постпозитивистским подходам.

Характерной и негативной для изучения отношений России и ЕС чертой начиная с 2014 г. стал тренд на использование академических исследований для поддержки официальной позиции России или ЕС в отношении друг друга. Зачастую, к сожалению, это подменяет традиции беспристрастного академического анализа, одновременно укрепляя парадигмальный разрыв в исследованиях отношений России и ЕС в нашей стране и за ее пределами. Наконец, с обеих сторон можно диагностировать изрядную долю самоцензуры на этапах как написания статей, так и (в особенности) принятия статьи в журнал и ее последующего редактирования.

Рассмотрим теперь кратко шесть основных теоретических подходов к изучению отношений России и ЕС.

Первый — реализм — присутствует с обеих сторон. В связи с событиями 2014 г. на Украине и последующим ужесточением взаимной риторики партнеров он стал доминирующим. Отличие состоит прежде всего в большем акценте на эмпирику со стороны России и на теорию — с противоположной стороны. Интересно также, что для российских исследователей характерен акцент на системе и ее факторах, т. е. неореалистическая перспектива, тогда как западные исследователи, скорее, исходят из реалий внутренней политики России, т. е. применяют неоклассический реализм. В обоих случаях, однако, диагностируется зависимость (вместо взаимозависимости) и ищутся пути ее снижения. Особенно часто эта логика применяется в исследовании вопросов жесткой безопасности, энергетики и соседства.

Второй подход, заслуживающий внимания в исследованиях отношений России и ЕС, — это либерализм и связанные с ним (нео)институционализм и правовые исследования. Наиболее популярен этот подход вне России. Во-первых, подчеркиваются различия между реалистически настроенной Россией и либеральным Евросоюзом. При этом либерально-институциональная логика ЕС вне России далеко не всегда рассматривается как недостаток, немало работ делают акцент на сравнительных преимуществах подхода ЕС в долгосрочной перспективе, на важности дальнейшего укрепления институтов. Доминирует неоинституционализм рационального выбора и исторический неоинституционализм. В России нередко либерально-институциональный подход рассматривается как устаревший и идеалистический. В то же время правовые исследования отношений России и ЕС, ориентирующиеся прежде всего на классический институционализм,

демонстрируют именно этот подход в отечественной науке. В то же время интересны различия, которые тут проводятся российскими политологами и юристами между теми теориями и методами, которые можно использовать для изучения внутренних процессов в ЕС, с одной стороны, и его взаимодействий с внешним миром, в т. ч. с Россией, с другой.

Третья теоретическая рамка — конструктивизм — гораздо популярнее в нероссийских исследованиях, хотя в последнее время этот разрыв частично закрывается. Если говорить о предмете исследования, то конструктивизм в России применяется значительно чаще к ЕС или его взаимодействию с Россией, чем к какому-либо другому актору. Интересно также, что российские авторы нередко невольно и неосознанно прибегают к конструктивизму (в т. ч. обсуждая такие вопросы, как идентичность, восприятие, европейскость). Недостаточное внимание к конструктивистской проблематике, однако, нередко делает российские исследования поверхностными. В западных исследованиях в целом можно идентифицировать два тренда: первый — изучение России как значимого другого в отношении ЕС и Европы, второй — изучение внешнеполитической идентичности ЕС и ее влияния на Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, «Северное измерение», «Европейскую политику соседства» и другие формы взаимодействия с Россией.

Четвертый подход, которому важно уделить внимание, — экономическая теория. Российские исследователи традиционно активно изучали отношения России и ЕС в этом разрезе, однако ориентировались главным образом на эмпирические данные, на динамику и показатели движения торговых потоков и капиталовложений. Некоторые последние исследования также уделяют внимание тому, как опыт ЕС можно использовать в евразийской интеграции, что может способствовать росту более фундаментальных исследований экономического характера. Западные исследователи главным образом используют политэкономические подходы. При этом изучаются качественные изменения, в т. ч. соотношение частного и государственного секторов, влияние ВТО и евразийской интеграции на отношения России и ЕС, динамика и характер энергетических связей. Для обеих сторон, однако, характерны, скорее, краткосрочные исследования и прогнозы.

Пятый подход, заслуживающий внимания, с нашей точки зрения, — это концепция нормативной силы Европы. Она появилась в западных исследованиях и очевидно связана со спецификой Евросоюза

как международного актора и с конструктивизмом. Россия при этом используется западными акторами как пример реализации Евросоюзом концепции нормативной силы, причем далеко не всегда удачной. В Россию же концепция нормативной силы пришла с некоторым опозданием; достаточно долгое время она использовалась для описания Евросоюза, но не отношений России и ЕС (с пространственными объяснениями, почему ее нельзя использовать для России и почему восприятие ЕС как нормативной силы ущербно). Интересно также, что концепцию нормативной силы нередко пытались совместить с реалистической традицией в нашей стране. Имели место и попытки теоретически классифицировать российские претензии к нормативной силе Евросоюза, опровергнуть ее, доказать ее неприменимость к диалогу Москвы и Брюсселя. Наконец, в последнее время подробно исследуется связь между нормативной силой и мягкой силой, а также между нормативной силой и стрессоустойчивостью Евросоюза. Дискуссии о нормативной силе Европы в изучении отношений России и ЕС как в нашей стране, так и за рубежом были связаны и с вопросом взаимосвязи и правильного соотношения норм/ценностей и интересов.

Наконец, европеизация довольно часто применялась к исследованию отношений России и ЕС. При этом в России особый акцент делался на различия между европеизацией как важным историческим процессом и современной ЕСизацией. Изучение изменений в российском праве, образовании, экономике позволяло проводить различия между нормативной и инструментальной европеизацией. В нероссийских исследованиях также анализировалась тонкая и плотная европеизация, концентрические круги сближения вокруг ЕС. Однако ключевым было именно влияние ЕС на процессы европеизации. Россия же изучалась (особенно в период 2008–2012 гг.) как случай ограниченной ЕСизации, исследовались изменения в нашей стране, а также ее сопротивление европеизации. Наконец, интересным трендом стало изучение влияния российского фактора на европеизацию в регионе т. н. общего соседства.

Таким образом, как в российских, так и в западных исследованиях можно диагностировать существование как минимум шести теоретико-методологических подходов к изучению отношений России и ЕС. В то же время их удельный вес, а также практика применения серьезно разнятся, что не способствует на современном этапе диалогу эпистемных сообществ нашей страны и зарубежных коллег.

2.

Реалистическая парадигма в российских исследованиях

Традиционно считается, что реалистическая парадигма и реалистические теории международных отношений (классический реализм, неореализм и неоклассический реализм) широко распространены в отечественной науке о международных отношениях. Для сторонников этих подходов характерно изучение международной системы с акцентом на центрах силы и их влиянии, а также интерпретация России как великой державы, соответственно, и особенности ее поведения на международной арене определяются этим статусом. Среди реалистических теорий самую большую популярность получил неореализм с его структурным восприятием международных отношений, ключевой ролью враждебной окружающей среды, необходимостью поддержания баланса сил. Но у неоклассического реализма также большой потенциал в российской науке, поскольку он позволяет объяснить особенности реакции государства на вызовы окружающей среды в зависимости от ситуации внутри государства — такого рода идеи находят отражение в работах многих отечественных авторов.

Реалистические подходы активно используются российскими учеными для анализа в целом развития современной системы международных отношений (СМО), ключевых проблем безопасности, роли России в СМО и основных направлений взаимодействия РФ с другими международными акторами, прежде всего США и НАТО. Среди специалистов по отношениям России и Европейского союза реалистические подходы применялись реже. Но тем не менее всегда были исследователи, акцентирующие внимание на сферах влияния и балансе сил, развитии европейской безопасности и различных проблемах безопасности, а также на их влиянии на отношения России и ЕС — в частности, можно вспомнить публикации С. А. Караганова, анализировавшего отношения России с НАТО и ЕС в условиях изменившейся геополитической обстановки и попыток ЕС активизироваться в сфере безопасности¹.

¹ Караганов С. А. Россия, Европа и новые вызовы // Современная Европа. — 2003. — № 1 (13). — С. 8–16; *Его же*. Новые вызовы безопасности: Россия и Запад // Современная Европа. — 2002. — № 1 (9). — С. 38–46.

Среди тематики, привлекающей сторонников реалистических подходов, можно также отметить отношения России и ЕС в сфере энергетики и споры по поводу Арктического региона (например, в работах А. А. Абдулмазитова, П. Баева, В. Н. Коньшева, С. А. Михайлова, А. А. Сергунина, Е. Сидоровой, Д. В. Тренина, А. В. Фененко, Е. С. Хотьковой)¹.

Особое усиление реалистических подходов стало наблюдаться в связи с последствиями расширения Евросоюза на Восток, активизацией отношений ЕС с «восточными партнерами» и кризисом на Украине. В российской академической среде возросла популярность объяснений украинских событий и последовавших за ними осложнений в отношениях России и Евросоюза в духе неореализма и неоклассического реализма. Появились работы, анализирующие деятельность конкурирующих акторов, стремящихся расширить и закрепить сферу своих интересов. В качестве примера можно вспомнить работы О. В. Арутюнян, О. В. Гаман-Голутвиной, Е. Г. Пономаревой, А. А. Сергунина, Д. В. Тренина, Е. Ю. Трещенкова, К. К. Худоля, Л. Н. Шишлиной, О. В. Шишкиной². Стали публиковаться также

¹ *Абдулмазитов Р. Р.* Энергетическая политика Европейского Союза в условиях глобализации: санкции и стратегии // Вопросы политологии. — 2014. — Т. 14. — № 2. — С. 115–121; *Коньшев В. Н., Сергунин А. А.* Ремилитаризация Арктики и безопасность России // Национальная безопасность / nota bene. — 2013. — № 3. — С. 55; *Их же.* Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? — Российский ин-т стратегических исследований. — Москва, 2011; *Их же.* Национальные интересы России в Арктике: мифы и реальность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2011. — № 29. — С. 2–11; *Сидорова Е.* Энергетика России под санкциями Запада // Международные процессы. — 2016. — Т. 14. — № 1 (44). — С. 143–155; *Тренин Д., Баев П.* Арктика: взгляд из Москвы // Московский центр Карнеги. — Москва, 2010; *Фененко А.* Россия и соперничество за передел приполярных пространств // Мировая экономика и международные отношения. — 2011. — № 4. — С. 16–29; Арктика в современной системе международных отношений и национальные интересы России / Е. С. Хотькова [и др.] // Проблемы национальной стратегии. — 2014. — № 5 (26). — С. 9–43.

² *Арутюнян О. В.* Между Сциллой и Харибдой: Программа «Восточного партнерства» на перекрестке геополитических интересов Евросоюза и России / О. В. Арутюнян, А. А. Сергунин // Вестник СПбУ. — Серия 6. «Политология. Международные отношения». — 2015. — № 2. — С. 108–119; *Гаман-Голутвина О. В., Пономарева Е. Г., Шишлина Л. Н.* «Восточное партнерство»:

работы, оценивающие современную ситуацию противостояния между Россией и Евросоюзом и иногда даже сравнивающие это противостояние с периодом холодной войны; авторы выделяют различные инструменты давления противниками друг на друга, новые центры силы и потенциальные сферы влияния. Подобные вопросы рассматриваются в работах А. А. Громыко, П. С. Золотарева, С. А. Караганова, Н. А. Кожанова, В. П. Федорова, А. В. Фененко¹.

Достаточно популярный в российских исследованиях геополитический подход в большей степени имеет реалистический характер, и в нем проявляются ключевые элементы реалистической парадигмы. В этой связи можно вспомнить авторов, рассматривающих различные геополитические векторы российской внешней политики и анализирующих ее усилия по изменению баланса сил — это, например, О. В. Арутюнян, А. А. Громыко, В. М. Захаров, С. А. Караганов, М. Л. Лагутина, Ф. А. Лукьянов, А. В. Набока, А. А. Сергунин, С. В. Субботин, Д. В. Тренин².

Борьба сценариев развития // Полис. Политические исследования. — 2014. — № 5. — С. 20–40; Тренин Д. Россия в СНГ: Поле интересов, а не сфера влияния // Pro et Contra. — 2009. — Т. 13. — № 5–6. — С. 82; Худoley К. К., Трещенков Е. Ю. В украинском кризисе виноват Запад? // Мировая экономика и международные отношения. — 2016. — Т. 60. — № 11. — С. 123–127; Шишелина Л. Н. Расширение Европейского Союза на Восток и интересы России. — М.: Институт межд. эконом. и полит. исслед. РАН, 2006; Ее же. Растревоженный улей соседей // Международная жизнь. — 2008. — № 5. — С. 99–101; Шишкина О. В. Политика соседства или политика соседей? Россия и «Западный фланг» СНГ // Международные процессы. — 2012. — Т. 10. — № 3 (30). — С. 116–123.

¹ Громыко А. А., Федоров В. П. Антироссийские санкции // Современная Европа. — 2016. — № 2 (68). — С. 22–27; Громыко А. А. Структуры соперничества и опыт истории // Современная Европа. — 2016. — № 4 (70). — С. 6–20; Золотарев П. С. Прогнозные уроки истории // Россия в глобальной политике. — 2015. — Т. 13. — № 4. — С. 38–49; Кожанов Н. А. Действие и противодействие // Россия в глобальной политике. — 2016. — Т. 14. — № 1. — С. 64–76; Караганов С. А. Евразийский выход из европейского кризиса // Россия в глобальной политике. — 2015. — Т. 13. — № 4. — С. 92–104; Его же. Ракеты в Европе: воспоминания о будущем? // Россия в глобальной политике. — 2016. — Т. 14. — № 4. — С. 22–34; Фененко А. В. Хуже, чем в Холодную войну // Россия в глобальной политике. — 2016. — Т. 14. — № 2. — С. 142–160.

² Арутюнян О. В., Сергунин А. А. Между Сциллой и Харибдой: Программа «Восточного партнерства»...; Громыко А. А. Россия, США, Малая Европа (ЕС):

Отечественных авторов, применяющих положения реалистической парадигмы, сложно классифицировать согласно существующим в мировой науке о международных отношениях традициям, выделяя классический реализм, неореализм (оборонительный и наступательный) и неоклассический реализм. Большой интерес к реализму вместе с неустоявшимися традициями его использования привели к различным попыткам классификации российских реалистов. Так, например, Т. А. Шаклеина и А. Д. Богатуров, основываясь на широком представлении о реализме как подходе, ориентированном на конфликтное восприятие международных отношений, выделяют следующие теоретические направления: системно-исторический подход, структуралистскую школу, геополитику и геоэкономику, политическую философию и социологию, политическую психологию и политическую экономию¹. Можно еще вспомнить статью А. П. Цыганкова, в которой он анализировал различные тенденции изучения внешней политики в российской науке и выделил несколько научных традиций, включая две реалистические по своему характеру: (1) школу «баланса сил» и (2) школу «безопасности посредством экспансии»². Первая традиция фактически представляет собой неореализм, тем более что

Конкуренция за лидерство в мире полицентричности // Вестник Российской академии наук. — 2016. — Т. 86. — № 2. — С. 108; *Его же*. Россия и Евросоюз: динамика отношений // Белорусский экономический журнал. — 2013. — № 1 (62). — С. 8–17; *Его же*. Структуры соперничества и опыт истории // Современная Европа. — 2016. — № 4 (70). — С. 6–20; *Захаров В. М.* Геополитика и безопасность России // Проблемы национальной стратегии. — 2014. — № 1 (22). — С. 120–133; *Караганов С., Лукьянов Ф.* Россия в мире силы XXI века // Россия и мусульманский мир. — 2014. — № 5 (263). — С. 5–13; *Лагутина М. Л., Набока А. В.* Геополитические перспективы развития Евразийской интеграции // Управленческое консультирование. — 2014. — № 9 (69). — С. 48–57; *Сергунин А. А., Субботин С. В.* В поисках нового мирового порядка // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2016. — № 6 (339). — С. 186–196; *Тренин Д.* Геополитическое соперничество грозит заслонить борьбу с терроризмом // Россия и мусульманский мир. — 2006. — № 1. — С. 80–86.

¹ *Шаклеина Т. А., Богатуров Д. А.* Место реализма в российских исследованиях МО // Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А. П. Цыганкова, П. А. Цыганкова. — М., 2005.

² *Tsygankov A. P.* From International Institutionalism to Revolutionary Expansionism: The Foreign Policy Discourse of Contemporary Russia // *Mershon International Studies Review*. Nov. 1997. Vol. 41. No 2. P. 247–268.

в рамках данной традиции выделяются оборонительное и наступательное направления, вторая же традиция — своеобразная версия геополитического подхода с акцентом на представление о враждебной окружающей среде и необходимости экспансии для обеспечения безопасности. Различные классификации российских реалистов свидетельствуют о трудности соотнесения работ отечественных исследователей с существующими мировыми направлениями реализма.

На основе проделанного обзора российских научных публикаций сторонников реалистической парадигмы в изучении отношений России и Европейского союза можно сделать вывод, что популярность реалистической парадигмы возросла в связи с активизацией Евросоюза на постсоветском пространстве, разногласиями между РФ и ЕС из-за сфер влияния, событиями на Украине и последовавшим кризисом в отношениях России и ЕС. Кроме того, в российских реалистических исследованиях доминирует неореализм. Следует также отметить часто встречающуюся комбинацию неореализма с элементами неоклассического реализма с его вниманием к внутривнутриполитическим особенностям и факторам, влияющим на то, как государство реагирует на внешние вызовы и пытается минимизировать негативное воздействие окружающей среды.

Для подготовки этой главы были проанализированы публикации в научных журналах («Pro et Contra», «Вестник Российской академии наук», «Вестник Санкт-Петербургского университета», «Вопросы политологии», «Международная жизнь», «Международные процессы», «Мировая экономика и международные отношения», «Национальная безопасность / nota bene», «Национальные интересы: приоритеты и безопасность», «Полит. Политические исследования», «Проблемы национальной стратегии», «Россия в глобальной политике», «Современная Европа», «Управленческое консультирование»), материалы Института Европы РАН и Российского института стратегических исследований.

3.

Реалистическая парадигма в зарубежных исследованиях

Реалистическая парадигма, несомненно, обладает существенными теоретическими и методологическими преимуществами, которые определяют ее популярность среди исследователей международных отношений. Однако в современных международных исследованиях большинство экспертов разочаровались в попытках найти универсальное теоретическое объяснение международных отношений в целом и выбирают теоретический подход в зависимости от изучаемых сюжетов. Именно поэтому зарубежные авторы, рассматривавшие развитие отношений России и Евросоюза в меняющемся после окончания холодной войны мире, в основном предпочитали другие подходы: (нео)институционализм, затем конструктивизм и т. д. Но всегда существовали темы, связанные с отношениями России и ЕС, интересные для реалистов/неореалистов. В последнее же десятилетие потенциальное исследовательское поле для реалистов / неореалистов / неоклассических реалистов расширилось, сторонники этих подходов стали активнее заниматься проблемами отношений России и ЕС, а представители других теорий стали с большей готовностью заимствовать идеи реалистической парадигмы для интерпретации отдельных вопросов.

Прежде всего положения реалистической парадигмы используют те исследователи, которые делают акцент на России и ее внешней политике. Можно выделить целое направление авторов, которые изучают, каким образом Россия выстраивает свои отношения с Европейским союзом, и отмечают неореалистическую логику российских властей. Эти исследователи выделяют следующие особенности внешнеполитической позиции России: во-первых, для России важно было после окончания холодной войны и распада СССР вернуть, а затем и сохранить статус великой державы; во-вторых, РФ оценивает различные регионы с точки зрения зон влияния и сфер интересов, поэтому и постсоветское пространство воспринимается как традиционная сфера российских национальных интересов и Россия так остро реагирует на влияние других держав в этом регионе; в-третьих, Россия стремится к поддержанию баланса сил с мире, поскольку

рассматривает это состояние как более стабильное и благоприятное; в-четвертых, Россия наталкивается на многочисленные препятствия со стороны окружающей среды и вынуждена реагировать на негативные действия (например, на расширение НАТО на Восток). Неоклассический реализм с его акцентом на внутривнутриполитических факторах, влияющих на то, как государство реагирует на внешние вызовы и негативное воздействие окружающей среды, позволяет лучше оценить особенности реакции России на международную ситуацию. Подробнее о реалистическом характере российской внешней политики можно почитать, например, у Л. Бузинского, К. Джонсона, С. Джусты, В. Копышева, А. Кубышкина, А. Линча, А. Сергунина и А. П. Цыганкова¹.

Неореализм чаще применялся для анализа отношений России с НАТО, а исследователи взаимодействия РФ с Евросоюзом преимущественно использовали другие подходы. Однако развитие Евросоюзом общей внешней политики и политики безопасности (ОВППБ), увеличение военных ресурсов, проведение миротворческих операций, но самое главное — усиление влияния ЕС на постсоветском пространстве, например реализация «Восточного партнерства», привели к большему использованию исследователями реалистических теорий.

¹ *Buszynski L.* Russian Foreign Policy After the Cold War, Westport, CT: Praeger, 1996; *Giusti S.* The EU's Policy Towards Russia: National Interests and Path Dependency // A. Locatelli and L. Cladi (eds). International Relations Theories and European Security, London: Routledge, 2015. P. 177–196; *Johnston C.* Russian Foreign Policy: Domestic Constraints, Alert 27, June, 2015, Paris: European Union Institute for Security Studies; *Lynch A. C.* The Realism of Russia's Foreign Policy // Europe-Asia Studies. Jan 2001. Vol. 53. No 1. P. 7–31; *Tsygankov A. P.* Assessing Cultural and Regime-Based Explanations of Russia's Foreign Policy. 'Authoritarian at Heart and Expansionist by Habit'? // Europe-Asia Studies, 2012. Vol. 64. Iss. 4. P. 695–713; *Malcom N., Pravda A., Allison R. and M. Light.* Internal Factors in Russian Foreign Policy. Oxford: Oxford University Press, 1996; *Konyshev V. and A. Sergounin.* The Arctic at the Crossroads of Geopolitical Interests // Russian Politics & Law, 2012. Vol. 50. Iss. 2. P. 34–54; *Idem.* Is Russia a revisionist military power in the Arctic? // Defense & Security Analysis, 2014. Vol. 30. Iss. 4. P. 323–335; *Idem.* Russia in search of its Arctic strategy: between hard and soft power? // The Polar Journal, 2014. Vol. 4. Iss. 1. P. 69–87; *Sergounin A. A.* Russian domestic debate on NATO enlargement: From Phobia to damage limitation // European Security, 1997. Vol. 6. Iss. 4. P. 55–71.

Во-первых, выделилась группа зарубежных авторов, которая стала настаивать на том, что внешнеполитическая деятельность Евросоюза вполне может анализироваться на основе реалистических теорий. Раньше уже предпринимались подобные попытки, прежде всего в рамках межправительственного подхода С. Хоффмана¹. Но после окончания холодной войны внешнеполитическая деятельность рассматривалась, скорее, через призму институционализма и конструктивизма, особую популярность получает теория нормативной силы. Но постепенно формирование ОВППБ, а затем и европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) / общей политики безопасности и обороны (ОПБО) привело к тому, что сторонники неореализма и неоклассического реализма получили подтверждение своих концепций. Евросоюз стал рассматриваться как один из полюсов силы и сравниваться с другими полюсами, например с США, Россией или Китаем. Исследователи выявляют роль ЕС в современной системе международных отношений, его реакцию на внешние вызовы и усилия, направленные на распространение зоны влияния. Использование реалистических теорий для анализа внешнеполитической деятельности Евросоюза можно найти в публикациях М. К. Дэвис Крос, Х. Зиммермана, И. П. Каролевски, Дж. Миршаймера, Б. Позена, С. Риннига, М. Смита, Х. Сьюрсен, А. Тоье, А. Хайд-Прайс, С. Хоффмана².

¹ *Hoffmann S. Towards a Common European Foreign and Security Policy? // Journal of Common Market Studies, 2000. Vol. 38. No 2. P. 189–98; Hoffmann S., Keohane R. O. and Mearsheimer J. J. 'Back to the Future, Part II: International Relations Theory and Post-Cold War Europe' // International Security, 1990. Vol. 15. No 2. P. 191–199.*

² *Davis Cross M. K. and I. P. Karolewski. What Type of Power has the EU Exercised in the Ukraine-Russia Crisis? A Framework of Analysis // Journal of Common Market Studies. Jan 2017. Vol. 55. No 1. P. 3–19; Hoffmann S., Keohane R. O. and Mearsheimer J. J. 'Back to the Future, Part II: International Relations Theory and Post-Cold War Europe' // International Security, 1990. Vol. 15. No 2. P. 191–199; Hyde-Price A. 'Normative' power Europe: a realist critique? // Journal Of European Public Policy, 2006. Vol. 13. No 2. P. 217–234; Posen B. European Union Security and Defense Policy: Response to Unipolarity? // Security Studies, 2006. Vol. 15. No 2. P. 149–186; Rynning S. The High Cost of Theory in Neoclassical Realism. H-Net/H-Diplo, July, 2009; Idem. Realism and the common security and defence policy // Journal of Common Market Studies, 2011. Vol. 49. No 1. P. 23–42; Selden Z. Power is Always in Fashion: State-Centric Realism and the*

Во-вторых, можно говорить еще об одной группе зарубежных исследований, в которых рассматриваются проблемные аспекты в отношениях России и Евросоюза, противоречие их интересов, разногласия во время торговых переговоров, споры из-за сфер влияния или противостояние из-за событий на Украине. Это такие авторы, как С. Джусты, М. А. Дэвис Крос, Х. Зиммерман, И. П. Каролевски, В. Конышев, М. Леонард, Д. Манке, Дж. Миршаймер, Н. Попуску, Г. Розен, А. Сергунин, Х. Сьюрсен¹.

Данный обзор базируется на публикациях в зарубежных научных журналах (например, "European Foreign Affairs Review", "Europe-Asia

European Security and Defence Policy // Journal of Common Market Studies, 2010. Vol. 48. No 2. P. 397–416; *Sjursen H.* What Kind of Power: European Foreign Policy in Perspective, Guest editor // Journal of European Public Policy, 2006. Vol. 13. No 2. Special issue. P. 169–181; *Idem.* The EU as a 'normative' power: how can this be? // Journal of European Public Policy, 2006. Vol. 13. No 2. Special issue. P. 217–234; *Smith M.* Comment: Crossroads or cul-de-sac? Reassessing European foreign policy // Journal of European Public Policy, 2006. Vol. 13. No 2. Special issue. P. 322–327; *Toje A.* The European Union as a small power // Journal of Common Market Studies, 2011. Vol. 49. No 1. P. 43–60; *Idem.* The EU security strategy revised: Europe hedging its bets // European Foreign Affairs Review, 2010. Vol. 15. No 2. P. 171–190; *Zimmermann H.* Realist Power Europe? The EU in the Negotiations about China's and Russia's WTO Accession // Journal of Common Market Studies. Nov 2007. Vol. 45. No 4. P. 813–832.

¹ *Giusti S.* The Russian Federation's posture towards the European Neighbourhood Policy: a neoclassical realist explanation // Sieglinde Gstöhl, Simon Schunz (eds). Theorizing the European Neighbourhood Policy. Routledge, 2017. P. 61–82; *Idem.* The EU's Transformative Power Challenged in Ukraine // European Foreign Affairs Review, 2016. Vol. 21. No 2. P. 165–84; *Leonard M. and N. Popescu.* A Power Audit of EU-Russia Relations, 7 November, 2007. London: ECFR; *Davis Cross M. K. and I. P. Karolewski.* What Type of Power has the EU Exercised in the Ukraine-Russia Crisis? A Framework of Analysis...; *Konyshov V. and A. Sergunin.* The Arctic at the Crossroads of Geopolitical Interests // Russian Politics & Law, 2012. Vol. 50. Iss. 2. P. 34–54; *Idem.* Russia in search of its Arctic strategy: between hard and soft power? // The Polar Journal, 2014. Vol. 4. Iss. 1. P. 69–87; *Mahncke D.* Russia's Attitude to the European Security and Defence Policy // European Foreign Affairs Review, 2001. Vol. 6. No 4. P. 427–436; *Mearsheimer J. J.* Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault: The Liberal Delusions That Provoked Putin // Foreign Affairs, 2014. Vol. 93. No 5. P. 77–89; *Sjursen H. and G. Rosén.* Arguing Sanctions. On the EU's Response to the Crisis in Ukraine // Journal of Common Market Studies, January 2017. Vol. 55. No 1. P. 20–36; *Zimmermann H.* Realist Power Europe? The EU in the Negotiations about China's and Russia's WTO Accession // Journal of Common Market Studies. Nov 2007. Vol. 45. No 4. P. 813–832.

Studies”, “Foreign Affairs”, “International Security”, “Journal of Common Market Studies”, “Journal Of European Public Policy”, “Security Studies”), публикациях Института ЕС по исследованиям безопасности (European Union Institute for Security Studies), монографиях и сборниках научных статей.

Таким образом, реалистические теории сегодня используются зарубежными исследователями, изучающими отношения России и Евросоюза. Их популярность постепенно растет, но следует отметить несомненные тематические ограничения для исследователей, которые применяют реалистические теории для анализа нескольких сюжетов, например российской политики в отношении ЕС и разногласий между РФ и ЕС из-за сфер влияния. Список публикаций, проанализированных в данном обзоре, не является исчерпывающим, но он позволяет сделать выводы об особенностях использования неореализма / неоклассического реализма в зарубежных научных публикациях.

4.

Геополитика, теория взаимозависимости и теория режимов в зарубежных исследованиях

Рассматривая различные зарубежные научные публикации, исследующие отношения России и Европейского союза, можно констатировать несомненную готовность многих ученых использовать в своих работах в качестве теоретической основы геополитический подход, теорию взаимозависимости или теорию режимов.

Постараемся выделить причины, определившие эти теоретических предпочтения зарубежных исследователей, и особенности использования указанных подходов. Начнем с факторов, которые определили интерес ученых к геополитике. Прежде всего следует вспомнить о традиционном внимании, уделяемом геополитическим аспектам российской стороной, — именно в этом контексте зачастую объясняется внешняя политика Российской Федерации, ее отношения с другими акторами и действия в различных регионах, поэтому вполне естественно, что изучающие отношения России и ЕС зарубежные исследователи также стали уделять внимание геополитическим сюжетам. Кроме того, окончание холодной войны привело к серьезным

геополитическим изменениям в мире, международным акторам надо было определиться с геополитическими приоритетами, защитить свое влияние в современной системе международных отношений или, наоборот, воспользоваться возможностью и расширить свои связи.

Рассмотрим основные тенденции, которые можно выделить в том, как именно применяется геополитический подход в зарубежных исследованиях, посвященных отношениям России и ЕС.

Можно отметить большое количество зарубежных публикаций, посвященных геополитическим традициям России и с точки зрения российских геополитических приоритетов рассматривающих отношения России и Запада в целом или более конкретно — России и Европейского союза. Правда, среди таких авторов часто встречаются ученые, выходцы из стран постсоветского пространства, работающие и/или публикующиеся за рубежом. Но в целом это популярное теоретическое направление, его поддерживают и развивают в своих работах самые разные ученые, например В. Колосов, Е. Кропачева, Е. Шадрина, М. Брэдшоу, Д. Сидоров, М. Смит, Г. Тимминс, Д. Тренин, А. Цыганков¹. В своих публикациях они подчеркивают геополитические приоритеты, проявляющиеся в российской внешней политике, и различные геополитические альтернативы, рассматриваемые российскими лидерами.

Также можно отметить авторов, которые рассматривают геополитические аспекты деятельности Евросоюза. Правда, в данном случае речь идет о геополитике с определенной степенью условности.

¹ *Kolossov V.* 'High' and 'Low' Geopolitics: Images of Foreign Countries in the Eyes of Russian Citizens // *Geopolitics*. Vol. 8. Iss. 1. P. 121–148; *Kropatcheva E.* Playing Both Ends Against the Middle: Russia's Geopolitical Energy Games with the EU and Ukraine // *Geopolitics*, 2011. Vol. 16. Iss. 3. P. 553–573; *Shadrina E. and M. Bradshaw.* 'Russia's Energy Governance Transitions and Implications for Enhanced Cooperation with China, Japan, and South Korea', *Post-Soviet Affairs*, 2013. Vol. 29. Iss. 6. P. 461–499; *Sidorov D.* Post-Imperial Third Romes: Resurrections of a Russian Orthodox Geopolitical Metaphor // *Geopolitics*, 2006. Vol. 11. Iss. 2. P. 317–347; *Smith M. A. and G. Timmins.* Russia, NATO and the EU in an era of enlargement: Vulnerability or opportunity? // *Geopolitics*, 2001. Vol. 6. Iss. 1. P. 69–90; *Trenin D.* No Return to the Past for Russia // *The International Spectator*, 2012. Vol. 47. Iss. 3. P. 8–12; *Tsygankov A. P.* Finding a Civilisational Idea: "West," Eurasia," and "Euro-East" in Russia's Foreign Policy // *Geopolitics*, 2007. Vol. 12. Iss. 3. P. 375–399.

Геополитические факторы здесь вторичны, исследователи, скорее, изучают глобальные и региональные приоритеты ЕС для выявления условий формирования специальных политических подходов в отношении конкретных регионов и стран. Можно упомянуть таких исследователей, как Дж. М. Апуццо, Ж. Боссе, К. Браунинг, С. Ванхунакер, Ф. Бодельтье, Л. Бялазевиц, Х. Ван Хутум, А. Вивель, А. Джоунс, К. Кох, К. Далман, К. Поморска, К. Рамфорд, Дж. Андерсон, А. Инграм, Х. Моритцен, Дж. У. Скот, Ф. Чиута, Р. Уодак, В. Уолтерс¹.

Особенно активно геополитический подход используют исследователи отношений России и ЕС в энергетике. Уже сложилась определенная традиция, как именно интерпретировать эти отношения в рамках геополитической парадигмы — это описание России и ЕС как двух центров силы с альтернативными интересами и моделями поведения, представляющих две различные позиции на перспективы развития отношений. Российская сторона рассматривается как

¹ *Bialasiewicz L., Dahlman C., Apuzzo G. M., Ciuta F., Jones A., Rumford C., Wodak R., Anderson J., and A. Ingram.* 'Interventions in the New Political Geographies of the European 'Neighborhood' // *Political Geography*, 2009. Vol. 28. Iss. 2. P. 79–89; *Bosse G.* The EU's Geopolitical Vision of a European Energy Space: When 'Gulliver' meets 'White Elephants' and Verdi's Babylonian King // *Geopolitics*, 2011. Vol. 16. Iss. 3. P. 512–535; *Browning C. S.* The Region-Building Approach Revisited: The Continued Othering of Russia in Discourses of Region-Building in the European North // *Geopolitics*, 2003. Vol. 8. Iss. 1. P. 45–71; *Koch K.* Region-Building and Security: The Multiple Borders of the Baltic Sea Region After EU Enlargement // *Geopolitics*. Jul 2015. Vol. 20. No 3. P. 535–558; *Mellander M. and H. Mouritzen.* Learning to assert themselves: Small states in asymmetrical dyads – two Scandinavian dogs barking at the Russian bear // *Cooperation and Conflict*, 2016. Vol. 51. No 4. P. 447–466; *Mouritzen H. and A. Wivel.* Explaining Foreign Policy: International Diplomacy and the Russo-Georgian War // *International Politics review*. Apr 2014. Vol. 2. No 1. P. 31–47; *Pomorska K. and S. Vanhoonacker.* Europe as a Global Actor: Searching for a New Strategic Approach // *Journal of Common Market Studies*. Sep 2016. Vol. 54. S1. P. 204–217; *Idem.* Europe as a Global Actor: the (Un)Holy Trinity of Economy, Diplomacy and Security // *Journal of Common Market Studies*. Sep 2015. Vol. 53. S1. P. 216–229; *Scott J. W.* The EU and 'Wider Europe': Toward an Alternative Geopolitics of Regional Cooperation? // *Geopolitics*, 2005. Vol. 10. Iss. 3. P. 429–454; *Van Houtum H. and F. Boedeltje.* Questioning the EU's Neighbourhood Geo-Politics: Introduction to a Special Section // *Geopolitics*, 2011. Vol. 16. Iss. 1. P. 121–129; *Walters W.* 'The Frontiers of the European Union: A Geostrategic Perspective' // *Geopolitics*, 2004. Vol. 9. Iss. 3. P. 674–698.

актор, ориентированный на геополитические и реалистические задачи, когда энергетические ресурсы используются государством для собственного усиления и обеспечения безопасности, а европейская сторона воспринимается как актер, ориентированный на либеральные ценности, защиту рынка и свободной конкуренции. Конфликт России с Украиной по вопросу безопасности транзита российского газа в страны ЕС и поиск Россией альтернативных потребителей для своих энергоресурсов в результате охлаждения отношений с ЕС воспринимается как подтверждение геополитического подхода со стороны России. Правда, надо отметить, что сегодня такой упрощенный подход часто критикуется, говорится о сочетании различных элементов, включая геополитические и рыночные принципы, в позициях и России, и Евросоюза. По данному подходу следует упомянуть таких авторов, как З. Баран, М. Билгин, Ж. Боссе, М. Брэдшоу, К. Вестфаль, А. Голдтау, Р. Данретер, И. Дрейер, Н. Кавешников, Т. Казир, Е. Кропачева, К. Локателли, Т. Малтби, Ф. МкГован, А. Орбан, К. А. Пайяр, Т. Романова, К. Смит, Дж. Стенг, Дж. М. Уитте, Ф. Умбах, Д. Финон, А. Шмидт-Фельцман, А. Хадфилд, О. Хрущева, Е. Шадрина, Дж. Шаплз¹.

¹ *Baran Z.* 'EU Energy Security: Time to End Russian Leverage', *The Washington Quarterly*, 2007. Vol. 30. No 4. P. 131–144; *Bilgin M.* 'Geopolitics of European Natural Gas Demand: Supplies from Russia, Caspian and the Middle East', *Energy Policy*, 2009. Vol. 37. No 11. P. 4482–4492; *Bosse G.* *The EU's Geopolitical Vision of a European Energy Space: When 'Gulliver' meets 'White Elephants' and Verdi's Babylonian King...*; *Bosse G. and A. Schmidt-Felzmann.* 'The Geopolitics of Energy Supply in the 'Wider Europe' // *Geopolitics*, 2011. Vol. 16. No 3. P. 479–485; *Bous-sena S. and C. Locatelli.* 'Energy Institutional and Organisational Changes in EU and Russia: Revisiting Gas Relations' // *Energy Policy*, 2013. Vol. 55. P. 180–189; *Bradshaw M.* 'The Geopolitics of Global Energy Security' // *Geography Compass*, 2009. Vol. 3. Iss. 5. P. 1920–1937; *Casier T.* 'Russia's Energy Leverage over the EU. Myth or Reality?' // *Perspectives on European Politics and Societies*, 2011. Vol. 12. No 4. P. 493–508; *Idem.* 'The Rise of Energy to the Top of the EU-Russia Agenda: From Interdependence to Dependence?' // *Geopolitics*, 2011. Vol. 16. Iss. 3. P. 536–552; *Idem.* *Great Game or Great Confusion: The Geopolitical Understanding of EU-Russia Energy Relations* // *Geopolitics*. Vol. 21. Iss. 4. P. 763–778; *Idem.* *The Rise of Energy to the Top of the EU-Russia Agenda: From Interdependence to Dependence?* // *Geopolitics*, 2011. Vol. 16. Iss. 3. P. 536–552; *Clingendael International Energy Programme, Study on Energy Supply Security and Geopolitics: Final Report.* The Hague: Clingendael, 2004; *Dannreuther R.* *EU-Russia Energy Relations in Context* // *Geopolitics*, 2016. Vol. 21. Iss. 4. P. 913–921; *Dreyer I.*

Другое важное направление исследований, в которых используется геополитический подход, — конструктивистские версии геополитики

and G. Stang. Energy Moves and Power Shifts: EU Foreign Policy And Global Energy Security. Feb. 2014. Issue Report No 18; *Finon D. and C. Locatelli.* 'Russian and European Gas Interdependence: Could Contractual Trade Channel Geopolitics?' // *Energy Policy*, 2008. Vol. 36. P. 423–442; *Goldthau A. and J. M. Witte.* 'The Role of Rules and Institutions in Global Energy: An Introduction' // A. Goldthau and J. M. Witte (eds.). *Global Energy Governance*. Berlin: Global Policy Institute; Washington: Brooking Institution Press, 2010. P. 1–21; *Hadfield A.* EU-Russia Strategic Energy Culture: Progressive Convergence or Regressive Dilemma? // *Geopolitics*, 2016. Vol. 21. Iss. 4. P. 779–798; *Kaveshnikov N.* 'The Issue of Energy Security in Relations between Russia and the European Union' // *European Security*, 2010. Vol. 19. No 4. P. 585–605; *Khrushcheva O. and T. Maltby.* The Future of EU-Russia Energy Relations in the Context of Decarbonisation // *Geopolitics*, 2016. Vol. 21. Iss. 4. P. 799–830; *Kropatcheva E.* 'Playing Both Ends Against the Middle: Russia's Geopolitical Energy Games with the EU and Ukraine' // *Geopolitics*, 2011. Vol. 16. Iss. 3. P. 553–573; *McGowan F.* 'Putting Energy Insecurity into Historical Context: European Responses to the Energy Crises of the 1970s and 2000s' // *Geopolitics*, 2011. Vol. 16. Iss. 3. P. 486–511; *Orban A.* Power, Energy and the New Russian Imperialism. Westport: Praeger, 2008; *Paillard C. A.* 'Russia and Europe's Mutual Energy Dependence' // *Journal of International Affairs*, 2010. Vol. 63. No 2. P. 65–84; *Romanova T.* Is Russian Energy Policy towards the EU Only about Geopolitics? The Case of the Third Liberalisation Package // *Geopolitics*. Vol. 21. Iss. 4. P. 857–879; *Schmidt-Felzmann A.* EU Member States' Energy Relations with Russia: Conflicting Approaches to Securing Natural Gas Supplies // *Geopolitics*, 2011. Vol. 16. Iss. 3. P. 574–599; *Shadrina E. and M. Bradshaw.* 'Russia's Energy Governance Transitions and Implications for Enhanced Cooperation with China, Japan, and South Korea' // *Post-Soviet Affairs*, 2013. Vol. 29. Iss. 6. P. 461–499; *Sharpley J.* 'Russian Approaches to Energy Security and Climate Change: Russian Gas Exports to the EU' // *Environmental Politics*, 2013. Vol. 22. No 4. P. 683–700; *Idem.* The Shifting Geopolitics of Russia's Natural Gas Exports and their Impact on EU-Russia Gas Relations // *Geopolitics*, 2016. Vol. 21. Iss. 4. P. 880–912; *Smith Stegen K.* 'Deconstructing the 'Energy Weapon': Russia's Threat to Europe as Case Study' // *Energy Policy*. Oct. 2011. Vol 39. No 10. P. 6505–6513; *Smith K.* 'Russia-Europe Energy Relations. Implications for US Policy', Centre for Strategic and International Studies, <http://csis.org/publication/russia-europe-energy-relations>; *Umbach F.* 'Global Energy Security and the Implications for the EU' // *Energy Policy*, 2010. Vol. 38. No 2. P. 1229–1240; *Westphal K.* 'Energy Policy between Multilateral Governance and Geopolitics: Whither Europe?' // *Internationale Politik und Gesellschaft*, 2006. No 4. P. 44–62; *Maltby T.* Between Amity, Enmity and Europeanisation: EU Energy Security Policy and the Example of Bulgaria's Russian Energy Dependence // *Europe-Asia Studies*, 2015. Vol. 67. Iss. 5. P. 809–830.

тики, прежде всего критическая геополитика. Конечно, это связано с растущей популярностью конструктивизма в современных международных исследованиях. Все большее количество ученых исходят из необходимости рассматривать в первую очередь значение идей, ценностей, социального взаимодействия, а не материальных факторов. Как оказалось, геополитические идеи также можно использовать в рамках конструктивизма. Необходимо только отказаться от представления об объективном характере влияния географических аспектов на политических акторов и их действия, а признать субъективность знаний о территориях и границах, которые трансформируются под влиянием идей и восприятий. Геополитические знания могут конструироваться и трансформироваться. В качестве примеров таких исследований отношений России и ЕС можно вспомнить работы П. Аалто, Э. Берга, К. Браунинга, С. Голунова, С. Далби, И. Клинке, К. Кох, К. Лайтинена, В. Харле¹. Эти исследователи в своих публикациях рассматривают особенности процесса формирования знаний о разделяющих факторах, подчеркивают геополитическую субъективность, необходимость объяснения и деконструкции существующих практик и значение актов коммуникации между сторонами.

Своеобразную альтернативу геополитическому подходу представляет теория взаимозависимости, делающая акцент не на противопоставлении интересов и возможностях одного из акторов оказывать давление на другого, а на общей взаимовыгодной основе и преимуществах согласованных действий. Однако трудности в отношениях России и ЕС, особенно противоречия из-за кризиса на Украине, привели к тому, что исследователи задумались о негативных сторонах

¹ *Aalto P.* A European Geopolitical Subject in the Making? EU, Russia and the Kaliningrad Question // *Geopolitics*, 2002. Vol. 7. Iss. 3. P. 142–174; *Aalto P., Dalby S. and V. Harle.* The Critical Geopolitics of Northern Europe: Identity Politics Unlimited // *Geopolitics*, 2003. Vol. 8. Iss. 1. P. 1–19; *Berg E.* Deconstructing border practices in the Estonian-Russian borderland // *Geopolitics*, 2000. Vol. 5. Iss. 3. P. 78–98; *Browning C. S.* The Region-Building Approach Revisited: The Continued Othering of Russia...; *Golunov S.* EU-Russian Border Crossing: The Dialogical Perspective // *Geopolitics*, 2013. Vol. 18. Iss. 4. P. 933–953; *Klinke I.* 'Postmodern Geopolitics? The European Union eyes Russia' // *Europe-Asia Studies*, 2012. Vol. 64. Iss. 5. P. 929–947; *Koch K.* Region-Building and Security: The Multiple Borders of the Baltic Sea Region...; *Laitinen K.* Geopolitics of the Northern Dimension: A Critical View on Security Borders // *Geopolitics*. Mar 2003. Vol. 8. No 1. P. 20–44.

взаимозависимости. Так, некоторые авторы утверждали, что зависимость ЕС от России сыграла роль ограничивающего фактора и снизила эффективность европейской политики. Часто исследователи рассматривают одну из сторон отношений, сводя взаимозависимость до односторонней зависимости и ее последствий, игнорируя общий контекст взаимозависимости. Эта теория достаточно часто используется зарубежными исследователями, рассматривающими отношения России и ЕС, особенно в энергетике. В качестве примера можно вспомнить публикации Э. Адеммер, Т. Казира, Д. Лефена, М. Мишика, К. А. Пайяра, Б. Риттбергера, В. Прачаловой, Р. Саквы, Ф. Шимельфенига¹.

Теория режимов представляет собой удобную теоретическую модель, объясняющую международное сотрудничество, базирующееся на взаимной заинтересованности сторон урегулировать какие-либо вопросы, решить проблемы, согласовать общие нормы поведения и действия. Отсутствие необходимости создавать общие институты и делегировать им компетенции делает теорию режимов популярной концепцией и среди неолибералов, и среди неореалистов, объясняющих международное сотрудничество. Кроме того, теория режимов не требует высокой степени гармонизации между акторами — таким образом, участвуя в общих режимах, они по-прежнему могут существенно отличаться друг от друга. С учетом особенностей теории режимов понятно, почему эта теория достаточно часто используется специалистами по отношениям России и ЕС, поскольку речь преимущественно идет о тех нормах, которые планируется согласовать или уже удалось согласовать сторонам. Не случайно теория режимов

¹ *Ademmer E.* Interdependence and EU-demanded policy change in a shared neighbourhood // *Journal of European Public Policy*. Vol. 22. Iss. 5. P. 671–689; *Mišík M. and V. Prachárová.* Before 'Independence' Arrived: Interdependence in Energy Relations between Lithuania and Russia // *Geopolitics*, 2016. Vol. 21. Iss. 3. P. 579–604; *Casier T.* The Rise of Energy to the Top of the EU-Russia Agenda...; *Idem.* 'Russia's Energy Leverage over the EU. Myth or Reality?'...; *Pailard C. A.* 'Russia and Europe's Mutual Energy Dependence' // *Journal of International Affairs*, 2010. Vol. 63 No 2. P. 65–84; *Sakwa R.* Looking for a greater Europe: From mutual dependence to an international regime // *Communist & Post-Communist Studies*. Sep-Dec 2012. Vol. 45. Iss 3–4. P. 315–325; *Schimmelfennig F., Leuffen D. and B. Rittberger.* The European Union as a system of differentiated integration: interdependence, politicization and differentiation // *Journal Of European Public Policy*, 2015. Vol. 22. Iss. 6. P. 764–782.

больше всего используется для анализа конкретных сфер сотрудничества, например в области энергетики и по вопросу упрощения виз. Можно вспомнить работы таких исследователей, как С. Доманевский, Х. Велш, Р. Лохов, С. Мэкинен, О. Потемкина, Х. Смит, Д. Студзинская, Т. Форсберг, Т. Цакирис¹. Другое заметное направление использования теории режимов — это проблема режима европейской безопасности. В данном случае следует упомянуть таких авторов, как Д. Аверре, В. Барановский, С. Диас Фернандес, К. Милевич, Л. Симао, Н. Стурхлер, М. Элзиг, М. Эмерсон².

Данный обзор базируется на публикациях в зарубежных научных журналах (например, “Communist & Post-Communist Studies”, “Eastern Journal of European Studies”, “Energy Policy”, “Environmental Economics & Policy Studies”, “Environmental Politics”, “European Union Politics”, “European Journal of Migration & Law”, “European Security”, “Europe-Asia Studies”, “Geopolitics”, “Journal of European Public Policy”, “Journal

¹ *Domaniewski S. and Studzińska D.* The Small Border Traffic Zone between Poland and Kaliningrad Region (Russia): The Impact of a Local Visa-Free Border Regime // *Geopolitics*, 2016. Vol. 21. Iss. 3. P. 538–555; *Lokhov R., Welsch H.* Emissions trading between Russia and the European Union: a CGE analysis of potentials and impacts // *Environmental Economics & Policy Studies*, 2008. Vol. 9. Iss. 1. P. 1–23; *Mäkinen S., Smith H., and T. Forsberg.* ‘With a Little Help from my Friends’: Russia’s Modernisation and the Visa Regime with the European Union // *Europe-Asia Studies*, 2016. Vol. 68. Iss. 1. P. 164–181; *Potemkina O.* Some Ramifications of Enlargement on the EU-Russia Relations and the Schengen Regime // *European Journal of Migration & Law*. Apr 2003. Vol. 5. Issue 2. P. 229–247; *Tsakiris T.* The energy parameters of the Russian-Ukrainian-EU impasse: dependencies, sanctions and the rise of ‘Turkish Stream’ // *Journal of Southeast European & Black Sea Studies*. Jun 2015. Vol. 15. Issue 2. P. 203–219.

² *Averre D.* The EU, Russia and the shared neighbourhood: security, governance and energy // *European Security*, 2010. Vol. 19. Issue 4. P. 531–534; *Baranovsky V.* Russian Foreign Policy Priorities and Euroatlantic Multilateral Institutions // *The International Spectator*, 1995. Vol. 30. Iss. 1. P. 33–50; *Dias Fernandes S.* Time to reassess the European security architecture? The NATO-EU-Russia Security Triangle // CEPS, March 2009. Working Paper No 22; *Elsig M., Milewicz K. and N. Stürchler.* Who is in love with multilateralism? Treaty commitment in the post-Cold War era // *European Union Politics*, 2011. Vol. 12. No 4. P. 529–550; *Emerson M.* EU-Russia Four Common Spaces and the Proliferation of the Fuzzy, CEPS, May 2005. CEPS Policy Brief No 71; *Simão L.* Discursive differences and policy outcomes: EU-Russia relations and security in Europe // *Eastern Journal of European Studies*. Jun 2011. Vol. 2. Issue 1. P. 81–95.

of International Affairs”, “Journal of Southeast European & Black Sea Studies”, “Perspectives on European Politics and Societies”, “The International Spectator”), публикациях исследовательских центров и институтов (например, Центра исследований европейской политики (CEPS)) и монографиях.

По результатам проведенного анализа различных научных исследований, опубликованных за рубежом, можно констатировать, что геополитический подход, теория режимов и теория взаимозависимости сейчас представляются особенно актуальными теоретическими подходами, изменения в современной системе международных отношений определили растущий интерес зарубежных авторов к этим подходам. Список публикаций, проанализированных в данном обзоре, не является исчерпывающим, но он позволяет сделать выводы об особенностях применения представленных теоретических подходов в зарубежных научных публикациях.

5.

Системно-исторический метод в российских исследованиях

Системно-исторический метод уже на протяжении довольно большого количества времени занимает важное место в российских академических работах, посвященных исследованию развития отношений между Российской Федерацией и Европейским союзом. Прежде всего это объясняется тем, что еще с советских времен исследования европейской интеграции и отношений с Европейскими сообществами осуществлялись главным образом в области международных отношений¹, в то время как на Западе исследователи европейской интеграции с самого начала в основном стали использовать теоретические и методологические подходы политических наук. Также системный подход в его широком понимании часто используется учеными, поскольку он позволяет анализировать объект исследования в его системной целостности и взаимосвязи, включая элементы системы

¹ Авдонин В. С. О характере плюрализма исследований Европейского союза в России // Человек, общество, управление. — 2006. — № 3. — С. 40–54.

и различные типы взаимоотношений и корреляций между ними, структуру системы и ее основные параметры, которые во многом являются определяющими как для функционирования системы, так и ее подсистем и элементов.

В целом в рамках данного подхода можно выделить ряд исследований, анализирующих изменчивость отдельных элементов системы двухсторонних отношений, то есть Европейского союза и России, и влияние изменений внутри ЕС и России на системный уровень их взаимодействия. Работ российских исследователей, посвященных влиянию внутренних трансформаций в России на выработку российской политики по отношению к ЕС и, соответственно, на систему отношений Евросоюза и России, сравнительно немного¹. Значительно большее количество российских исследований концентрируется на проблематике различных аспектов внутренних изменений Европейского союза и их влияния на внешнюю политику ЕС и системный уровень отношений с Россией на определенном историческом этапе². Иногда в качестве системного элемента выступала не Россия, а СНГ³, также осуществлялся сравнительный анализ институтов ЕС и постсоветских интеграционных объединений⁴, в некоторых работах

¹ Тренин Д. Конец прежних отношений Евросоюз — Россия. — Московский центр Карнеги. 27 декабря 2012 г. URL: <http://www.carnegie.ru/2012/12/27/конец-прежних-отношений-евросоюз-россия/f229>

² Бордачев Т. В. Эволюция Европейского союза и отношения Россия — ЕС на современном этапе // Безопасность Евразии. — 2007. — № 4. — С. 296–305; Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под. ред. Ал. А. Громыко и М. Г. Носова. — М.: «Весь Мир», 2015; Иванов И. Д. Лиссабонский договор и интересы России // Россия в глобальной политике. — 2010. — № 1. — С. 134–148; Макарычев А. Политические трансформации внутри Европейского Союза: почему России не все равно? Аналитическая записка № 235 ПОНАРС-Евразия, сентябрь 2012; Реформирование Европейского союза и его политические отношения с Россией / под ред. Д. А. Данилова. — ДИЕ РАН. — № 241. — М., 2009.

³ Заглядывая в XXI век: Европейский союз и Содружество независимых государств. — М.: Интердиалект+, 1998; Опыт Европейских сообществ и возможности его использования Россией и Содружеством Независимых Государств / отв. ред. Ю. А. Борко. — М.: Ин-т Европы, 1993.

⁴ Стрежнева М. В. ЕС и СНГ: сравнительный анализ институтов. — М.: МОНФ, 1999; Трещенков Е. Ю. Европейская и евразийская модели интеграции: пределы соизмеримости // Мировая экономика и международные отношения. — 2014. — № 5. — С. 31–40.

Европа и отношения между Евросоюзом и Россией рассматривались в культурном или «цивилизационном» контекстах¹. В ряде монографий и статей расширение Евросоюза на Восток рассматривалось как важная трансформация ЕС и анализировалось его влияние на трансформацию системы отношений России и ЕС в целом². Помимо этого, значительное количество исследований посвящено влиянию отдельных стран-членов на политику Евросоюза по отношению к России и трансформацию системы отношений между Россией и ЕС³. С другой стороны, в ряде работ демонстрируется влияние системы отношений между ЕС и Россией на ее отдельные элементы или их составные части⁴.

Довольно большая группа исследований в рамках системного подхода посвящена рассмотрению различных аспектов структуры

¹ Европейская интеграция, большая гуманистическая Европа и культура / под ред. Л. И. Глухарева. — М.: Эдиториал УРСС, 1998.

² *Заславская Н. Г.* Политика расширения ЕС как фактор Европейской политики в отношении России // Россия и Европейский союз после расширения: новые перспективы и новые проблемы. — СПб., 2007. — С. 164–171; *Захматов Н. И., Фомичев В. И.* Интеграция Польши в ЕС и интересы России // Современная Европа. — 2001. № 4. — С. 71–80; *Иванов И. Д.* Расширение ЕС на Восток: последствия для России // Современная Европа. — 2003. № 3. — С. 23–35; Отношения России и ЕС после расширения Евросоюза / отв. ред. Н. К. Арбатова. — М., 2004; Расширение Европейского союза и Россия / Ю. А. Борко [и др.] — МГИМО(У) МИД РФ, РАН, Институт Европы РАН. — М., 2006; Россия и расширившийся Европейский союз: трудные перспективы сближения / отв. ред. Н. К. Арбатова. — М., 2004; *Шишелина Л. Н.* Расширение Европейского союза на Восток и интересы России. — М.: Наука, 2006.

³ *Арбатова Н.* Италия — голос России в Европе? // IFRI. Russie.Nei. Visions. — № 62. — Сентябрь 2011; *Воронов К.* Новый партнерский договор РФ — ЕС: североевропейский ракурс // Мировая экономика и международные отношения. — 2007. — № 8. — С. 52–62; *Девятков А., Макарычев А.* «Восточная политика» Германии: экспертные оценки и политические перспективы // Мировая экономика и международные отношения. — 2012. — № 9. — С. 52–60; *Павлов Н.* Российский вектор во внешней политике А. Меркель // Мировая экономика и международные отношения. — 2014. — № 6. — С. 31–42; *Тимофеев П.* Франция в диалоге Россия — ЕС // Современная Европа. — № 3. — С. 41–55.

⁴ *Кочегарова Т. М., Симонян Р. Х.* Северо-Запад России в контексте общеевропейской интеграции // Балтийский регион. — 2013. — № 2. — С. 73–83.

системы отношений между Европейским союзом и Россией¹, а также ее ключевым комплексам и подсистемам. Они, в свою очередь, могут относиться как к двухсторонним повесткам отношений (таким, например, как взаимодействие в различных экономических и социогуманитарных областях, в сфере международной и региональной безопасности, развития нормативно-правовой базы)², так и к ключевым факторам, влияющим на систему отношений России и ЕС (например, фактор регионального взаимодействия России и ЕС в Балтийском регионе³ и особенно на постсоветском пространстве⁴ или фактор

¹ Романова Т. А. Структурные уровни анализа в отношениях России и Евросоюза на современном этапе // Вестник Кемеровского гос. ун-та. — 2015. — № 3–2 (63). — С. 215–222.

² Борко Ю. А. Европейский союз — Россия: прошлое, настоящее и будущее // Европейский союз в поиске глобальной роли. Политика, экономика, безопасность / под ред. Ал. А. Громыко, М. Г. Носова. — М.: «Весь мир», 2015; Винокуров Е. Проблемы создания Общего экономического пространства ЕС — Россия // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 3. — С. 49–53; Войников В. В. Перспективы развития общего пространства свободы, безопасности и правосудия между РФ и ЕС // Современная Европа. — 2015. — № 5 (65). — С. 59–68; Заславская Н. Г. Сотрудничество между Россией и Европейским союзом в сфере безопасности // Отношения России и Европейского союза / под ред. С. Беленя, К. К. Худолея, Т. А. Романовой. — СПб.: Изд-во СПбУ, 2012. — С. 149–171; Изотов А. В. Основные тенденции и проблемы отношений Европейского союза и России в области общего пространства внешней безопасности // Россия и Европейский союз в поисках оптимальной модели сближения. — СПб., 2007. — С. 47–63; Отношения России и Европейского союза / под ред. С. Беленя, К. К. Худолея, Т. А. Романовой. — СПб.: Изд-во СПбУ, 2012; Романова Т. А. Проблемы правового сближения России и Евросоюза: политические аспекты // Выстраивая добрососедство. Россия на пространствах Европы / под ред. Ал. А. Громыко и Е. В. Ананьевой. — М.: «Весь мир», 2013. — С. 25–34.

³ Ланко Д. А. Становление региона Северного измерения как приоритета внешней политики центров силы в Балтийском регионе // Вестник СПбУ. — Серия 6. — 2010. — № 4. — С. 107–117; Маркушина Н. Ю. Вопросы мягкой безопасности в контексте «Северного измерения» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2011. — № 2. — С. 107–116; Сергунин А. А. Россия и Европейский союз в Балтийском регионе: тернистый путь к партнерству // Балтийский регион. — 2013. — № 4. — С. 53–66.

⁴ Арбатова Н. Станут ли страны СНГ «яблоком раздора» в отношениях России и ЕС? // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 6. — С. 15–20; Васфилов Д. С. Системный анализ взаимодействия России и Европейского союза на постсоветском пространстве // Вестник

участия ЕС и России в ряде международных режимов, например в рамках ВТО).

Также можно отметить, что ряд работ посвящен наиболее важным параметрам поддержания функциональности системы отношений России и ЕС, таким как ее устойчивость, регулирование и поддержание баланса¹, а также трансформации этой системы в ходе кризисных процессов².

В целом, можно отметить, что использование системно-исторических методов в российской науке позволило внести существенный вклад в базовое формирование, а также накопление и углубление знаний в области исследований европейской интеграции и отношений между Россией и Европейским союзом и, стало одной из отправных точек европейских исследований в России.

Список публикаций, включенных в данный обзор, не является исчерпывающим, но он позволяет сформировать представление об основных направлениях, приоритетах и характере исследований.

6.

Институционализм в российских исследованиях

Институционализм в российской европеистике повторил путь, традиционный для всех теорий, за исключением, пожалуй, реализма (неореализма и неоклассического реализма). С одной стороны, институциональные подходы активно использовались для анализа европейской

международных организаций. — 2014. — Т. 9. — № 3. — С. 31–46; Шишкина О. В. Внешнеполитические ресурсы России и ЕС на пространстве «общего соседства» // Вестник МГИМО(У). — 2011. — № 1. — С. 56–61.

¹ Изотов А. Проблема устойчивости отношений России и Европейского Союза // Россия и Европейский Союз: в поисках парадигмы устойчивых отношений.: Материалы междунар.одной конференции, проводившейся на факультете международных отношений СПбГУ 27–28 июня 2008 г. — Издательство С.-Петербургского университетаУ, 2009., — С. 46–87.

² Отношения Евросоюз — Россия и Украинский кризис. / Оотв. ред. Н. К. Арбатова. — М.: ИМЭМО РАН, 2014, 183 с; Тупик борьбы интеграций в Европе / под ред. Е. Винокуров Е.а, С. Кулика С., А. Спартака А., И. Юргенса И. — М., 2014.

интеграции, внутренних ее процессов. По большей части это был пересказ работ, написанных на Западе (в некоторых случаях — давно). Три институциональные темы привлекали особое внимание отечественных исследователей. Первая — трансформация институтов Евросоюза под влиянием различных преобразований в его учредительных документах (Ниццкого договора, Лиссабонского договора)¹. Вторая — гибкая интеграция². Третья — процесс принятия решений и особенно

¹ Ахова Е. В. Трансформация политических институтов ЕС: современные тенденции и перспективы. — Ставрополь, 2005; Кавешников Н. Ю. Институциональная реформа ЕС и Ниццкий договор: ответы или вопросы? — М.: Экслибрис-Пресс, 2002; *Его же*. Трансформация институциональной структуры Европейского союза. — М.: Навона, 2010; Гомцян С. В. Динамика развития принципа субсидиарности в Европейском союзе // Вестник международных организаций. — 2007. — № 6. — С. 54–66; Громогласова Е. Наднациональность в ЕС-системе: метастазы или метаморфозы // Мировая экономика и международные отношения. — 2010. — № 6. — С. 95–103; Дегтерева Е. А. Евросоюз: роль стран в принятии решений Совета ЕС // Современная Европа. — 2009. — № 2. — С. 114–121; Еришов С. В. Правовые вопросы наднациональной власти Европейского союза. — М.: Экон-Информ, 2003; Зуев В. Н. Механизм принятия решений в ЕС — универсальный инструмент примирения интересов // Вестник международных организаций. — 2008. — № 3. — С. 12–23; *Его же*. Наднациональные механизмы интеграции. — М.: Магистр, 2013; *Его же*. Наднациональный механизм в теории интеграции // Мировая экономика и международные отношения. — 2011. — № 4. — С. 30–38; *Его же*. Феномен наднационального хозяйственного механизма Европейского Союза. — М.: ГУ-ВШЭ, 2007; Мещерякова О. М. Лиссабонский договор и развитие наднациональных функций в деятельности институтов Европейского Союза. — М.: МПГУ, 2011; Стрежнева М. Практика наднациональности в Евросоюзе // Международные процессы. — 2010. — Т. 8. — № 3 (24). — С. 57–69; Хохлов И. И. Наднациональность в политике Европейского Союза. — М.: Международные отношения, 2014.

² Бабынина Л. О. Гибкая интеграция в Европейском Союзе. — М.: Институт Европы, Русский сувенир, 2010; *Его же*. Гибкая интеграция в Европейском союзе: теория и практика применения. — М.: Изд-во ЛКИ, 2012; *Его же*. Гибкая интеграция в ЕС: классификация и проблемы институционализации // Мировая экономика и международные отношения. — 2010. — № 6. — С. 31–37; *Его же*. Страны Северной Европы и дифференциация в ЕС // Современная Европа. — 2007. — № 3. — С. 58–71; Бусыгина И. М. Асимметричная интеграция в Евросоюзе // Международные процессы. — 2007. — Т. 5. — № 3 (15). — С. 18–28; Кавешников Н. Ю. «Гибкая интеграция» в Европейском союзе // Международные процессы. — 2011. — Т. 9. — № 2 (26). — С. 58–69.

лоббирование как законное влияние на него со стороны, прежде всего бизнеса¹.

Для всех этих работ, несмотря на то, что они опирались на западную методологию для анализа внутренних процессов в ЕС, характерны описательность и рационализм. Оба аспекта связаны с характером развития современной отечественной науки о международных отношениях, а также исследований европейской интеграции и отношений России и ЕС². В большинстве случаев используется классический институционализм, пришедший из правовых исследований и характеризующийся описанием основных функций институтов и формального процесса принятия решений. При этом мало исследуется то, как институты меняются на ежедневной основе, отслеживаются только «исторические» решения. Более того, термин «институт» трактуется крайне узко.

Неоинституционализм, основоположниками которого признаны Д. Марч и Д. Олсен, описывающие институты как «относительно постоянное собрание правил и организованных практик, закрепленных в структурах и ресурсах, которые относительно стабильны вне зависимости от смены индивидов, их предпочтений и ожиданий, а также внешних обстоятельств», мало учитывался в отечественной науке. В лучшем случае из четырех современных неоинституциональных подходов использовался рациональный (рационального выбора). Это не случайно — он самый устоявшийся в России, благодаря

¹ *Королев Е. А.* Взаимодействие бизнеса и власти на примере политических институтов Европейского союза. — М.: ГУ-ВШЭ, 2008; *Леви Д. А.* О геометрии лоббирования в Европейском Союзе // Россия в глобальном мире. Социально-теоретический альманах. — СПб.: СПбГПУ, 2004. № 7; *Его же.* Современное лоббирование в Европейском Союзе: в поисках общих ценностей и точек соприкосновения. — СПб.: Изд-во «Сезам», 2009; *Руденкова Д.* Лоббизм в институтах Европейского союза // Международные процессы. — 2015. — Т. 13. — № 1. — С. 68–80; *Семенов И. С.* Представительство интересов в Европейском союзе и опыт России. Синтез моделей или синтез концепций? // С. П. Перегудов, Н. Ю. Лапина, И. С. Семенов (ред.). — Группы интересов и Российское государство. — М., 1999. — С. 307–344; *Шохин А. Н.* Взаимодействие бизнеса и власти в Европейском союзе. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

² См. подробнее *Авдонин В. С.* Российские исследования политики Европейского союза. — Рязань: Рязанский гос. ун-тет, 2006; *Романова Т. А.* Исследования отношений России и Евросоюза в нашей стране и за рубежом (1992–2015 гг.) // Современная Европа. — 2015. — № 5. — С. 100–114.

прежде всего экономическим (а не политологическим) исследованиям. Несмотря на то, что нередко анализировалось изменение институтов, исторический неинституционализм редко использовался. Социологический и дискурсивный неинституционализм не прослеживается, что обусловлено в целом низким интересом отечественной науки к конструктивизму и дискурс-анализу¹.

Анализ отношений России и Евросоюза в институциональном ключе в отечественной науке встречается редко. Главным образом это были работы юристов, написанные в духе классического институционализма. В общих работах по европейскому праву, как правило, указывалось и на специфику правового сотрудничества России и Евросоюза². Соответствующие главы ссылались на Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) 1994 г., с разной степенью подробности разбирая его институциональные положения. Иногда рассматривалась также система соглашений, возникшая на основе СПС, правовой характер и значение дорожных карт для четырех пространств. Особое внимание уделялось экономическим аспектам сотрудничества в ЕС³, а также проблематике разграничения компетенций и сфер ведения

¹ См. подробнее главы «Конструктивизм в российских исследованиях», «Конструктивизм в зарубежных исследованиях».

² *Брюков М. М.* Европейская интеграция: международно-правовой подход. — М.: Научная книга, 2004; *Его же.* Европейский союз, Евроконституция и международное право. — М.: Научная книга, 2006; *Европейское право: право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека / под ред. Л. М. Энтина.* — М.: Норма ИНФРА-М, 2011, 2012. [и др. изд.]; *Ильин Ю. Д.* Лекции по истории и праву Европейского союза. — М.: Спарк, 2002; *Инишкова А. О.* Основы права Европейского союза: особенная часть: учеб. пособие. — Волгоград: Науч. изд-во, 2004; *Качалов А. Д.* Правовое регулирование интеграционных процессов государств — членов Европейского союза. — М.: Лаборатория книги, 2011; *Кашкин С. Ю.* Общая часть. Европейский союз: устройство и порядок. 2013; *Его же.* Основы права Европейского союза. — М.: Юрайт, 2011; *Его же.* Право Европейского союза. — М.: Юристъ, 2010, 2011, 2013 [и др. изд.]; *Лучинин А. Л.* Понятие и особенности механизма имплементации европейского права. — Казань: Новое знание, 2006; *Марченко М. Н.* Европейский союз и его судебная система. — М.: Проспект, 2012; *Его же.* Правовая система Европейского союза. — М.: НОРМА, 2014; *Право Европейского союза / под ред. проф. А. Я. Капустина.* — М.: Юрайт, 2013; *Пучинский В. К.* Право Европейского союза: Правовое регулирование торгового оборота. — М.: Зерцало-М, 2000.

³ *Право Европейского союза: правовое регулирование...; Юмашев Ю. М.* Экономическое право Европейского Союза. — М.: НОРМА, 2014.

Евросоюза и его стран-членов¹. В частности, подчеркивался смешанный характер СПС, т. е. то, что он затрагивает компетенции и ЕС, и его стран-членов. Публиковали отечественные специалисты и собственно работы по отношениям с Россией, в которых более детально рассматривались аспекты двухсторонних договоренностей, в т. ч. секторальных соглашений, дорожных карт для четырех пространств, будущего соглашения, которое должно было прийти на замену СПС².

В работах политологов институциональные аспекты лишь бегло упоминались. Низкий интерес связан с узкой и устаревшей трактовкой институционализма в отечественной науке о международных отношениях. Исследовались однако, без упоминания неоинституционализма, такие институты в отношениях России и ЕС, как сотрудничество (в различных сферах), партнерство, правовое сближение, диалог. Имели место также попытки институционального моделирования будущего отношений России и ЕС, а также того, как это должно отразиться на структурах России³.

Некоторое время довольно популярной была и тема лоббирования⁴ институтов ЕС, того, как российский бизнес мог бы выстраи-

¹ *Бартенев С. А.* Европейский союз и государства-члены: разграничение компетенции. — М.: Юрлитинформ, 2009.

² *Калиниченко П. А.* Европейский союз на постсоветском пространстве: право, интеграция, геополитика. — М.: Российский новый университет, 2012; *Его же.* Европейский союз: право и отношения с Россией. — М.: Норма ИНФРА-М, 2012.

³ *Бордачев Т.* Terra incognita, или Европейская политика России // Pro et Contra. — 2001. — Т. 6. — № 4. Осень. — С. 23–32; б) в) Россия и Европейский союз: конец и новое начало. — М.: Карнеги, октябрь 2004. — Т. 6. Выпуск 10; *Бордачев Т. В., Романова Т. А.* Модель на вырост. Выбор России надолго определит ее отношения с ЕС // Россия в глобальной политике. — 2003. — № 2. Апрель — июнь. — С. 49–63; *Романова Т. А.* Общее европейское экономическое пространство: стратегия участия России // Pro et Contra. — 2003. Лето. — С. 63–77.

⁴ *Бордачев Т. В.* Пределы европеизации: Россия и Европейский союз 1991–2007, теория и практика отношений. — М.: ГУ ВШЭ, 2007; *Леву Д. А.* О стратегиях лоббирования частных и государственных компаний России и Европейского союза // Современные отношения России и Европейского союза: 10 лет после подписания Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. — Библиотека Европейских исследований. Вып. 18. — СПб.: СПбГУ, 2005; *Его же.* Перспективы развития возможностей лоббирования как части правового порядка в России и ЕС. В поисках точек соприкосновения // Парт-

вать взаимодействие с Евросоюзом, минуя государственные каналы России. При этом, как и в исследовании ЕС, царил по большей части неоинституционализм рационального выбора. Лишь изредка, когда заходит речь о социализации, логике необходимого, можно было идентифицировать элементы социологического неоинституционализма. Однако они оставались разрозненными, несистематическими.

В последнее время через призму исторического неоинституционализма стали анализироваться также трансправительственные и транснациональные уровни отношений России и ЕС. В частности, изучалось, как они способствовали некоторой зачаточной политико-правовой гармонизации, в т. ч. в энергетике. Кроме того, исследователи задавались вопросом, почему сложившиеся институты, вопреки неоинституциональной логике, не воспрепятствовали ухудшению отношений России и ЕС¹.

Однако теоретически фундированные работы, применяющие неоинституционализм для анализа отношений России и ЕС, остаются в отечественной науке редкими. По большей части неоинституционализм служит в русскоязычной литературе лишь для систематизации и обобщения эмпирического материала, а не для продвижения теоретических и методологических положений неоинституционализма. Особенного сожаления заслуживает незначительное количество исследований в русле социологического неоинституционализма и почти полное отсутствие дискурсивного неоинституционализма.

нерство России и ЕС после расширения: стратегическое планирование и повседневная реальность. — Библиотека Европейских исследований. — Вып. 16. — СПб.: СПбГУ, 2004.

¹ Романова Т. А. Институциональные аспекты диалога России и Европейского союза: через диверсификацию к примитивизации? (На примере энергетических отношений) // Вестник СПбУ. — Сер. 6. — 2015. — Вып. 1. — С. 65–76; *Ее же*. Институциональные уровни анализа и эволюция отношений России и Евросоюза: некоторые вопросы теории и практики // Вестник международных организаций. — Образование. Наука. Новая экономика. — 2016. — № 4. — С. 224–248; *Ее же*. Энергетическое сотрудничество России и Евросоюза: Основные направления эволюции и современное состояние // Балтийский регион. — 2013. — № 3 (17). — С. 7–19.

7.

Институционализм в зарубежных исследованиях

Обзор многочисленных зарубежных исследований, посвященных развитию отношений России и Европейского союза, свидетельствует о несомненной популярности институционализма. Эта популярность обусловлена различными факторами. Прежде всего следует отметить очевидные аналитические преимущества данного теоретического подхода в объяснении международного сотрудничества в целом и его частных примеров (изучение роли институтов в международных отношениях, институциональных особенностей, процедур принятия решений, действий государственных акторов по защите национальных интересов и их переговоров с другими акторами, взаимовлияния акторов друг на друга и их трансформации в результате участия в общих институтах и т. д.). Кроме того, институционализм и его более новые версии (исторический институционализм, институционализм рационального выбора и социологический институционализм) эффективно используются для анализа развития европейской интеграции, институциональных особенностей ЕС и различных направлений деятельности Евросоюза, включая общую внешнюю политику и политику безопасности (ОВППБ), и отношения с третьими странами. Надо упомянуть также активное использование институционализма в исследованиях, рассматривающих историю европейской интеграции, что привело к формированию исторического институционализма с его акцентом на конкретном событии (выборе) и его последствиях как определенной траектории развития. Наконец, разнообразие теоретических и методологических инструментов, используемых сторонниками институционализма в их стремлении определить роль институтов в международных отношениях, делает данный подход практически незаменимым для исследователей взаимодействия России и ЕС. Для современных международных исследований характерен синтез элементов различных теорий, поэтому даже авторы, использующие в качестве основной теории другие подходы, могут одновременно применять и элементы институционализма.

Данный обзор базируется на публикациях в зарубежных научных журналах (например, “Journal of Common Market Studies”, “International Organization”, “European Security”, “Cooperation and Conflict”,

“European Foreign Affairs Review”, “Europe-Asia Studies”, “The International Spectator”), публикациях исследовательских центров и институтов (например, Центра исследований европейской политики (CEPS) и Финского института международных отношений (ФИА)), монографиях и материалах научных конференций.

По результатам проведенного анализа различных научных исследований, опубликованных за рубежом, можно констатировать следующие особенности применения институционализма при изучении отношений России и Евросоюза.

Во-первых, большая группа зарубежных исследований посвящена политической интеграции в Европе и реализации ОВППБ. В таких случаях отношения с Россией рассматриваются как конкретный пример координации внешнеполитических усилий ЕС и применения инструментов ОВППБ. Институционализм (с учетом его конструктивистской версии — социологического институционализма) является доминирующей теорией, объясняющей внешнеполитическую деятельность ЕС и влияние ЕС в мире (работы таких исследователей, как К. Бикертон, Б. Ирондель, А. Менон, А. Борзель, М. Вебер, Т. Риссе, А. Дандашли, Дж. Т. Чекел, С. Лавенекс, Ф. Меран, К. О. Мейер, А. Миссироли, П. Петров, К. Поморска, С. Ванхунакер, Б. Шмидт, Ф. Шиммельфенниг М. Смит)¹. Многие ученые уделяют отдельное

¹ *Bickerton C.* European Union Foreign Policy: From Effectiveness to Functionality. Basingstoke: Palgrave, 2011; *Bickerton C., Irondele B. and A. Menon.* Security Co-operation beyond the Nation-State: The EU's Common Security and Defence Policy // *Journal of Common Market Studies*, 2011. Vol. 53. Issue 4. P. 703–722; *Börzel T. A., Risse T. and A. Dandashly.* The EU, External Actors, and the Arabellions: Much Ado About (Almost) Nothing // *Journal of European Integration*, 2015. Vol. 37. Issue 1. P. 135–153; *Checkel J. T.* ‘International Institutions and Socialization in Europe: Introduction and Framework’ // *International Organization*, 2005. Vol. 59. Issue 4. P. 801–826; *Lavenex S., Schimmelfennig F.* EU rules beyond EU borders: theorizing external governance in European politics // *Journal of European Public Policy*, 2009. Vol. 16. Issue 6. P. 791–812; *Mérand F.* European Defence Policy Beyond the Nation State. Oxford: Oxford University Press, 2008; *Meyer C. O.* The Quest for a European Strategic Culture: Changing Norms on Security and Defence in the European Union, Basingstoke: Palgrave, 2006; *Missiroli A.* The new EU foreign policy system after Lisbon: A work in progress // *European Foreign Affairs Review*, 2010. Vol. 15. P. 427–452; *Petrov P., Pomorska K. and S. Vanhoonaeker.* Introduction: The emerging EU diplomatic system: Opportunities and challenges after ‘Lisbon’ // *The Hague Journal of Diplomacy*, 2012. No 7. P. 1–9; *Schmitt B.* From Cooperation to Integration: Defence and Aerospace Industries in

внимание роли государств-членов в процессе принятия внешнеполитических решений и формирования политики в отношении третьих стран (например, М. Оренштайн, Р. Келемен, Э. С. Верхофф, Р. Линтонен, М. Мелландер, Х. Моритцен, А. Ниман, С. де Спизлер, Л. Симао)¹. Конечно, конкретные события оказывают серьезное влияние на исследовательскую повестку, на изучаемые проблемы и использование теоретических подходов. Так, кризис на Украине воспринимается как проверка для институциональной системы ЕС и выработанных в рамках ОВППБ процедур. Внешнеполитические неудачи Евросоюза трактуются как необходимость институциональных изменений и формирования новых возможностей для ЕС. Вопросы эффективности европейских институтов поднимались и раньше (например, М. Смитом, Т. Форсбергом и А. Сеппо)², но украинские события за-

Europe, Paris: Institute for Security Studies of WEU, 2000. Chaillot Paper 40; *Smith M.* Comment: Crossroads or cul-de-sac? Reassessing European foreign policy // *Journal of European Public Policy*, 2006. Vol. 13. Issue 2. P. 322–327; *Idem.* Europe's Foreign and Security Policy: The Institutionalization of Cooperation (Themes in European Governance). Cambridge: Cambridge University Press, 2004; *Webber M.* Third-Party Inclusion in European Security and Defence Policy: A Case Study of Russia // *European Foreign Affairs Review*, 2001. Vol. 6. Issue 4. P.407–426; *Idem.* A tale of a decade: European security governance and Russia // *European Security*. June 2000. Vol. 9. Issue 2. P. 31–60.

¹ *De Spiegeleire S.* Recoupling Russia to Europe: Staying the Course // *International Spectator*, 2003. Vol. 38. Issue 3. P. 79–97; *Galbreath D. J. and A. Lašas.* The 'Baltic' Factor in EU-Russian Relations: In Search of Coherence and Co-operation in an Era of Complexity // *Journal of Contemporary European Studies*. June 2011. Vol. 19. No 2. P. 261–272; *Lintonen R.* Understanding EU Crisis Decision-Making: the Case of Chechnya and the Finnish Presidency // *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 2004. Vol. 12. No 1. P. 29–38; *Mellander M. and H. Mouritzen.* Learning to assert themselves: Small states in asymmetrical dyads — two Scandinavian dogs barking at the Russian bear // *Cooperation and Conflict*, 2016. Vol. 51. No 4. P. 447–466; *Orenstein M. A. and Kelemen R. D.* Trojan Horses in EU Foreign Policy // *Journal of Common Market Studies*. Jan 2017. Vol. 55. Issue 1. P. 87–102; *Simão L.* Portuguese and Spanish Relations with Moscow: Contributions from the EU's Periphery to the CFSP // *Journal of Contemporary European Studies*. June 2011. Vol. 19. No 2. P. 213–223; *Verhoeff E. C. and A. Niemann.* National Preferences and the European Union Presidency: The Case of German Energy Policy towards Russia // *Journal of Common Market Studies*. Nov 2011. Vol. 49. Issue 6. P. 1271–1293.

² *Forsberg T. and A. Seppo.* Power without Influence? The EU and Trade Disputes with Russia // *Europe-Asia Studies*, 2009. Vol. 61. Iss. 10. P. 1805–1823; *Smith M.* Comment: Crossroads or cul-de-sac? Reassessing European foreign policy...

ставили изучать их более активно (следует упомянуть таких авторов, как М. К. Дэвис Крос, И. П. Каролевски, А. Юнкос, Р. Дж. Уитман, М. Наторски, К. Поморска, Х. Сьюрсен, Г. Розен)¹, некоторые авторы даже начали рассуждать в неореалистическом ключе (например, Х. Сьюрсен и Г. Розен)². Интересно, что, таким образом, разочарование в институтах ЕС как объекте исследований влечет за собой размышления о неточностях теоретического подхода и потенциальном использовании других подходов.

Во-вторых, большую группу публикаций составляют работы, использующие институциональный подход в качестве основы для анализа эволюции взаимодействия России и ЕС. В этих исследованиях развитие институтов трактуется либо как фактор, способствующий сотрудничеству РФ и Евросоюза, либо как показатель характера взаимодействия. Наиболее подробно возможности использования институционализма для анализа взаимодействия России и ЕС рассматривает Х. Хауккала³, но следует отметить также научный вклад в этой

¹ *Davis Cross M. K., and I. P. Karolewski. What Type of Power has the EU Exercised in the Ukraine-Russia Crisis? A Framework of Analysis // Journal of Common Market Studies. Jan 2017. Vol. 55. No 1. P. 3–19; Juncos A. E. and R. G. Whitman. Europe as a Regional Actor: Neighbourhood Lost? // Journal of Common Market Studies. Sep 2015. Vol. 53. Issue 1. P. 200–215; Karolewski I. P. and M. K. Davis Cross. The EU's Power in the Russia-Ukraine Crisis: Enabled or Constrained? // Journal of Common Market Studies. Jan 2017. Vol. 55. Issue 1. P. 137–152; Natorski M. and K. Pomorska. Trust and Decision-making in Times of Crisis: The EU's Response to the Events in Ukraine // Journal of Common Market Studies. Jan 2017. Vol. 55. Issue 1. P. 54–70; Sjursen H. and G. Rosén. Arguing Sanctions. On the EU's Response to the Crisis in Ukraine // Journal of Common Market Studies. Jan 2017. Vol. 55. Issue 1. P. 20–36.*

² *Sjursen H. and G. Rosén. Arguing Sanctions. On the EU's Response...*

³ *Haukkala H. 'From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination of a Long-Term Crisis in EU-Russia Relations' // Journal of Contemporary European Studies, 2015. Vol. 23. Issue 1. P. 25–40; Idem. Multi-Causal Social Mechanisms and the Study of International Institutionalisation: The Case of EU-Russia Strategic Partnership. Turku: University of Turku, 2008; Idem. The EU-Russia strategic partnership: the limits of post-sovereignty in international relations. London & New York: Routledge, 2010; Idem. Lost in Translation? Why the EU has Failed to Influence Russia's Development // Europe-Asia Studies, 2009. Vol. 61. Issue 10. P. 1757–1775; Haukkala H. and A. Toivonen. The EU Common Strategy on Russia: In Search of the Foundation of European Foreign Policy // The Yearbook of Finnish Foreign Policy 2002, Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2002. P. 54–65.*

области таких авторов, как Д. Аверре, К. Барыш, Т. Бордачев, М. Валь, Д. Деттке, Э. Джадж, Д. Грос, Т. Долидзе, Т. Казир, Е. А. Коростелева, Р. Линтонен, Д. Линч, М. Массари, Р. Эллисон, М. Лайт, С. Уайт, М. Давид, Т. Романова, Ф. Тассинари, М. Эмерсон, С. де Спизлер, Л. Симао, Т. Форсберг, А. Тойвонен, Т. Малтби, Дж. Д. Шаплз, А. Шмидт-Фелцман, Р. Саква, С. Смит, Г. Тимминс)¹. Особо можно выделить

¹ Allison R., Light M. and S. White. *Putin's Russia and the Enlarged Europe*. L., Royal Institute of International Affairs; Oxford: Blackwell, 2006; *Averre D.* Russia and the European Union: convergence or divergence? // *European security*, 2005. Vol. 14. Issue 2. P. 175–202; *Idem.* 'Competing Rationalities: Russia, the EU and 'Shared Neighbourhoods'', *Europe-Asia Studies*, 2009. Vol. 61. Issue 10. P. 1689–1713; *Idem.* The EU-Russian Relationship in the Context of European Security // D. Johnson and P. Robinson (eds). *Perspectives on EU-Russia Relations*. L.: Routledge, 2005. P. 73–92; *Idem.* The EU, Russia and the shared neighbourhood: security, governance and energy // *European Security*, 2010. Vol. 19. Issue 4. P. 531–534; *Barysch K.* EU-Russia Relations: The EU Perspective // D. Johnson and P. Robinson (eds). *Perspectives on EU-Russia Relations*. L.: Routledge, 2005. P. 21–34; *Bordachev T.* Russia and the European Union after 2007 // M. Emerson (ed). *The Elephant and the Bear Try Again: Options for a New Agreement between the EU and Russia*. CEPS: Brussels, 2006. P. 51–60; *Casier T.* 'The EU-Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument' // *Europe-Asia Studies*, 2013. Vol. 65. Issue 7. P. 1377–1395; *David M. and T. Romanova.* 'Modernisation in EU-Russian Relations: Past, Present, and Future' // *European Politics and Society*, 2015. Vol. 16. Issue 1. P. 1–10; *De Spiegeleire S.* The Implementation of the EU's Common Strategy on Russia // Haukkala H. and S. Medvedev (eds.). *The EU Common Strategy on Russia: Learning the Grammar of the CFSP, Programme on the Northern Dimension of the CSFP*, No 11. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2001. P. 81–116; *Dettke D.* Russia and the EU: the difficult path to a new partnership // *European affairs*, 2008. Vol. 9. No 3. P. 25–32; *Idem.* Europe and Russia: from neighborhood without a shared vision to a modernization partnership // *European Security*. Mar 2011. Vol. 20. No 1. P. 127–142; *Dolidze T.* EU Sanctions Policy towards Russia: The Sanctioner-Sanctionee's Game of Thrones, 2015; *Emerson M.* EU-Russia Four Common Spaces and the Proliferation of the Fuzzy, CEPS Policy Brief. No 71, May. Brussels: CEPS, 2005; *Emerson M., Tassinari F. and M. Vahl.* A New Agreement between the EU and Russia: Why, what and when? // Michael Emerson (ed). *The Elephant and the Bear Try Again: Options for a New Agreement between the EU and Russia*. CEPS: Brussels, 2006. P. 62–94; *Forsberg T. and H. Haukkala.* The End of an Era for Institutionalism in European Security? // *Journal of Contemporary European Studies*, 2015. Vol. 23. Issue 1. Special Issue: Russia and the Major European Institutions. P. 1–5; *Forsberg T.* The EU-Russia Security Partnership: Why the Opportunity was Missed // *European Foreign Affairs Review*. Jun 2004. Vol. 9. Issue 2. P. 247–267; *Gros D., Blockmans S.*

исследователей, делающих акцент на ключевых принципах, лежащих в основе отношений России и Евросоюза, или о которых спорят РФ и ЕС, в частности можно упомянуть таких исследователей, как Д. Аверре, К. Барыш, Д. Деттке, Т. Казир, Т. Романова, Ф. Тассинари, М. Эмерсон¹.

Ukraine, Russia and the need for more flexibility in EU foreign policy-making // CEPS, 25 July 2014. Policy Brief; *Judge A., Maltby T. and J. D. Sharples*. Challenging Reductionism in Analyses of EU-Russia Energy Relations // *Geopolitics*, 2016. Vol. 21. Issue 4. P. 751–762; The EU Common Strategy on Russia: Learning the Grammar of the CFSP / *Haukkala H. and S. Medvedev* (eds). Programme on the Northern Dimension of the CSFP, No 11. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2001; *Korosteleva E. A.* The European Union, Russia and the Eastern region: The analytics of government for sustainable cohabitation // *Cooperation and Conflict*, 2016. Vol. 51. Issue 3. P. 365–383; *Light M.* Keynote Article: Russia and the EU: Strategic Partners or Strategic Rivals? // *Journal of Common Market Studies*, 2008. Vol. 46. Issue 1. P. 7–27; *Lintonen R.* Understanding EU Crisis Decision-Making: the Case of Chechnya and the Finnish Presidency // *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 2004. Vol. 12. No 1. P. 29–38; *Lynch D.* The security dimension of the European neighbourhood policy // *The International Spectator*. Jan 2005. Vol. 40. Issue 1. P. 33–43; *Massari M.* Russia and the EU Ten Years On: A Relationship in Search of Definition // *The International Spectator*. Mar 2007. Vol. 42. Issue 1. P. 1–15; *Medvedev S.* EU-Russian Relations — Alternative futures, 2006. FIIA Report 15; *Schmidt-Felzmann A.* European foreign policy towards Russia: Challenges, lessons and future avenues for research, *The SAGE Handbook of European Foreign Policy*, 2015; *Simão L.* Discursive differences and policy outcomes: EU-Russia relations and security in Europe // *Eastern Journal of European Studies*. Jun 2011. Vol. 2. Issue 1. P. 81–95; *Smith M. A. and G. Timmins.* Russia, NATO and the EU in an era of enlargement: Vulnerability or opportunity? // *Geopolitics*. June 2001. Vol. 6. Issue 1. P. 69–90; *Tassinari F.* A riddle inside an enigma: Unwrapping the EU-Russia strategic partnership // *The International Spectator*. Jan 2005. Vol. 40. Issue 1. P. 45–57; *Sakwa R.* Russia and Europe: Whose Society? // *Journal of European Integration*. Mar 2011. Vol. 33. Issue 2. P. 197–214; *Idem.* The cold peace: Russo-Western relations as a mimetic cold war // *Cambridge Review of International Affairs*. Mar 2013. Vol. 26. Issue 1. P. 203–224; *The Elephant and the Bear Try Again: Options for a New Agreement between the EU and Russia* / Ed. by M. Emerson. CEPS: Brussels, 2006.

¹ *Averre D.* Competing Rationalities: Russia, the EU and the 'Shared Neighbourhood' // *Europe-Asia studies*, 2009. Vol. 61. Issue 10. P. 1689–1713; *Barysh K.* The EU and Russia: From principle to pragmatism? // *CER*. Nov 2006. Policy Brief; *Casier T.* The EU-Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument // *Europe-Asia Studies*. Sep 2013. Vol. 65. Issue 7. P. 1377–1395; *Dettker D.* Russia and the EU: the difficult path to a new partnership // *European affairs*, 2008. Vol. 9. No 3. P. 25–32; *Romanova T.* 'The Theory and Practice of

Наконец, надо выделить еще одну группу исследований, в которых рассматриваются институциональные аспекты взаимодействия России и Евросоюза с акцентом на характеристике рациональной составляющей российской позиции в отношении ЕС. В этих работах прежде всего изучаются особенности российской точки зрения и политики в отношении ЕС и факторы, определяющие характер этой политики: исторические особенности, геополитическая ситуация, влияние внешних акторов, взаимодействие с государствами и международными организациями. Среди представителей этой группы можно вспомнить таких исследователей, как В. Барановский, М. Эмерсон, М. Лайт, Дж. Левенхардт, С. Уайт, Ю. Коростелева, Я. МакАллистер, Дж. Говер, С. Караганов, Т. Бордачев, Ф. Лукьянов, Д. Сулов, Д. Линч, Х. Моритцен, А. Вивель¹. Некоторые представители этой группы зачастую комбинируют институциональный подход с другими подходами, включая геополитику и неореализм.

Таким образом, институционализм и неоинституционализм представляются актуальными и важными теориями, активно используемыми в зарубежных научных исследованиях.

Список публикаций, проанализированных в данном обзоре, не является исчерпывающим, но он позволяет сделать выводы об особен-

Reciprocity in EU-Russian Relations' // K. Engelbrekt and B. Nygren (eds.). *Russia and Europe. Building Bridges, Digging Trenches*. Abingdon and New York: Ashgate 2010. P. 60–80; *Tassinari F.* A riddle inside an enigma: Unwrapping the EU-Russia strategic partnership // *The International Spectator*. Jan 2005. Vol. 40. Issue 1. P. 45–57; *The Elephant and the Bear Try Again: Options for a New Agreement...*

¹ *Baranovsky V.* Russian Foreign Policy Priorities and Euroatlantic Multilateral Institutions // *The International Spectator*, 1995. Vol. 30. Issue 1. P. 33–50; *Emerson M.* Russia in Europe and the West // CEPS, 01 April 2010. Commentary; *Gower J.* European Union-Russia Relations at the End of the Putin Presidency // *Journal of Contemporary European Studies*. Aug 2008. Vol. 16. Issue 2. P. 161–167; *Karaganov S., Bordachev T., Guseinov V., Lukyanov F. and D. Suslov.* Russia-EU Relations: The Present Situation and Prospects // CEPS. July 2005. Working Document No 225; *Light M., Löwenhardt J. and S. White.* Russian Perspectives on European Security // *European Foreign Affairs Review*, 2000. Vol. 5. Issue 4. P. 489–505; *Lynch D.* Russia faces Europe // Paris: Institute for Security Studies, 2003. Chaillot Papers No 60; *Idem.* Russia's strategic partnership with Europe // *The Washington Quarterly*. Mar 2004. Vol. 27. No 2. P. 99–118; *Mouritzen H. and A. Wivel.* Explaining Foreign Policy: International Diplomacy and the Russo-Georgian War // *International Politics review*, 2014. Vol. 2. No 1. P. 31–47; *White S., Korosteleva J. and I. McAllister.* A Wider Europe? The View from Russia, Belarus and Ukraine // *Journal of Common Market Studies*. Mar 2008. Vol. 46. Issue 2. P. 219–241.

ностях использования институционализма в зарубежных научных публикациях.

8.

Конструктивизм в российских исследованиях

Конструктивизм как научная парадигма уже достаточно широко распространен в российской науке. Прежде всего это касается таких областей знания, как социология и антропология, что, безусловно, связано с условиями его изначального артикулирования как «социального конструктивизма». Однако в России с применением данной парадигмы в исследовании международных отношений складывается совершенно иная ситуация. Работы в рамках конструктивизма крайне редки и весьма слабо влияют на формирование новых подходов к исследованиям, несмотря на то, что первые работы, посвященные данному подходу, начали появляться еще с середины 2000-х¹, то есть 10 лет назад. Тем не менее публикации, затрагивающие теоретические аспекты применения конструктивизма, носят весьма спорадический характер². Неудивительно, что и при анализе отношений Европейского союза и Российской Федерации авторов, осмеливающихся базироваться на конструктивистском подходе, немного. Тем не менее именно Европейский союз, его природа и суть анализируются с этих позиций чаще, чем другие объекты исследования международников. Это, безусловно, тесно связано с современными тенденциями академических кругов самой Европы, игнорировать мнение

¹ Морозов В. Е. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе // *Международные процессы*. — 2006. — № 1 (10). — С. 82–94.

² Бакалова Е. Конструктивизм в исследовании международных норм защиты прав человека: от генезиса, признания и соблюдения до оспаривания, нарушения и эрозии // *Международные процессы*. — 2015. — № 1 (40). — С. 48–67; Макарычев А. С. Регионализм глазами конструктивизма: агенты, структуры, идентичности // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. — 2010. — № 3 (71). — С. 137–150; Семененко И. С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // *Полис. Политические исследования*. — 2009. — № 6. — С. 8–23.

которых невозможно. Попытки проанализировать европейскую идентичность, которая становится краеугольным камнем большинства западных работ по ЕС, заставляют российских исследователей обращаться к конструктивизму, в рамках которого и появилась данная категория¹. Появляются отдельные попытки исследовать и внешне-политическую деятельность Европейского союза через призму артикуляции европейской идентичности².

Тем не менее, несмотря на, казалось бы, очевидное продолжение данной ветви исследований, тема взаимоотношений ЕС и России сквозь призму анализа дискурса идентичности не получила пока серьезного продолжения. Среди академических публикаций мы можем отметить ряд работ, посвященных исследованию взаимодействия дискурсов российской и европейской идентичности с позиций пост-колониального подхода и влияния данного взаимодействия на современные отношения³.

В свете сказанного особо интересным и неожиданным, на наш взгляд, стало продолжение темы идентичности в ее региональном

¹ *Дериглазова Л. В.* Деятельность Европейского союза по формированию Европейской идентичности // *Дневник АШПИ*. — 2013. — № 29. — С. 133–137; *Петров К. Е.* Концепция «Европа» в современном политическом дискурсе // *Полис. Политические исследования*. — 2004. — № 3. — С. 140–153; *Семенов И. С.* Метаморфозы европейской идентичности // *Полис. Политические исследования*. — 2008. — № 3. — С. 80–96; *Ее же.* Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // *Полис. Политические исследования*. — 2016. — № 4. — С. 8–28.

² *Гудалов Н. Н.* Идентичность Европейского союза как международного актора и его роль в разрешении конфликтов (на примере палестино-израильского конфликта) // *Вестник СПбУ*. — Сер. 6. Политология. Международные отношения. — 2014. — Вып. 2. — С. 159–165.

³ *Игуменова Л. О.* Имперская идентичность Европейского союза и России // *Вестник Томского гос. ун-та*. — История. — 2014. — № 6 (32). — С. 45–55; *Морозов В. Е.* В поисках Европы: российский политический дискурс и окружающий мир // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. — 2003. — № 4 (30). — С. 33–40; *Его же.* Европа: ориентация во времени и пространстве // *Россия в глобальной политике*. — 2008. — № 6 (3). С. 78–89; *Его же.* Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. — М.: Новое литературное обозрение, 2009; *Его же.* Свято место пусто не бывает // *Россия в глобальной политике*. — 2014. — № 3 (12). — С. 40–49.

проявлении. Так, в ряде академических изданий, прежде всего в журнале «Балтийский регион», мы можем увидеть дискуссию о перспективах сотрудничества России и стран ЕС в регионе Балтийского моря. Причем степень вовлеченности авторов в конструктивистскую парадигму различна. Если А. М. Карпенко и А. П. Сологуб сознательно используют конструктивизм как главную методологическую рамку для своих исследований¹, то в работах Е. А. Болотниковой и Н. М. Межевича он, скорее, играет вспомогательную роль². Более того, в одной из своих последних работ Н. М. Межевич весьма критически отзывается о конструктивистском подходе, обозначая Восточную Европу как «объективную реальность», хотя и использует в статье конструктивистский вокабуляр³.

Однако не только Балтийский регион стал объектом внимания российских исследователей, работающих в рамках конструктивистского подхода. Различные аспекты взаимоотношений с Германией, основным российским партнером в ЕС, также рассматриваются сквозь призму конструктивизма⁴. Причем темы, затрагиваемые авторами,

¹ Карпенко А. М. Калининград в «Ганзейском» дискурсе «региона Балтийского моря» // Вестник Балтийского федер. ун-та им. И. Канта. — Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2008. — № 6. — С. 88–94; *Его же*. Калининград во внешнеполитическом дискурсе «новых регионов» // Политическая экспертиза: Политэкс. — 2015. — № 4 (4). — С. 107–116; Сологуб А. П. Межправительственное сотрудничество в регионе Балтийского моря: роль международной проектной деятельности в конструировании региона // В мире научных открытий. — 2015. — № 37 (63). — С. 191–211; *Его же*. Международная проектная деятельность как один из механизмов конструирования Балтийского региона // Вестник Волгоградского гос. ун-та. — Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2015. — № 6. — С. 101–110.

² Болотникова Е. Г., Межевич Н. М. Политика «Северного измерения»: состояние и перспективы развития // Балтийский регион. — 2010. — № 4 (6). — С. 115–126; Межевич Н. М. Идентичность и границы: актуальные вопросы теории и реальности восточной части Балтийского региона // Балтийский регион. — 2014. — № 3 (21). — С. 95–106.

³ Межевич Н. М. Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта // Балтийский регион. — 2016. — № 1 (8). — С. 26–47.

⁴ Девятков А. В., Макарычев А. С. Восточная политика Германии: экспертные оценки и политические перспективы // Мировая экономика и международные отношения. — 2012. — № 9 (56). — С. 52–60; Девятков А. В. Прагматизм немецкой Ostpolitik: возможности и вызовы для России // Перспективы. — Электронный журнал. — 2016. — № 2 (6). — С. 45–59.

разнятся от очевидно конструктивистских, как дискурс СМИ¹, до исследования артикуляции геополитических дискурсов, обычно мыслимых российскими исследователями через призму классического реализма².

Собственно самих исследований, рассматривающих взаимоотношения России и Европейского союза на базе конструктивизма, чрезвычайно мало. Безусловно, мы можем здесь упомянуть работы Т. А. Романовой, посвященные как отдельным аспектам сотрудничества, например энергодиалогу³, так и общей схеме взаимодействия между акторами⁴. Однако особое внимание исследователей вызвала программа сотрудничества Российской Федерации и Европейского союза «Партнерство ради модернизации», которая включала в себя не только техническую, но и нормативную составляющую, что потребовало применения конструктивизма, как ключевой современной парадигмы исследования норм⁵.

Таким образом, постепенно конструктивизм завоевывает позиции на российской академической площадке. Авторы начинают признавать необходимость применения данной парадигмы, но в основ-

¹ *Девятков А. В., Шлягина А. А.* СМИ как конфликтный фактор международных отношений (на примере немецких СМИ в период украинского кризиса) // Интеграционные и дезинтеграционные процессы в мировой экономике и политике (Мировое развитие. Вып. 16) / отв. ред. Ю. Д. Квашнин, Н. В. Тоганова. — М.: ИМЭМО РАН, 2016. — С. 181–186.

² *Морозова Н. Н.* Геополитический дискурс во внешней политике России и Германии в 1990-е гг.: попытка сравнения // Метакомпаративистика как интегрирующий подход в гуманитарных науках / науч. ред. В. Г. Зусман, Н. Э. Гронская. — Н. Новгород: Деком, 2014. — С. 137–144.

³ *Романова Т. А.* Россия и ЕС: диалог на разных языках // Россия в глобальной политике. — 2006. — № 6 (4). — С. 79–92.

⁴ *Романова Т. А.* Проблема взаимности в отношениях России и Европейского союза // Вестник СПбУ. — Сер. 6. — 2013. — Вып. 3. — С. 134–141.

⁵ *Девятков А. В., Макарычев А. С.* Модернизация как проблема российско-европейских отношений // Политическая наука. — 2012. — № 2. — С. 73–87; *Романова Т. А., Павлова Е. Б.* Россия и страны Евросоюза: партнерство для модернизации // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — № 8 (57). — С. 54–61; *Их же.* Российская модернизация и Евросоюз / Т. А. Романова, Е. Б. Павлова // Современная Европа. — 2013. — № 1 (53). — С. 45–57; *Семенов А. В.* Столкновение публичных сфер: «режимы обсуждения» отношений Европейского союза и России // Вестник Томского гос. ун-та. — История. — 2012. — № 1 (17). — С. 114–121.

ном для анализа взаимоотношений с Европейским союзом¹. Более того, подчас мы можем увидеть работы хотя и не упоминающие конструктивизм, однако написанные с использованием его основных постулатов².

Наверное, стоит задать себе вопрос: почему конструктивизм так сложно приживается на российских академических просторах? На наш взгляд, это связано прежде всего с серьезными провалами в развитии теории и методологии изучения международных отношений в СССР, а затем как следствие, в Российской Федерации. Очевидно, что данную проблему преодолеть было бы возможно за это время, но этого не произошло, что приводит нас ко второму пункту — восприятию конструктивизма не столько как инструмента познания, сколько как идеологической концепции Запада. Парадоксальные утверждения одновременно о незыблемости российских нормативных трендов и постоянно конструируемых европейских приводит научную мысль к естественному коллапсу. Невозможно оперировать одними и теми же категориями, наполняя их характеристиками по своей собственной прихоти. Именно такой ситуации мы обязаны появлением странных оксюморонов в академическом дискурсе — например, это утверждение, сделанное во время открытия конференции «Европейская идентичность: Россия и Евросоюз» в 2008 году: «Для россиян проблема идентичности всегда была важна. В поисках идентичности главное — придерживаться сурового реализма в оценке себя и окружающего мира»³. (Дальнейший обзор этой конференции уже свидетельствует не только об интересе, но и о растущем понимании такой крайне сложной категории, как идентичность.) Тем не менее факт остается фактом, такие понятия, как «идентичность» иди «дискурс», хоть и стали частью русскоязычных научных дебатов, но скорее как термины, а не как аналитические категории. Именно поэтому периодически появляются работы,

¹ Например, Ланко Д. А. Долженкова Е. Латвия в территориальной системе европейской безопасности // Балтийский регион. — 2015. — № 1 (23). — С. 73–88.

² Например, Громько А. А. Структура соперничества и опыт истории // Современная Европа. — 2016. — № 4 (70). — С. 6–20.

³ Лункин Р. Европейская идентичность: Россия и Евросоюз (международная конференция) // Современная Европа. — 2008. — № 3. — С. 144–147.

где сама теоретическая формулировка задачи сразу ставит под сомнение возможность ее реализации¹.

Таким образом, мы можем резюмировать, что конструктивизм как теоретическая рамка для исследования международных отношений в целом и отношений Европейского союза и Российской Федерации в частности пока находится в стадии становления, и процесс этот крайне сложен и противоречив.

9.

Конструктивизм в зарубежных исследованиях

Западные академические круги активно используют конструктивизм для анализа внешней и внутренней политики как Европейского союза, так и Российской Федерации. Данный подход в отношении ЕС обусловлен главенствующей в западном академическом дискурсе идеей нормативной природы ЕС². Это, в свою очередь, ведет к необходимости использования данной парадигмы при исследовании взаимодействия Российской Федерации и Европейского союза. Более того, применение конструктивизма при анализе взаимоотношений РФ и ЕС уже само по себе стало одной из тем, представленных в западных научных дебатах³.

Ключевой работой, ставшей первичной точкой опоры для при-
ложения конструктивистских категорий при анализе отношений

¹ Берендеев М. В. «Европейская идентичность» сегодня: категория политической практики или дискурса // Балтийский регион. — 2012. — № 6. — С. 70–79.

² Diez T. Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering 'Normative Power Europe' // Millennium: Journal of International Studies, 2005. Vol. 33. No 3. P. 613–636; Manners I. and Diez T. Reflecting on Normative Power Europe // Power in World Politics / F. Berenskoetter and M. J. Williams (ed.). London, New York: Routledge, 2007. P. 173–188.

³ DeBardeleben J. Applying Constructivism to Understanding EU-Russia Relations // International Politics, 2012. Vol. 49. No 4. P. 418–433; Haukkala H. Debating recent theories of EU-Russia interaction. Cooperation and Conflict, 2008. Vol. 43. No 1. P. 109–121; Splidsboel-Hansen F. Russia's relations with the European Union: A constructivist cut // International Politics, 2002. Vol. 39. No 4. P. 399–421.

России и ЕС, является широко известное произведение И. Нойманна «Использование другого: Восток в формировании европейской идентичности»¹. Несмотря на то, что, строго говоря, эта работа не фокусируется на Российской Федерации и Европейском союзе как акторах международных отношений, ссылки на это исследование стали практически обязательной частью конструктивистского анализа по теме Россия — ЕС.

Прежде всего это публикации, затрагивающие взаимоотношения России и ЕС через призму формирования идентификационных дискурсов, и сопутствующее этому процессу нормативное взаимодействие. Так, существует целое направление академических публикаций, исследующих понятие «европейскости» в российском политическом дискурсе². Например, С. Прозоров описывает Россию как субъект, одновременно принадлежащий и исключенный из Европы³, а Б. Румелили и В. Морозов концентрируются на диалогичности взаимодействия идентификационных дискурсов⁴. Позиция России как другого-«угнетенного» рассматривается в более поздних работах Морозова⁵. Изучение идентификационных дискурсов невозможно без обращения к ценностной составляющей современной политики, что также стало предметом анализа ряда работ⁶.

¹ *Neumann I. B. Uses of the Other: 'The East' in European Identity Formation.* Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

² *Hopf T. Social Origins of International Politics. Identities and Foreign Policies,* Moscow, 1955 and 1999. Ithaca and London: Cornell University Press, 2002; *Neumann I. B. Russia and the Idea of Europe. A Study in Identity and International Relations.* London, New York: Routledge, 1996.

³ *Prozorov S. Belonging and Inclusion in European-Russian relations: Alain Badiou and the Truth of Europe // Journal of International Relations and Development,* 2008. Vol. 11. No 2. P. 181–207; *Idem.* In and Out of Europe: Identity Politics in Russian-European Relations // *Identity and Foreign Policy: Baltic-Russian Relations and European Integration / E. Berg and P. Ehin (eds.).* Aldershot: Ashgate, 2009. P. 133–159.

⁴ *Morozov V. and Rumelili B. The External Constitution of European Identity: Russia and Turkey as Europe-Makers // Cooperation and Conflict,* 2012. Vol. 47. No 1. P. 28–48.

⁵ *Morozov V. Russia's Postcolonial Identity: A Subaltern Empire in a Eurocentric World.* Basingstoke: Palgrave, 2015.

⁶ *DeBardleben J. Public attitudes toward EU-Russian relations: Knowledge, values, and interests // The Boundaries of EU Enlargement. Finding a Place for Neighbours.* Houndsmill, New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 70–91.

Теоретические исследования¹ здесь успешно сосуществуют с более прикладными². Ж. ДеБарделебен указывает следующие возможности применения конструктивизма. Прежде всего это изучение конструирования Россией и ЕС своей внешнеполитической идентичности, что ведет нас к новым подходам к анализу конкретных элементов международных отношений. Во-первых, это разъяснение позиций Москвы и Брюсселя в отношении конфликтов на близлежащих территориях. Так, например, популярной темой для научного обсуждения с точки зрения конструктивизма стали конфликты в Чечне³, а позже и в Украине⁴. Поведение России в ходе обоих конфликтов стало предметом серьезной критики со стороны Евросоюза, что вызвало ответную реакцию Кремля и обвинение Брюсселя в двойных стандартах.

Во-вторых, отмечает ДеБарделебен, это конструирование и обновление дискурсивных и институциональных способов взаимодействия. Действительно, анализируя существующие публикации,

¹ *Krastev I.* Russia as the 'other Europe' // *Russia in Global Affairs*, 2007. No 4. (October–December). URL: http://eng.globalaffairs.ru/number/n_9779, accessed 5 December 2011; *Prozorov S.* Understanding Conflict between Russia and the EU: The Limits of Integration. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006; *Walicki A.* A History of Russian Thought: From the Enlightenment to Marxism. Oxford: Clarendon Press, 1980.

² *Averre D.* 'Sovereign Democracy' and Russia's Relations with the European Union // *Demokratizatsiya*, 2007. Vol. 15. No 2. P. 173–190; *Romanova T.* 'The Theory and Practice of Reciprocity in EU-Russian Relations' // K. Engelbrekt and B. Nygren (eds.). *Russia and Europe. Building Bridges, Digging Trenches* (Abingdon and New York: Ashgate 2010). P. 60–80; *Idem.* Russian Challenge to the EU's Normative Power? Change and Continuity // *Europe-Asia Studies*, 2016. No 3. P. 371–390.

³ *Forsberg T., Herd Graeme P.* The EU, Human Rights, and the Russo-Chechen Conflict // *Political Science Quarterly*, 2005. Vol. 120. No 3. P. 455–478; *Francis C.* 'Selective Affinities': The Reactions of the Council of Europe and the European Union to the Second Armed Conflict in Chechnya (1999–2006) // *Europe-Asia Studies*, 2008. Vol. 60, No 2. P. 317–338; *Smith H.* The Russian Federation and the European Union: The Shadow of Chechnya // *Perspectives on EU-Russia Relations* / D. Johnson and P. Robinson (eds.). London, New York: Routledge, 2005. P. 110–127.

⁴ *Averre D.* The Ukraine Conflict: Russia's Challenge to European Security Governance // *Europe-Asia Studies*, 2015. Vol. 68. No 4. P. 699–725; *Haukkala H.* From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination of a Long-Term Crisis in EU-Russia Relations // *Journal of Contemporary European Studies*, 2015. Vol. 23. No 1. P. 25–40.

мы можем выделить ряд подобных исследований. Конструктивизм является основной теоретической рамкой при изучении разработки и пересмотра Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, Европейской политики соседства¹, «Северного измерения»², «Партнерства ради модернизации»³. Во всех случаях исследователи обращали особое внимание на нормативную составляющую в политике как Европейского союза, так и Российской Федерации. Причем, с одной стороны, ключевым пунктом, особенно после расширения ЕС⁴, стала необходимость проанализировать возможности этих программ как с позиций формирования новых географических пространств, так и новых нарративов. С другой стороны, появилась

¹ *Dimitrova B.* Imperial Re-Bordering of Europe: The Case of the European Neighbourhood Policy // *Cambridge Review of International Affairs*, 2012. Vol. 25. No 2. P. 249–267; *Joenniemi P.* Re-Negotiating Europe's Identity: The European Neighbourhood Policy as a Form of Differentiation // *Journal of Borderlands Studies*, 2008. Vol. 23. No 3. P. 83–94; *Zaslavskaya N.* Russia's Perception of the European Neighbourhood Policy: A Constructivist Explanation // S. Gstöhl, S. Schunz (eds). *Theorizing the European Neighbourhood Policy*. Routledge, 2017. P. 83–102; *Kazharski A. and Makarychev A.* Suturing the Neighborhood? Russia and the EU in Conflictual Intersubjectivity // *Problems of Post Communism*, 2015. Vol. 62 No 6. P. 328–339; *Makarychev A.* A New European Disunity: EU-Russia Ruptures and the Crisis in the Common Neighborhood // *Problems of Post-Communism*, 2015. Vol. 62. No 6. P. 313–315; *Tonra B.* Identity construction through the ENP: Borders and boundaries, insiders and outsiders // *The European Neighbourhood Policy in Perspective: Context, Implementation and Impact* / R. G. Whitman and S. Wolff (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2010. P. 51–72.

² *Elsuwege P.* The Northern Dimension: A Format for Pragmatic Cooperation with the EU's Biggest Neighbour // *The European Neighbourhood Policy in a Comparative Perspective: Models, Challenges, Lessons* / S. Gstöhl (ed.). London, New York: Routledge, 2016. P. 92–104.

³ *Modernisation in EU-Russian Relations: Past, Present and Future* / Ed. By David M., Romanova T. (eds.). London: Routledge, 2016; *Flenley P.* The partnership for modernisation: contradictions of the Russian modernisation agenda // *European Politics and Society*, 2015. Vol. 16. No 1. P. 11–28; *Romanova T., Pavlova E.* What Modernisation? The Case of Russian Partnerships for Modernisation with the European Union and its Member States // *Journal of Contemporary European Studies*, 2014. P. 499–517.

⁴ *DeBardleben J.* The impact of EU enlargement on the EU-Russian relationship // In: *A Resurgent Russian and the West: The European Union, NATO, and Beyond* / R. E. Kanet (ed.). Dordrecht, Netherlands: Republic of Letters Publishing, 2009. P. 93–112.

потребность выбрать соответствующую схему анализа, где нормативная линия ЕС, представляемая как приоритетная по отношению к экономическому сотрудничеству, могла бы быть сопоставлена с российскими нормативными утверждениями о приоритете экономического над политическим, что и предопределило обращение к конструктивизму. Важным моментом, на который обращают внимание исследователи, стала неравномерная оценка Москвой деятельности ЕС. Так, ценностная составляющая программы «Северное измерение» не вызывала особых протестов, а «Европейская политика соседства» была отвергнута¹.

Интересным аспектом применения конструктивистского подхода стало исследование энергетического диалога. Стремление Москвы использовать энергетику как ресурс внешней политики вкупе с сепаратизацией энергетических ресурсов, артикулируемой Брюсселем, заставило многих специалистов по энергетике обратиться к конструктивистским категориям². В то же время для конструктивистов, изучающих отношения России и Европейского союза, энергетический диалог как программа стал новым объектом изучения идентификационных дискурсов³.

Неравномерное использование конструктивистской парадигмы западными и российскими исследователями при анализе отношений РФ и ЕС увеличивает количество разрывов в общем научном дискурсе, что ведет ко все меньшему взаимопониманию между

¹ *Averre D.* Russia and the European Union: Convergence or Divergence? // *European Security*, 2005. Vol. 14. No 2. P. 175–202.

² *Aalto P.* The EU-Russian Energy Dialogue and the Future of European Integration: from Economic to Political Normative Narratives // *The EU-Russian Energy Dialogue: Europe's Future Energy Security* / P. Aalto (ed.). Aldershot: Ashgate, 2008, P. 23–42; *Krickovic A.* When Interdependence Produces Conflict: EU-Russia Energy Relations as a Security Dilemma // *Contemporary Security Policy*, 2015. Vol. 36. No 1. P. 3–26; *Romanova T.* The Russian Perspective on the Energy Dialogue // *Journal of Contemporary European Studies*, 2008. Vol. 16. Issue 2. P. 219–230;

³ *Casier T.* The Rise of Energy to the Top of the EU-Russia Agenda: From Interdependence to Dependence // *Geopolitics*, 2011. Vol. 1. No 3. P. 536–552; *Morozov V.* Energy Dialogue and the Future of Russia: Politics and Economics in the Struggle for Europe // *The EU-Russian Energy Dialogue: Europe's Future Energy Security* / P. Aalto (ed.). Aldershot: Ashgate. 2008. P. 43–61.

академическими элитами России и Европейского союза. А ведь именно конструктивизм, как указывает ДеБарделебен, способен направить академический, а затем и официальный дискурс в более позитивное русло¹.

10.

Проблематика европеизации в российских исследованиях

Термин «европеизация» — один из наиболее укоренившихся и одновременно спорных в отечественной науке. Наиболее часто термин ассоциируется с процессами реформ в России, которые запустил Петр Великий в начале XVIII века, они, как известно, были направлены на то, чтобы сделать Россию похожей на Европу путем жестких преобразований, навязанных сверху. В то же время некоторые отечественные исследования демонстрируют, что процесс европеизации в России начался уже в XV веке (с падением Константинополя и получением Москвой статуса Третьего Рима), а может, даже и в IX веке в результате крещения Руси². Историки определяют европеизацию в данном случае как «процесс постоянного, целенаправленного освоения и использования разнообразного западноевропейского опыта в России, что становилось частью ее внутренней жизни, отражалось на международном положении страны»³. Политологи определили этот процесс как «социально-культурное заимствование форм, свойственных западноевропейской жизни и обиходу»⁴.

¹ DeBardeleben J. Applying Constructivism to Understanding EU-Russia Relations // *International Politics*, 2012. Vol. 49. No 4. P. 418–433.

² Талина Г. В. Европеизация Московской Руси // Историческое образование. — 2014. — № 1. — С. 135–159; Черникова Т. В. Процесс европеизации в России во второй половине XV–XVII вв.: дисс. ... докт. ист. наук. — М., 2014. См. также Черникова Т. В. Европеизация России во второй половине XV–XVII вв. — М., 2012.

³ Черникова Т. В. Процесс европеизации в России ... С. 11.

⁴ Громогласова Е. С. Концепция европеизации в зарубежной политологии // Вестник МГУ. — Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2010. — № 4. — С. 28.

Термин «европеизация» также широко представлен в отечественных дискуссиях об образовательных реформах и в ходе их изучения. Это закономерно, поскольку речь шла о принятии в нашей стране основ Болонской системы, о развитии программ обмена студентами и преподавателями. Интересно, однако, что в большинстве этих работ «европеизация» используется либо только в заголовке, либо не подвергается какому-либо определению даже при последовательном употреблении в тексте. Причем контексты работ, а также употребление термина «европеизация» существенно разнятся в этих текстах. Кроме того, в большинстве случаев Евросоюз вообще не анализируется; европеизация понимается, скорее, в историческом ее значении для России¹.

То, что термин «европеизация» существовал в России до того, как он пришел из западной политологии в европейские исследования, т. е. изучение ЕС², сыграло своеобразную злую шутку с отечественными исследователями. Если традиционно они понимали европеизацию как усиление европейских элементов в России, уже принадлежавшей к Старому Свету, в зарубежной традиции в конце XX века утвердилось асимметричное понимание европеизации как ориентации на политику Евросоюза. А это в свою очередь провоцировало восприятие концепта «европеизация» не в теоретическом его смысле, а в русле спора о принадлежности России к Европе, о необходимости и возможности ее возврата в Европу, в т. ч. через признание Евросоюзом.

Для российских исследований европеизации характерен тот же теоретический разрыв, что и в целом для исследований европейской

¹ Кострыгина А. А. Особенности реализации высшего образования на современном этапе развития общества // Наука. Мысль. — 2015. — № 3. — С. 29–39; Ломакина И. С. Европеизация образовательной политики // Педагогика. — 2012. — № 3. — С. 113–120; Молокова Е. Л. Идентификация трансформационных процессов системы высшего профессионального образования в условиях диверсифицированной модели интеграции национальной экономики // ВУЗ XXI век. — 2014. — № 1 (44). — С. 133–142; Намизиова Э. И. Компоненты содержания иноязычной подготовки будущих специалистов гуманитарного профиля в контексте европеизации высшего образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2014. — № 1. — С. 51–55; Трегубова Т. М., Ситдикова Г. Р. Формирование академической мобильности преподавателей в контексте европеизации образования // European Social Science Journal. — 2015. — № 9. — С. 118–123.

² См. главу «Проблематика европеизации в зарубежных исследованиях».

интеграции и отношений России и ЕС. С одной стороны, концепт «европеизация» известен, он широко применяется к самому ЕС и его странам-членам, к его взаимоотношениям с третьими странами. С другой стороны, концептуально эта категория почти не развивается, она также мало применяется к отношениям России и ЕС, которые характеризуются главным образом системно-историческим методом и ориентированы на обобщение эмпирического материала с небольшими практическими рекомендациями.

Среди российских работ по европеизации необходимо отметить прежде всего труды, описывающие данный концепт¹. В них авторы недвусмысленно утверждают, что «...рамки понятийного контекста... употребления [этой категории] очерчены такими терминами, как «наднациональность», «многоуровневое управление», «институционализм», «Европейский союз»... система координат, в которой закреплён термин “europanization”, предельно конкретна и одновременно весьма далека от значений, присущих слову «европеизация» в русском языке... В связи с этим использование термина «европеизация» для изучения новых черт европейской интеграции оправдано только на фоне обширной англоязычной литературы, посвященной анализу «системного эффекта» Евросоюза, т. е. обратного воздействия наднациональной системы управления, созданной в Европе, на национальные политические структуры государств, учредивших ее и вошедших в нее. Только в соотнесении с зарубежной политологической европеистикой термин «европеизация» может быть рабочим и методологически оправданным при анализе различных форм воздействия интеграционной системы на национальные институты и властные отношения»².

Несмотря на то, что автор отмечает и подходы к европеизации, которые заключаются в экспорте норм, практик, правил ЕС за его пределы, она отказывается поддерживать такую трактовку. Если же внешняя европеизация и признавалась, то ее эффективность

¹ Громогласова Е. С. Указ. соч.; Латкина В. А. Феномен европеизации в западноевропейских исследованиях // Международные процессы. — 2013. — Т. 11. — № 1 (32). С. 49–62; Фадеева Т. М. Политика европеизации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. — Серия 5: История. — Реферативный журнал. — 2009. — № 4. — С. 119–126.

² Громогласова Е. С. Указ. соч. С. 28.

характеризовалась «существенно менее убедительной по сравнению с опытом приобщения к европейским правилам и нормам стран-кандидатов из ЦВЕ»¹. Хотя этот тренд имеет и исключение, когда отечественные исследователи предлагают оставить ЕС феномен «евроинтеграции», а «европеизацию» использовать для взаимоотношений ЕС с третьими странами². Тем не менее это скорее исключение, чем правило.

В «европейском» значении концепт «европеизация» пришел в Россию только в конце первого десятилетия нынешнего века, тогда как соответствующие исследования вне России активно велись уже в 1990-е гг.

Российские эксперты тем не менее активно применяли концепцию «европеизации» к исследованию процессов внутри Евросоюза (изучению взаимовлияния наднационального и национального уровней в сферах деятельности, институционального устройства и политического процесса)³, а также его внешней деятельности⁴.

¹ Латкина В. А. Указ. соч. С. 49.

² Шульга М. А. Европеизация: некоторые особенности одного концепта // Век глобализации. — 2015. — № 1. — С. 88–95.

³ Бабынина Л. О. Европеизация иммиграционной политики государств — членов ЕС: особый случай Соединенного Королевства // Миграционные проблемы в Европе и пути их решения / Н. Б. Кондратьева (ред.). — М., 2015. — С. 68–78. Доклады ИЕ РАН № 315; Бетмакаев А. М. Факторы европеизации внешней политики государств — участников Европейского союза // Известия Иркутского гос. ун-та. — Серия: Политология, Религиоведение. — Т. 7. — С. 51–57; Виноградов В. А. Эволюция договорного права Европейского союза: от директив к «общей справочной системе» // Право и управление. XXI век. — 2010. — № 4. — С. 120–129; Дерябина Е. М. Европеизация международного публичного права: основные формы // Вестник Московского гос. обл. ун-та. — Серия: юриспруденция. — 2012. — № 3. — С. 29–33; Кандель П. «Балканизация» Европы vs «Европеизация» Балкан // Россия в глобальной политике. — 2008. — Т. 6. — № 3. — С. 90–100; Прохоренко И. Л. Проблема европеизации национальных политических партий в государствах — членах Европейского союза // Человек. Сообщество. Управление. — 2014. — № 3. — С. 32–40; Тищенко-Стеблинская С. С. Влияние управленческих моделей ЕС на процесс европеизации национальных администраций // Вестник государственного и муниципального управления. — 2013. — № 4. — С. 255–262; Черкасов А. И. Некоторые аспекты европеизации местного управления // Государственная власть и местное самоуправление. — 2016. — № 2. — С. 20–24.

⁴ Корниенко Т. А. Европеизация как нормативно-политический контекст турецкой модернизации // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2013. — № 5 (21). — С. 140–145; Латкина В. А. Политика

«Европеизация» в зарубежном понимании этого термина использовалась и в русскоязычной литературе для анализа политики Евросоюза в регионе «общего соседства»¹.

В то же время отношения России и ЕС редко брались для тестирования концепции европеизации отечественными авторами. Очевидно, это отражает не только невнимание в отечественной литературе к теоретическим построениям, но и то, что проецирование норм, правил и практик Евросоюза наталкивается на сопротивление нашей страны, вне зависимости от того, кто находится у руля власти. В тех же работах, которые используют концепцию европеизации, довольно быстро заключается, что Россия не может быть частью процесса европеизации, поскольку это противоречит дискурсу ее элит, подрывает суверенитет, как он понимается в нашей стране, а также рассматривается в целом Москвой как вариант неоимпериализма².

В то же время любопытны случаи, когда европеизация рассматривается как возможное развитие событий в отношениях России и Евросоюза. Во всех случаях это не подразумевает глобальной реформы управления и регулирования экономической и социальной сфер жизни. Скорее, речь идет об отдельных, узких сферах. Например, В. Новиков говорит о частичной европеизации в сфере экономического

Европейского союза в Средиземноморье в контексте «арабской весны» // Вестник МГИМО-У. — 2014. — № 2 (35). — С. 139–149; *Польвянный Д.* «Бalkanизация» и «Европеизация» на Юго-Востоке Европы // Современная Европа. — 2015. — № 5 (65). — С. 36–47.

¹ *Болгова И.* Кризис Восточной политики ЕС // Вестник МГИМО-У. — 2014. — № 4 (37). — С. 133–138; *Девятков А. В.* Перспективы урегулирования Приднестровского конфликта // Вестник Евразии. — 2006. — № 2. — С. 134–153; *Его же.* Молдова на перекрестке отношений России и ЕС // Актуальные проблемы Европы. — 2011. — № 3. — С. 187–202; *Его же.* Перед вызовом европеизации: политика России в Приднестровском урегулировании (1992–2012 гг.). — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012; *Климович А. И., Широканова А. А.* Беларусь и ЕС: европеизация или регионализация // Современная Европа. — 2011. — № 3. — С. 32–45; *Стрелков А. А.* Тихая европеизация постсоветского пространства // Мировая экономика и международные отношения. — 2010. — № 12. — С. 48–58; *Его же.* Политика Европейского союза в постсоветском регионе // Актуальные проблемы Европы. — 2011. — № 2. — С. 9–38.

² *Медведев С.* Дискурсы отчуждения: «суверенитет» и «европеизация» в отношениях России и ЕС // Мировая экономика и международные отношения. — 2008. — № 10. — С. 23–33.

сотрудничества¹. Т. Бордачев в поиске теоретической концепции для отношений России и ЕС в середине первого десятилетия нынешнего века писал о возможности селективной европеизации². Наконец, П. Калининченко исследовал европеизацию российского права³. Эти работы, однако, были скорее исключением для отечественных дискуссий, нежели правилом. Более того, с началом современной острой фазы отношений России и ЕС/Запада в 2014 г. применение концепции европеизации вообще исчезло с радаров отечественных специалистов.

11.

Проблематика европеизации в зарубежных исследованиях

Термин «европеизация» в самом общем виде в современной западной политологии используется для анализа влияния Евросоюза (как его институтов, так и участия стран в нем) на страны-члены. Такая трактовка опирается на монополизацию концепта «Европа» Евросоюзом (что не может не оспариваться в России как в общественно-политической, так и в научной сфере). Процессы, которые запускает Евросоюз, уместнее было бы назвать «ЕСизация» (EUization), однако в зарубежной литературе с 1990-х гг. укрепился термин «европеизация». Это нередко ведет к некоторой двусмысленности в отечественных исследованиях⁴.

¹ Новиков В. Общее европейское пространство: пространство выбора или выбор пространства // Общее европейское экономическое пространство. Перспективы взаимоотношений России и ЕС. — М.: Дело, 2002. — С. 499–511.

² Бордачев Т. В. Россия и Евросоюз: проблема европеизации // Современная Европа. — 2006. — № 4. — С. 120–129; *Его же*. Пределы европеизации. Россия и Европейский союз 1991–2007. Теория и практика отношений. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007.

³ Калининченко П. А. Европеизация российской судебной практики (на примере влияния права Европейского союза на решения российских судов) // *Lex Russica*. — 2013. — Т. ХСV. — № 11. — С. 1224–1234.

⁴ См. главу «Проблематика европеизации в отечественных исследованиях».

Общая теория европеизации не сложилась, несмотря на то, что этот концепт активно разрабатывается с 1990-х годов. Он объединяет разнообразные подходы. Это может быть анализ процессов на уровне ЕС (помещение туда национальных практик как общих для всех), влияние ЕС на страны-члены, эффект горизонтального обмена стран-членов практиками и нормами (особенно в процессе открытого метода координации), взаимовлияние между странами-членами и наднациональным уровнем. При этом логика европеизации может быть и рациональной (распространение четких правил и норм), и конструктивистской (распространение определенных дискурсов). Экспортироваться могут удобные для ЕС и одобряемые им политики (нормы и цели, политические инструменты и стили, стандарты, ресурсы, организационные структуры, сети акторов), институты (отношения правительства и парламента, административные структуры, межгосударственные отношения и т. п.), процессы управления (партии и электоральная политика, представительство интересов, паттерны оспаривания политики, общественное мнение). Иными словами, европеизации подвержены все аспекты того, что в русском языке называется «политика», т. е. *policies*, *polity* и *politics*.

Д. Олсен¹ выделяет пять способов употребления термина «европеизация»:

- изменения во внешних границах ЕС (распространение политики, правил, институтов и ценностей в новых членах);
- развитие институтов на уровне ЕС (наднациональное управление);
- центральное влияние на национальные системы управления;
- экспорт форм политической организации;
- проект политического объединения.

Концепция «европеизация» возникла как элемент изучения внутренних процессов в ЕС, как форма, промежуточная между теорией международных отношений и политологией (как, впрочем и теория интеграции в целом). Однако очень скоро этот инструмент стал применяться и к третьим странам, т. е. аутсайдерам Евросоюза. Вначале это были страны-кандидаты, положение которых предполагало изменения всего политического и экономического устройства. Затем

¹ *Olsen J. P. The Many Faces of Europeanization // Journal of Common Market Studies, 2002. Vol. 40. No 5. P. 921–952.*

привлекли внимание Швейцария и Норвегия, которые в силу связанности своей экономики с ЕС де-факто копируют практики и регулирование ЕС, не являясь его членами (для двух стран характерны, правда, отличные модели выстраивания отношений с Брюсселем). Наконец, дело дошло и до стран-соседей. При этом если кандидаты, а также Швейцария и Норвегия чаще всего позиционировались как случаи удачной европеизации, то в странах-соседах уже складывается более сложная картина. Исследователи не раз подчеркивали, что рациональная (или «тонкая», в терминах Ф. Шлиммелфеннига¹) европеизация не характерна для них из-за отсутствия материального стимулирования, понятной выгоды, а плотная европеизация (как результат социализации с ЕС) занимает продолжительное время.

Еще меньше иллюзий существовало в отношении России и ее позиционирования визи-а ЕС. Работ относительно европеизации нашей страны (в том, как это понимается в современной западной политической науке, т. е. ЕСизации) немного. Как правило, делается вывод, что европеизация конфликтует с дискурсом российской политической элиты относительно страны (это сопротивление дискурсу европеизации подробно и весьма любопытно анализировал П. Крадохвил), бросает вызов российскому пониманию суверенитета, а также рассматривается как неоимпериалистическая практика Запада².

Существует, однако, небольшое количество работ, которые признают возможность частичной европеизации России или отдельных сфер ее деятельности. Например, Г. Мелони предлагает использовать концепцию европеизации для анализа стратегии России по реформе конкурентного законодательства, права, регулирующей деятельность компаний, защиты прав потребителя³. Т. Романова

¹ *Schimmelfennig F.* Europeanization beyond Europe // *Living Reviews in European Governance*, 2015. Vol. 10. No 1. URL: <http://europeangovernance-livingreviews.org/Articles/ireg-2015-1/doi:10.14629/ireg-2015-1> (проверено 14 декабря 2016).

² *Kratochvíl P.* The Discursive Resistance to EU-Enticement: The Russian Elite and (the Lack of) Europeanisation // *Europe-Asia Studies*, 2008. Vol. 60. No 3. P. 397–422; *Torbakov I.* The European union, Russia, and the 'In-between Europe': Managing Interdependence // *The European Union neighbourhood: challenges and opportunities* / Т. Cierco (ed.). Farnham; Burlington, VT: Ashgate, 2013; *Schimmelfennig F.* 2015. Op. cit.

³ *Meloni G.* Convergence, best-practice and Europeanization: a valuable way to rethink EU-Russian relations? Rome: ISPI, October 2008. ISPI Working Papers.

демонстрировала отдельные примеры европеизации энергетического регулирования, в т. ч. в рамках энергетического диалога России и ЕС¹. П. Калининченко совместно с Р. Петровым демонстрировали любопытные случаи европеизации правовой культуры и правовой системы России, в т. ч. модификацию некоторых актов². Концепция европеизации нередко возникала при анализе практик трансграничного взаимодействия России и ЕС, регионального сотрудничества, особенно в контексте «Северного измерения», а также кооперации в регионе Балтийского моря в целом и по Калининграду в частности³. Наконец, с селективной и неглубокой европеизацией (в т. ч. в администрировании и технических стандартах) соглашались и исследователи сотрудничества России и ЕС в целом⁴.

Т. Романова, анализируя как отечественные и зарубежные работы по европеизации, так и практику России, в 2017 г. предположила, что Москва соглашается только с инструментальной европеизацией,

Issue 33; *Idem.* Russia: a case for revising the concept of Europeanisation // Adapting to European integration: Kaliningrad, Russia and the European Union / S. Gänzle, G. Müntel, E. Vinokurov (eds). Manchester: Manchester University Press, 2008. P. 39–57.

¹ *Romanova T.* Legal Approximation in Energy: A New Approach for the European Union and Russia // Dynamics of Energy Governance in Europe and Russia / C. Kuzemko, M. Keating, A. Goldthau, A. Belyi (eds.). Palgrave, 2012. P. 23–44; *Idem.* Russian energy in the EU market: Bolstered institutions and their effects // Energy Policy. 2014. Vol. 74. November. P. 44–53.

² *Petrov R., Kalinichenko P.* The Europeanisation of third country judiciaries through the application of the EU *acquis*: the cases of Russia and Ukraine // International and Comparative Law Quarterly International and Comparative Law Quarterly, 2011. Vol. 60. No 2. P. 325–353.

³ *Gänzle S. and Müntel G.* Europeanization ‘Beyond’ Europe? EU Impact on Domestic Policies in the Russian Enclave of Kaliningrad // Journal of Baltic Studies, 2011. Vol. 42. No 1. P. 57–79; *Obydenkova A.* Democratization, Europeanization and Regionalization beyond the European Union: Search for Empirical // Evidence European Integration online Papers (EIoP). 2006. Vol. 10. No 1. URL: <http://eiop.or.at/eiop/texte/2006-001a.htm> (проверено 14 декабря 2016); *Yarovoy G.* Europeanization of a Russian Region: Republic of Karelia on the Way to New Regionalism? Working Papers. 2010. WP 2010-06. Centre for German and European Studies (CGES) Bielefeld / St. Petersburg.

⁴ *Vysotskaya Guedes Vieira A.* The Many patterns of Europeanization: European Union Relations with Russia, Ukraine and Belarus // The European Union neighbourhood: challenges and opportunities / T. Cierco (ed.). Farnham; Burlington, VT: Ashgate, 2013. P. 57–82.

которая привычна для России в силу ее исторического опыта. В то же время Москва сопротивляется нормативной европеизации, которая закрепила бы верховенство ЕС, Брюссель как центр управления в Старом Свете, а также предполагала бы коренные изменения в политической, правовой, социальной сферах жизни, т. е. тотальную ориентацию на нормативные и ценностные параметры Евросоюза¹.

Наконец, Россия активно присутствует в работах по европеизации региона «общего соседства», но не в качестве реципиента европеизации, а как актер, который препятствует ЕСизации стран, расположенных между ЕС и Россией, а также в Закавказье². Россия тут предстает актором, который делает европеизацию, центр которой в Брюсселе, более «дорогой» и затратной для стран региона «общего соседства»³. Повышение издержек может принимать форму увеличения стоимости природного газа, проблем с экспортом тех или иных товаров на российский рынок (из-за новых барьеров, в т. ч. фитосанитарного характера) или с импортом нефти и природного газа (например, по причинам технического или природоохранного характера). С другой стороны, это может также и стимулировать европеизацию стран «общего соседства», поскольку действия России ведут к тому, что европеизация определяется как «правительственный стратегический выбор между Россией и ЕС», а не просто как реформы политического

¹ *Romanova T.* Europeanisation and Russia // *Europeanisation of Neighbourhood*. Manchester: Manchester University Press, 2017 (Forthcoming).

² *Casier T.* The EU's two-track approach to democracy promotion: the case of Ukraine // *Democracy Promotion in the EU's Neighbourhood: From Leverage to Governance?* / S. Lavenex and F. Schimmelfennig (eds.). Routledge, 2013. P. 72–93; *Idem.* National Level: How the EU and Russia Manage Their Unintended Impact on Their Common Neighbours // A. Obydenkova and A. Libman (eds.). *Autocratic and Democratic External Influences in Post-Soviet Eurasia*. Ashgate, 2015. P. 89–108; CEPS. *Europeanization and Conflict Resolution: Case Studies from the European Periphery*. Brussels: Academy Press, 2004; *Hagemann C.* External governance on the terms of the partner? The EU, Russia and the Republic of Moldova in the European Neighbourhood Policy // *Journal of European Integration*, 2013. Vol. 35. No 7. P. 767–83.

³ *Ademmer E.* Interdependence and EU-demanded policy change in a shared neighbourhood // *Journal of European Public Policy*, 2015. Vol. 22. No 5. P. 671–689; *Idem.* Russia's Impact on EU Policy Transfer to the Post-Soviet Space: The Contested Neighbourhood. Abington, New York: Routledge, 2017; *Hagemann C.* *Op. cit.*

и экономического характера¹. В результате в тех случаях, когда европеизация спорна для этих стран, а выгоды неочевидны, она получает новую легитимацию и, следовательно, большие шансы на успешную реализацию.

В то же время некоторые зарубежные исследователи отмечают, что Россия не является гомогенным актором не только во внутренней, но и во внешней политике. В частности, некоторые игроки (прежде всего — бизнес) поддерживают европеизацию региона «соседства», поскольку это гарантирует большую предсказуемость в политико-правовом регулировании², потенциально — новый интересный канал выхода на рынок ЕС, а также возможность протестировать некоторые положения европейского права в рамках системы, которая похожа на российскую, эволюционирует от той же исходной точки.

Наконец, в действиях России в отношении европеизации в регионе «соседства» также можно идентифицировать и стратегию согласованной технической ЕСизации. Иными словами, Москва не против того, чтобы в ряде сфер были приняты правила и нормы ЕС (как хорошо продуманные и соответствующие современным реалиям), но это не должно быть масштабной реформой политико-правового устройства, т. е. нормативной ЕСизацией. Кроме того, важным для Москвы условием является согласованное продвижение по пути ЕСизации стран «общего соседства», например, в рамках Евразийского экономического союза³, а не дифференцированное, без сохранения связей с Россией или развивающееся в оппозицию ей.

Если применение концепта «европеизация» в зарубежной литературе к собственно России почти исчезло после событий 2014 г., то воздействие Москвы на европеизацию региона «общего соседства», напротив, привлекало все больший интерес исследователей и экспертов.

¹ Schimmelfennig, F. Europeanization beyond Europe // Living Reviews in European Governance. 2015. Vol. 10. No. 1. URL: <http://europeangovernance-livingreviews.org/Articles/lreg-2015-1/> doi:10.14629/lreg-2015-1 (проверено 14 декабря 2016). См. также Tolstrup J. Russia vs the EU. The Competition for Influence in Post-Soviet States. First Forum Press, Boulder; London, 2014.

² Langbein J. Unpacking the Russian and EU Impact on Policy Change in the Eastern Neighbourhood: The Case of Ukraine's Telecommunications and Food Safety // Europe-Asia-Studies, 2013. Vol. 65. No 4. P. 631–657.

³ Romanova T. Europeanisation and Russia...

12.

Проблематика «нормативной силы» в российских исследованиях

Проблематика «нормативной силы Европы» (НСЕ, где под Европой подразумевается главным образом Евросоюз) пришла в отечественные исследования с некоторым запозданием. В ЕС импульсом стала статья Я. Маннерса 2002 г.¹, с этого началось формирование данной группы исследований. В Россию же этот тезис пришел почти с пятилетним опозданием.

Для подхода НСЕ в России был характерен тот же теоретический разрыв, что и в целом для европейских исследований и изучения отношений России и Евросоюза. С одной стороны, исследователи бурно обсуждали теоретические разработки в области «нормативной силы Европы» применительно собственно к ЕС, с другой — медлили с применением этой концептуальной парадигмы к отношениям России и Евросоюза, а также не развивали ее теоретически ни в применении к ЕС, ни в применении к отношениям России и ЕС. Когда же она обсуждалась в отечественной литературе, то нередко это сводилось к эмпирическим размышлениям о том, почему ЕС нельзя признать нормативным лидером в отношении России.

К первой группе необходимо отнести работы Е. Е. Мухиной², Л. О. Игумновой³, Т. А. Романовой⁴, Е. В. Саворской⁵. В них ученые

¹ См. главу «Проблематика «нормативной силы» в зарубежных исследованиях».

² Мухина Е. Е. Нормативная сила Европейского союза // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. — Серия Международные отношения. Политология. Регионоведение. — 2008. — № 4. — С. 164–170.

³ Игумнова Л. О. Цели и мотивы Европейского союза как антрепренера норм // Вестник Томского гос. ун-та. — Серия История. — 2012. — № 1 (17). — С. 80–88; *Ее же*. Метод моделирования и имитации во внешней политике ЕС // Вестник Кемеровского гос. ун-та. — 2015. — № 3 (63). — Т. 2. — С. 184–189.

⁴ Романова Т. А. Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения // Вестник СПбУ. — Серия 6. Философия, культурология, политология, право, международные отношения. — 2011. — № 2. — С. 52–66.

⁵ Саворская Е. В. Сущность концепции «нормативная сила» Европейского союза // Балтийский регион. — 2015. — № 4 (26). — С. 90–104.

типологизировали цели Евросоюза, конкретизировали продвигаемые им ценности, рассматривали исторические предпосылки НСЕ, а также то, как это помогает Евросоюзу спроецировать свое понимание нормального за пределы своих границ. При этом в большинстве случаев это был пересказ западных работ с минимумом инноваций. Более того, российские авторы предпочитали исторический подход, дополняя его небольшими элементами конструктивистской методологии (см., например работы Л. О. Игумновой¹).

Попытки очертить грань между «нормативной силой» и «мягкой силой» были до последнего времени отрывочны². Существенное изменение в эту тенденцию внесли только в 2017 г. Е. Б. Павлова и Т. А. Романова, отметившие, что две концепции различаются по тому, 1) насколько они применимы в качестве инструмента внешней политики и сознательного манипулирования другим, 2) как велика дистанция между агентом и реципиентом силы и 3) существует ли закат для «нормативной силы» и «мягкой силы»³. Эта последняя работа примечательна как остающимся редким в отечественной науке применением конструктивизма, так и тем, что она не пересказывает концепцию НСЕ, а делает попытку продвинуть прежде всего ее теоретическое осмысление.

Ко второй группе исследований нужно отнести работы, собственно применявшие концепцию «нормативной силы Европы» к отношениям России и Евросоюза. И тут, за редким исключением, работы оставались скорее описательными, ориентированными на осмысление богатого эмпирического материала, нежели на теоретизирование.

Начало этим работам было положено еще на пороге нынешнего тысячелетия, когда среди отечественных экспертов возник спор не столько о «нормативной силе Европы», сколько дебаты о нормах и интересах. Д. А. Данилов тогда писал, что проблема несовпадающих ценностей остается ключевой для Европы (но не для России, поскольку Москва считает это либо «неоправданной помехой отношениям», либо «несоответствующим действительности», либо «вполне естественным следствием культурно-исторических различий

¹ Игумнова Л. О. Указ. соч.

² Романова Т. А. Указ. соч.; Саворская Е. В. Указ. соч.

³ Павлова Е. Б. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС / Е. Б. Павлова, Т. А. Романова // Полис. — 2017. — № 1. — С. 162–176.

и специфики»¹). Однако он также отмечал, что и политика ЕС все больше отталкивается от интересов, а не от ценностей, поскольку именно ценности наиболее общий для всех стран — членов ЕС фундамент, соответствующий к тому же чаяниям крупнейших государств Союза и бизнеса. В целом, однако, Д. А. Данилов справедливо считал, что противоречие между ценностями и интересами будет долго определять отношения России и ЕС, провоцируя в них неразрешимые проблемы². А М. Л. Энтин в духе юридических (и, следовательно, зачастую прикладных) исследований отметил, что «суть расхождений между Западом и Россией лежит не в плоскости общих ценностей, а в принципиальной разнице в их нормативном воплощении»³.

Скорее, к эмпирическим, хотя и с элементами конструктивизма в описании самовосприятия России, надо причислить и работу Т. А. Романовой, в которой она анализировала и обобщала причины того, что НСЕ вызывает отторжение у Москвы. С концептуальной точки зрения автор отмечала 1) отказ России признать универсальность интерпретации норм, которую предоставляет Евросоюз, 2) разногласия в трактовке норм, 3) несогласие с тем, что ЕС может действовать, исходя сугубо из норм и ценностей, а не из интересов и наконец 4) попытки ЕС в ущерб идентичности России навязать свое понимание Европы и ее границ. Т. А. Романова также отмечала 1) непоследовательность ЕС в защите ценностей, 2) произвольность в выборе защищаемых норм, 3) разногласия между различными структурами ЕС, а также 4) стремление некоторых новых государств использовать НСЕ для европеизации двухсторонних споров с Россией⁴.

Чуть позднее Л. О. Игумнова обобщила критику российских политиков и экспертов в отношении НСЕ, предложив разделить ее на

¹ Данилов Д. А. Новая «Восточная политика» ЕС: ценности или интересы // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. — 2006. — № 19. — С. 4.

² См. также Данилов Д. А. Общее пространство внешней безопасности России и ЕС: амбиции и реальность // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 2. — С. 35–47; Заславская Н. Г. European Union's Policy towards Russia: Projecting Democracy? // Reflecting on a wider Europe and beyond: norms, rights and interests. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press, 2007.

³ Энтин М. Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский союз в 2004–2005 годах. — СПб.: Россия-Нева, 2006.

⁴ Романова Т. А. Указ. соч.

«дискурс, основанный на политическом реализме» и «подход, ссылающийся на моральные ценности»¹ Тем не менее она не выдержала далее свою интересную теоретическую классификацию, лишь перечислив среди российских подходов к критике: обвинения Брюсселя в нелегитимности нормативной политики, в двойных стандартах и в бюрократическом империализме, критику евроцентризма/универсализма и непоследовательности, а также секьюритизированный подход². Таким образом, попытка теоретического осмысления российской критики осталась незаконченной, что, безусловно, вызывает сожаления. Еще одна проблема данного исследования — отказ признать беспристрастность экспертов/теоретиков, олицетворение их с той позицией, которую они пытаются объяснить. Однако неоспоримой заслугой автора является обобщение всего разнородного массива российской критики, причем со стороны и практиков, и экспертного сообщества, и теоретиков.

Перу Л. О. Игумновой также принадлежит еще одна работа, где она не только объясняет сущность концепции «нормативной силы» Европы, но и пытается выделить ее инструменты в России: юридически обязательные документы, принцип политической условности, диалог с гражданским обществом, программы технического содействия. Обобщая различные практики, она отмечает, что в диалоге с Россией (как, впрочем, и с другими акторами) ЕС предпочитает использовать позитивные меры, поощрение, а не наказание³. В работе, однако, сквозит сожаление о неготовности России следовать в фарватере норм ЕС. В опубликованной практически параллельно работе Т. А. Романова и Е. Б. Павлова опровергают тезис о том, что ЕС ориентирован только на ценности, а Россия — на интересы. Напротив, они демонстрируют, что и для Брюсселя, и для Москвы характерны и интересы, и ценности, поскольку интерес базируется на ценностях, и без последних не может сформироваться⁴. Развивая свою

¹ *Игумнова Л. О. Критика нормативной силы Европы в России // Известия Иркутского гос. ун-та. — Серия Политология. Религиоведение. — 2014. — Т. 7. — С. 122–133.*

² Там же.

³ *Игумнова Л. О. Нормативные аспекты отношений России и ЕС // Россия и Европейский союз: учеб. пособие / под ред. С. М. Юна. — Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2014. — С. 52–70.*

⁴ *Павлова Е. Идеиное соперничество или «треш-дискурс»? / Е. Павлова, Т. Романова // Россия в глобальной политике. — 2014. — № 3. — С. 50–59.*

мысль, авторы упрекают многих отечественных и зарубежных экспертов в треш-дискурсе, поскольку они олицетворяют ценности только с ЕС, а интересы — по большей части с Россией, а своей задачей часто видят не объективный анализ, а защиту той или иной позиции. Это ведет к кризису теоретического осмысления, т. к. ставится задача доказать правильность «своей» стороны, а не критически осмыслить различные аргументы.

Наконец, последним развитием в отечественной дискуссии о «нормативной силе» стала статья Е. Б. Павловой и Т. А. Романовой, в которой они разделяют концепции «нормативной силы» и «мягкой силы», анализируя отношения России и ЕС через эту призму. В частности, они демонстрируют, что Брюссель в отношениях с Москвой эволюционировал от «нормативной силы» к «мягкой силе». Авторы также демонстрируют, почему Россия не может стать «нормативной силой», хотя это и необходимо в современном мире, но при этом активно (и успешно) развивает «мягкую силу»¹. Таким образом, можно говорить о том, что авторы делают и на этом фронте попытку уйти от чисто эмпирических исследований в сторону развития теоретических положений концепции «нормативной силы» на примере отношений России и ЕС.

13.

Проблематика «нормативной силы» в зарубежных исследованиях

Специфика Европейского союза (и его предшественника — европейских сообществ) привлекала внимание специалистов достаточно давно. В 1970-е гг. появилась первая концептуальная схема ее осмысления. Ф. Дюшен предложил рассматривать сообщества как «гражданскую силу», т. е. игрока, который не имеет всех атрибутов государства (в особенности военной силы), но при этом оказывает серьезное влияние на международные отношения и на своих партнеров². Чуть

¹ Павлова Е. Б., Романова Т. А. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС...

² *Duchêne F. Europe's Role in World Peace // Europe Tomorrow. 16 Europeans Look Ahead / Ed. By Hayne R. Fontane. London, 1972. P. 32–37.*

позднее Дж. Най причислил европейские сообщества к т. н. «мягкой силе», т. е. к игрокам, которые используют иные методы (экономическое сотрудничество, гуманитарная помощь и т. п.), а не силовое принуждение для достижения своих целей в мире¹.

Автор концепции «нормативная сила Европы» (НСЕ, под Европой подразумевается Евросоюз) Я. Маннерс отметил, что квинтэссенция влияния Евросоюза не столько в «мягкой силе» — в том, как понимали это Ф. Дюшен или Дж. Най, — сколько во власти над мировоззрением, миропониманием, взглядами на текущие процессы, в его способности определять, «что является нормальным»². В концепции НСЕ речь идет о том, как ЕС участвует в *ценностной конкуренции* и как это влияет на его положение в мире. По сути, Евросоюз способствовал интенсификации ценностной конкуренции в современном мире. При этом он использует не столько материальные стимулы или реалистичные интересы, сколько «нормативное оправдание»³.

От Ф. Дюшена и до Я. Маннерса все исследователи сходятся также и в том, что по характеру влияния на окружающий мир «гражданская сила» / «мягкая сила» / «постсовременная система» / «нормативная сила» является долгосрочной. Ни экономическое влияние, ни нормативное воздействие не дают мгновенных результатов. Они требуют продолжительного воздействия, однако и результаты, которые они несут, также оказываются более устойчивыми и стабильными по сравнению с тем, что достигается, например, военным вмешательством или силовым давлением. Это своеобразное формирование среды для последующих политико-правовых решений и выработки инструментария для его конкретного воплощения.

Со времени своего появления концепция НСЕ породила немало теоретических споров. О том, насколько она важна ЕС для роли в мире, а насколько — для самоидентификации, для построения собственной идентичности. О важности и нормативных целей, и нормативных

¹ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, 2004.

² *Manners I. Normative Power Europe: A contradiction in terms // Journal of Common Market Studies*, 2002. Vol. 20. No 2. P. 253.

³ *Manners I. The Concept of Normative Power in World Politics*. Copenhagen: DIIS Brief. May 2009. 5. P. 2. URL: http://www.diis.dk/graphics/Publications/Briefs2009/B09_maj_Concept_Normative_Power_World_Politics.pdf (проверено 14.06.2010).

инструментов. О том, насколько сам Евросоюз соответствует логике НСЕ и имеет право диктовать свои нормы. Наконец, о важности внешнего восприятия как конституирующего НСЕ и важности другого для самой НСЕ, построения ее идентичности. Именно в этом последнем блоке и затрагивается нередко проблематика отношений Евросоюза с Россией (а также с многими другими внешними партнерами). Иными словами, эта первая группа исследований интересуется не собственно двухсторонними связями, а тестированием различных теоретических гипотез по концепту НСЕ на примере отношений России и Евросоюза.

В частности, исследователи анализировали, как НСЕ воспринимается в России, сравнивали это с аналогичными параметрами в Китае, Индии¹. Другим вариантом подхода к этой проблематике был анализ альтернатив, которые предлагали партнеры Евросоюза для различных параметров нормативного лидерства ЕС, прежде всего — субстантивных альтернатив². Наконец, пристально анализировалось, как наличие России как другого помогает ЕС конструировать себя³.

¹ *Bengtsson R.* The EU as a security policy actor: Russian and US perceptions. Stockholm: Swedish Institute of International Affairs, 2004; *Chaban N., Bain J., Kelly S.* En'vision'ing Europe's crisis: Intertextuality in news coverage of the Eurozone crisis in Chinese, Indian and Russian press // *Journal of International Communication*, 2014. Vol. 20. No 1. P. 1–20; *Chaban N., Elgströmb O.* The Role of the EU in an Emerging New World Order in the Eyes of the Chinese, Indian and Russian Press // *Journal of European Integration*, 2014. Vol. 36. No 2. P. 170–188; *Morini M., Peruzzi R., Poletti A.* Eastern Giants. The EU in the Eyes of Russia and China // *External Perceptions of the European Union as a Global Actor* / S. Lucarelli, L. Fioramonti (eds.). Routledge, 2009. P. 32–51; *Values and Principles in European Union Foreign Policy* / S. Lucarelli, I. Manners (eds.). Routledge: Taylor & Francis, 2006.

² *Keukeleire S., Hooijmaaijers B.* The BRICS and Other Emerging Power Alliances and Multilateral Organizations in the Asia-Pacific and the Global South: Challenges for the European Union and Its View on Multilateralism // *Journal of Common Market Studies*, 2014. Vol. 52. No 3. P. 582–599; *Who is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and its Global Partners? The European Union and its Global Partners* / N. Tocci (ed.). Brussels: CEPS Paperback Series (CEPS Paperback Series), 2008. No 3.

³ *Morozov V. and Rumelili B.* The external constitution of European identity: Russia and Turkey as Europe-makers // *Cooperation and Conflict*, 2012. March. Vol. 47. No 1. P. 28–48.

Важной отправной точкой для исследователей НСЕ тут служили ставшие уже классическими работы И. Нойманна¹.

Отношения России и Евросоюза также нередко использовались (наравне с диалогом со Средиземноморьем и различными его странами, соседями, странами Азии) для выделения способов, которыми оспаривалось нормативное лидерство ЕС в мире. В частности, Т. Романова выделила три подхода к критике НСЕ со стороны аутсайдеров, где в той или иной степени затрагивается и пример отношений России и ЕС². Первый — выявление случаев, когда ЕС делал приоритетом интересы, а не нормы³ или использовал нормы для продвижения коммерческих и геополитических интересов, создавал нормы на основе интересов⁴. К этой же группе относятся и случаи, когда интересы стран-членов явно противоречили нормативному лидерству ЕС⁵. Второй — ставил вопрос о том, соответствует ли нормативной логике сам ЕС, который ее продвигает⁶. Здесь особенно хорошо была

¹ *Neumann I. B. The Geopolitics of delineating “Russia” and “Europe”: The Creation of the “Other” in European and Russian Tradition // Geopolitical Shifts in post-Wall Europe / O. Tunanda (ed.). London: Sage, 1997; Idem. Russia as Europe’s Other. San Domenico: European University Institute, 1996.*

² *Romanova T. Russian Challenge to the EU’s Normative Power? Change and Continuity // Europe-Asia Studies, 2016. No 3. P. 371–390.*

³ *Romanova T. Russian Challenge to the EU’s Normative Power?..; Idem. Normative Power Europe: A Russian View // A. Gerrits (ed.). Normative Power Europe in a Changing World: A Discussion. Clingendael: Netherlands Institute for International Relations, 2009. P. 51–66; Young R. Normative Dynamics and Strategic Interests in the EU’s External Identity // Journal of Common Market Studies, 2004. Vol. 42. No 2. P. 415–435.*

⁴ *Casier T. The EU-Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument // Europe-Asia Studies, 2013. Vol. 65. No 7. P. 1377–1395; Flynn G. and Farrell H. Piecing Together the Democratic Peace: The CSCE, Norms, and the “Construction” of Security in Post-Cold War Europe // International Organization, 1999. Vol. 53. No 3. P. 505–535; Youngs R. 2014. Op. cit.*

⁵ *Timmins G. Bilateral Relations in the Russia-EU Relationship: The British View // Smith H. (ed.). Two Levels of Cooperation: Russia, the EU, Great Britain and Finland. Helsinki, Kikimora, 2006. P. 49–65.*

⁶ *Guliyeva G. Ost in Transition: Russian-speaking non-citizens in Latvia and the protection of minority rights in the European Union // European Law Review, Dec 2008. Vol. 33. No 6. P. 843–869; Fawn R. ‘Bashing about Rights’? Russia and the ‘New’ EU States on Human Rights and Democracy Promotion’ // Europe-Asia Studies, 2009. Vol. 61. No 10. P. 1777–1803; Romanova T. Russian Challenge to the EU’s Normative Power?..; Who is a Normative Foreign Policy Actor? The European*

представлена проблематика русскоязычного населения в странах Балтии. Тут же и критика Россией соблюдения прав человека в ЕС и его странах-членах¹. Наконец, третий подход — это оспаривание универсальности норм². Т. Романова демонстрирует, как нормативное оспаривание НСЕ со стороны России постепенно эволюционировало³.

Другая большая группа зарубежных исследований по «нормативной силе» в отношениях России и ЕС отталкивается от собственно двухсторонних связей, используя концепцию НСЕ как инструмент анализа. Эти исследования ориентированы, по определению, не столько на продвижение теоретических разработок НСЕ, сколько на упорядочивание эмпирических реалий.

Еще ранее исследователи (Д. Аверре, Р. Аллисон, К. Браунинг, С. Голунов, П. Йонниemi, Я. Клинке, П. Краточвил, М. Лайт, М. Лехти, А. Макарычев, С. Медведев, Б. Нигрен, И. Орчирова, С. Прозоров, И. Страус, П. Трускотт, С. Уайт, Х. Хауккала) говорили о том, что Россия не может быть интегрирована в Европу Евросоюза, что существуют две различные Европы, а базовые ценности Россия и ЕС зачастую трактуют по-разному, что не оставляет возможности для единообразной их реализации⁴. Это стало прочной основой для дебатов о том,

Union and its Global Partners? The European Union and its Global Partners / N. Tocci (ed.). Brussels: CEPS, 2008. CEPS Paperback Series. No 3; *Schulze J.* Estonia caught between East and West: EU conditionality, Russia's activism and minority integration // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, 2010. Vol. 38. No 3. P. 361–392; *Steen A.* National Elites and the Russian Minority Issue. Does EU-NATO Integration Matter? // *Journal of European Integration*, 2010. Vol. 32. No 2. P. 193–212.

¹ См. подробнее *Romanova T.* Russian Challenge to the EU's Normative Power?..

² *Larsen H.* Op. cit.; *Luccarelli S. and Manners I.* Op. cit.; *Romanova T.* 2009. Op. cit.; *Idem.* 2014. Op. cit.; *Tocci N. with Manners I.* 2008. Op. cit.

³ *Romanova T.* 2014. Op. cit.

⁴ *Allison R., Light M., White S.* Putin's Russia and the enlarged Europe. Oxford: Blackwell, 2006; *Averre D.* Russia and the European Union: Convergence or Divergence? // *European Security*, 2005. Vol. 14. No 2. P. 175–202; *Constructing identities in Europe: German and Russian perspectives* / R. Krumm, S. Medvedev and H.-H. Schröder (eds.). Baden-Baden: Nomos, 2012; *Golunov S.* EU-Russian border security: challenges, (mis)perceptions, and responses. Abingdon: Routledge, 2013; *Haukkala H.* Lost in Translation? Why the EU has Failed to Influence Russia's Development // *Europe-Asia Studies*, 2009. Vol. 61. P. 1757–1775; *Idem.* The EU-Russia strategic partnership: the limits of post-sovereignty in international relations. Abingdon: Routledge, 2010; *Idem.* The Russian Challenge to EU Normative

почему тезис о НСЕ не работает в отношениях Москвы и Брюсселя (в отличие от диалога последнего со странами-кандидатами, южными и восточными соседями или развивающимися государствами). Тезис о противоречиях между ценностями/нормами (как отправной точкой политики ЕС и его «нормативной силой») и интересами (на которых основывалась Россия) стал удобной и даже банальной схемой объяснения противоречий России и ЕС. Он широко тиражировался, служил для классификации эмпирического материала. Авторы зачастую игнорировали тот факт, что они применяют различные методологии к ЕС и России (конструктивизм и реализм соответственно), не обращают внимания, что интересы нельзя изолировать от ценностей и наоборот (работы Ж. ДеБарделебен, П. Лейно, Ф. Парментье, Р. Петрова, Х. Хауккала, Р. Шуетте)¹. При этом труды завершались

Power: The Case of European Neighbourhood Policy // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*, 2008. Vol. 43. No 2. P. 35–47; *Klinke I.* Postmodern Geopolitics? The European Union Eyes Russia // *Europe-Asia Studies*, 2012. Vol. 64. No 5. P. 929–947; *Kratochvíl P.* The Discursive Resistance to EU-Enticement: The Russian Elite and (the Lack of) Europeanisation // *Europe-Asia Studies*, 2008. Vol. 60. No 3. P. 397–422; *Makarychev A. S.* Russia's Search for International Identity Through the Sovereign Democracy Concept // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*, 2008. Vol. 43. No 2. P. 49–62; *Ochirova I.* The EU Kaliningrad policy: mapping Kaliningrad's place inside the European Union. Berlin: Duncker & Humblot, 2011; *Prozorov S.* Border Regions and the Politics of EU- Russian Relations The Role of the EU in Tempering and Producing Border Conflicts. DIIS Working Papers Series in EU Border Conflicts Studies. Jan 2004. No 3; *Russia and Europe: building bridges, digging trenches / K. Engelbrekt and B. Nygren (eds.)*. Abingdon: Routledge, 2010; *Straus I.* Western common homes and Russian national identities: How far East can the EU and NATO go, and where does that leave Russia? // *European Security*, 2001. Vol. 10. No 4. P. 1–44; *The struggle for the West: a divided and contested legacy / C. Browning and M. Lehti (eds.)*. Abingdon: Routledge, 2010; *Tassinaria F.* A riddle inside an enigma: Unwrapping the EU-Russia strategic partnership // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*, 2005. Vol. 40. No 1. P. 45–57; *Truscott P.* *Russia First: Breaking with the West*. London: I. B. Tauris, 1997.

¹ *DeBardeleben J.* Public Attitudes towards EU-Russian Relations: Knowledge, Values, and Interests // *The Boundaries of EU Enlargement. Finding a Place for Neighbours*. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 70–91; *Haukkala H.* The Relevance of Norms and Values in the EU's Russian Policy. Helsinki: FIIA, 2005. FIIA Working Papers. No 52; *Idem.* The Role of Norms and Values in the European Union's Russia Policy // *Russian and Europe in the Twenty-first Century: An Uneasy Partnership / J. Gower and G. Timmins (eds.)*. London, New York,

либо тезисом о моральной победе ЕС, либо заключением, что Россия одержала некоторые тактические победы, но ценой стратегического поражения: непоправимого ущерба долгосрочному сотрудничеству России и ЕС.

Работы российских исследователей (Н. К. Арбатовой, В. Г. Барановского, Е. В. Белокуровой, А. Т. Гаспаршвили, Д. А. Данилова, Н. Ю. Кавешникова, С. А. Караганова, Е. В. Романовой, Т. А. Романовой, И. С. Семененко, С. В. Туманова, С. В. Уткина), объясняющие специфику российского видения, параметры ее ценностной ориентации, хоть и присутствовали за рубежом в англоязычных версиях, оказывали не очень большое влияние на западную повестку исследования¹. Они также мало меняли и бинарный характер дискуссии о ценностях и интересах.

Однако на этом фоне группа специалистов (Д. Аверре, К. Барыш, М. Валь, С. Вуд, А. Герритс, Т. Казир, А. Монаган, Х. Рюутовари-Алу-нен, Ф. Тассарини, Г. Тимминс, П. Фленли, Х. Хауккала)² все чаще при-

Delhi: Anthem Press, 2007. P. 133–148; *Leino P., Petrov R.* Between ‘Common Values’ and Competing Universals — The Promotion of the EU’s Common Values through the European Neighbourhood Policy // *European Law Journal*, 2009. Vol. 15. No 5. P. 654–671; *Parmentier F.* Normative Power, EU Preferences and Russia. Lessons from the Russian-Georgian War // *European Political Economy Review*, 2009. No 9. P. 49–61; *Schuette R.* EU-Russia Relations: Interests and Values. A European Perspective. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. Dec 2004. Working Paper. No 54.

¹ *Arbatova N.* Russia-EU beyond 2007. Russian Domestic Debates. Paris: IFRI, June 2007. *Russie.Nei.Visions*. No 20; *Baranovsky V., Utkin V.* Europe as Seen from Russia // *Perspectives: Central European Review of International Affairs*, 2012. Vol. 20. No 2. P. 63–81; *Belokurova E.* Civil Society Discourses in Russia: The Influence of the European Union and the Role of EU-Russia Cooperation // *Journal of European Integration*, 2010. Vol. 32. No 5. P. 457–474; *Danilov D., Karaganov S., Lynch D. et al.* What Russia Sees. Paris: IFRI. Jan 2005. Chaillot Paper. No 74; *Kaveshnikov N.* The European Union in the Russian Press // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2007. Vol. 23. No 3. P. 396–424; *Semenenko I.* The Quest for Identity. Russian Public Opinion on Europe and the European Union and the National Identity Agenda // *Perspectives on European Politics and Society*, 2013. Vol. 14. No 1. P. 102–122; *Tumanov S., Gasparishvili A., Romanova E.* Russia-EU Relations, or How the Russians Really View the EU // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2011. Vol. 27. No 1. P. 120–141.

² *Averre D.* Op. cit.; *Barysch K.* The EU and Russia: From principle to pragmatism? London: CER Policy Brief. Nov 2006; *Casier T.* The European Union and

зывала к прагматическому сотрудничеству России и ЕС, отказу от банализированного противоречия между интересами и ценностями и от продвижения НСЕ в диалоге с Москвой, в частности, к формированию концепции «прагматичной силы Европы».

Russia: Partners by Default? // *The European Union neighbourhood: challenges and opportunities* / T. Cierco (ed.). Farnham: Burlington, VT: Ashgate, 2013. P. 123–141; *Idem*. The EU-Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument // *Europe-Asia Studies*, 2013. Vol. 65. No 7. P. 1377–1395; *Flenley P.* Russia and the EU: A pragmatic and contradictory relationship // *Perspectives on European Politics and Society*, 2005. Vol. 6. No 3. P. 435–461; *Gerrits A. (ed.), Bader M., de Haas M., de Jong J.* The European Union and Russia: Perception and Interests in the Shaping of Relations. Clingendael: Netherlands Institute of International Relations. Nov 2008; *Haukkala H.* False Premises, Sound Principles: the Way Forward in EU-Russian Relations. Helsinki: FIIA, 16 April 2008. Briefing Paper. No 20; *Monaghan A., Montanaro-Jankovski L.* EU-Russia energy relations: the need for active engagement. Brussels: EPC, Mar 2006. EPC Issue Paper. No 45; *Rytovuori-Apunen H.* Regulatory Convergence and Global Partnership: Another Phase in EU-Russian Relations // *The Boundaries of EU Enlargement. Finding a Place for Neighbours* / J. DeBardeleben (ed.). Houndsmill, New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 92–110; *Tassinari F. and Vahl M.* Small is Feasible: Pondering the Future of EU-Russian Relations Fabrizio // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*, 2010. Vol. 45. No 2. P. 55–68; *Timmins G.* Coping with the new Neighbours: The evolution of European union policy towards Russia // *Perspectives on European Politics and Society*, 2004. Vol. 5. No 2. P. 357–374; *Idem*. Strategic or pragmatic Partnership? The European Union's Policy Towards Russia Since the End of the Cold War // *European Security*, 2002. Winter. Vol. 11. No 4. P. 78–95; *Wood S.* Pragmatic power EUrope? // *Cooperation and Conflict* June 2011. Vol. 46. No 2. P. 242–261.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
I. ТЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕС В РОССИИ	6
1. Общий обзор	6
2. Экономическое сотрудничество	8
3. Энергетическое сотрудничество	13
4. Сотрудничество в сфере безопасности	16
5. Влияние расширения Европейского союза на Восток	21
6. Проблематика общего соседства ЕС и России	26
7. Сотрудничество в области внутренней безопасности, правосудия и внутренних дел	30
8. Приграничное сотрудничество, Калининград и «Северное измерение»	33
9. «Калининградский вопрос»	38
10. Вопрос о принадлежности России к Европе	44
11. Роль стран — членов ЕС в его отношениях с Россией	48
12. Проблема преобразований в ЕС как фактор его отношений с Россией	51
13. Правовые аспекты отношений	54
14. Постсоветская/евразийская интеграция и ее соотношение с европейской интеграцией	58
II. ТЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕС ЗА РУБЕЖОМ	64
1. Общий обзор	64
2. Экономическое сотрудничество	67
3. Энергетическое сотрудничество	71
4. Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС и отношения с Российской Федерацией	80
5. Влияние расширения Европейского союза на Восток	87

6. Проблематика общего соседства ЕС и России в контексте отношений между Евросоюзом и Россией	94
7. Сотрудничество в области мягкой безопасности	99
8. Приграничное сотрудничество и «Северное измерение»	104
9. «Калининградский вопрос»	110
10. Проблема современности и постсовременности	114
11. Роль стран — членов ЕС в его отношениях с Россией	120
12. Значение российской внешней политики	125
13. Отношения Европейского союза и России в контексте внутренней эволюции Евросоюза	130
14. Правовые аспекты отношений	138
III. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕС	143
1. Общий обзор	143
2. Реалистическая парадигма в российских исследованиях	147
3. Реалистическая парадигма в зарубежных исследованиях	152
4. Геополитика, теория взаимозависимости и теория режимов в зарубежных исследованиях	156
5. Системно-исторический метод в российских исследованиях	164
6. Институционализм в российских исследованиях	168
7. Институционализм в зарубежных исследованиях	174
8. Конструктивизм в российских исследованиях	181
9. Конструктивизм в зарубежных исследованиях	186
10. Проблематика европеизации в российских исследованиях	191
11. Проблематика европеизации в зарубежных исследованиях	196
12. Проблематика «нормативной силы» в российских исследованиях	202
13. Проблематика «нормативной силы» в зарубежных исследованиях	206

Научное издание

**ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ОТНОШЕНИЙ
РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА
В НАШЕЙ СТРАНЕ И ЗА РУБЕЖОМ**

под общей редакцией
Т. А. Романовой

Выпускающий редактор *Л. В. Батришина*
Корректор *Н. Н. Ухабова*
Оригинал-макет *Е. Н. Ванчурина*
Дизайн обложки *О. Э. Рябикова*

Подписано в печать 25.08.2018. Формат 60 × 84¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 12,6. Тираж 200 экз. Заказ № 1354

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел.: +7 965 048 04 28